

**ОТ ШАРКУНКИ
ДО НАБОРА «ПИОНЕРЫ»**
К истории русской игрушки

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

СТАС МИХАЙЛОВ ИЛИ ПЕТР ЧАЙКОВСКИЙ?

С ОГЛАСНО ОДНОМУ ИЗ НЕДАВНИХ («ЛЕВАДА-ЦЕНТРА») опросов, почти 70 процентов россиян слушают музыку ежедневно или через день, при этом большинство из них предпочитают отечественную попсу. Вторым по популярности в стране оказался шансон – за него проголосовали 30 процентов респондентов. За ним следует классическая музыка с 22 процентами опрошенных.

Раз популярна попса, то немудрено, что любимым артистом для наших сограждан оказался Филипп Киркоров, на втором месте (они его поделили) Алла Пугачева и Стас Михайлов. Пока не очень популярен у россиян в целом рэп, вокруг которого недавно вспыхнули аж политические баталии – в связи с запретом в ряде регионов концертов отдельных рэп-исполнителей.

Как относиться к таким результатам? Мы вроде гордимся нашей классической музыкой – произведениями Чайковского, Шостаковича, Рахманинова, а народ в массе своей «запал», как говорят в простонародье, на Стаса Михайлова. Да никак не относиться. Спокойно. Большое искусство всегда было делом меньшинства. Меньшинство и общественный прогресс в целом двигает. Пока боль-

шинство наслаждается спокойной обывательской жизнью и слушает попсу. Наш журнал тоже не рассчитан на «массового читателя». Мы ценим того, который у нас есть, и считаем его элитарным читателем. На том стоим.

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

ИТАР-ТАСС

РУССКИЙ МИР

06 Лучшие традиции воспитания

08 Им уже под 50

ИНТЕРВЬЮ

10 Ирония нашей судьбы – на фоне «Иронии судьбы, или С легким паром!»

16 Не-обыкновенный Пчёлкин

ИСТОРИЯ

22 На пауке за костотрясом

28 Поставщики императорского двора

34 Завтра война?

40 На церковной палубе

НАСЛЕДИЕ

48 Ветер, песни и свобода

МУЗЕИ

56 Игрушка – зеркало жизни

КУЛЬТУРА

66 Час их бессмертия пробил...

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

70 История одной коллекции

74 Карма, она же Корма

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

80 Окна Лубянки

РЕПОРТАЖ

88 Бал у городничего

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Виола ЛЕХНОВИЧ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Григорий ПЕРНАВСКИЙ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Юлия СЕМЕНОВА
Галина УЛЬЯНОВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@ruskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

ЛУЧШИЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ, ЧЕСТНОСТЬ, СЛУЖЕНИЕ СЕМЬЕ И ОТЕЧЕСТВУ – ЭТО ЦЕННОСТИ, КОТОРЫЕ ПОМОГАЕТ ПРИВИВАТЬ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ СТАЛИ ТЕМОЙ КРУГЛОГО СТОЛА «ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ», КОТОРЫЙ СОСТОЯЛСЯ 30 ЯНВАРЯ 2019 ГОДА В СТЕНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

МЕРОПРИЯТИЕ ПРОШЛО в рамках VII Рождественских парламентских встреч XXVII Международных Рождественских образовательных чтений. В работе круглого стола приняли участие депутаты Государственной думы, архиереи и священники Русской православной церкви, представители Министерства просвещения РФ, Российской академии образования, а также эксперты.

НА СТОРОНЕ ДОБРА

В нашу страну образование пришло вместе с христианством, а в тяжелые времена, в период монголо-татарского ига, культуры и образованности оставалось ровно столько, сколько их оставалось в монастырях и церквях. Об этом заявил ведущий круглого стола, председатель комитета Государственной думы по обра-

зованию и науке Вячеслав Никонов. Он добавил, что в России образованность церковная, православная предшествовала образованию светскому, и такая специфика существовала на протяжении многовекового становления государства. Он попросил не забывать и о вкладе других конфессий в нашу общую культурную и образовательную матрицу. Вячеслав Никонов напомнил, сколько людей в нашей стране, составлявших цвет культуры и гордость нации, имело духовное образование. «Если мы говорим о духовно-нравственном воспитании, то это воспитание всего комплекса ценностей, в котором свобода исключительно важна – это возможность самовыражения каждой личности, но это и ценность жизни каждого человека», – отметил он. Роль церковной геополитики недооценивалась в последнее время, но она становится очевидной в свете

Участники мероприятия сошлись во мнении: ответственность за нравственное воспитание детей лежит на нас

идеологического и морального раскола, который сейчас проходит на Украине, сказал Вячеслав Никонов. Он добавил, что этот раскол проходит через веру, и ему необходимо уделить внимание в образовании. По словам Вячеслава Никонова, в духовно-нравственном воспитании важно прививать систему ценностей, в которую входят свобода и ответственность, честь и честность, совесть и справедливость, любовь к Родине, служение Отечеству, Богу и семье.

БУДУЩЕЕ РАСТЕТ С НАМИ

Задача образования выходит далеко за пределы области обучения и передачи знаний, считает митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий (Иванов). Для того чтобы видеть будущее, не нужно быть пророком, уверен он, достаточно быть внимательным к тому, чем живут наши дети.

«Они будущее, которое формируется, изменяется и растет вместе с нами и, надо сказать, в прямой зависимости от нас. Мы можем и, видимо, просто обязаны сделать это будущее лучше», – заявил митрополит, добавив, что для этого нужно это будущее воспитывать.

Он отметил необходимость разработки учебных пособий по религиозным культурам, отвечающих на актуальные запросы молодежи. Митрополит также остановился на недостаточном финансировании деятельности частных православных образовательных организаций, реализующих

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЖУРНАЛОМ «СТОЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Преподавание Основ религиозных культур и светской этики введено в 2012 году по всей России для учащихся четвертых классов. Предмет предусматривает изучение на выбор основ православной, исламской, буддистской или иудейской культуры. По желанию преподаются основы всех мировых религиозных культур или основы светской этики. Занятия проходят один час в неделю.

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЖУРНАЛОМ «СТОЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Ведущим круглого стола выступил Вячеслав Никонов

федеральный государственный образовательный стандарт.

«Каждая православная школа – это попытка возрождения лучших традиций отечественного образования в современных условиях. Я бы сказал, что это подвиг, который свидетельствует о жизнеспособности духовного опыта православия и его применимости в современной школе», – отметил митрополит, добавив, что работа таких школ – это один из лучших примеров государственного церковного сотрудничества в образовании.

БОРЬБА ЗА УМЫ

«Ребенок живет в обществе, его окружает среда, у него есть родители, у него есть семейное окружение, его родственники, приятели, – сказала заместитель министра просвещения Татьяна Синюгина. – Не должно

получаться так, что в школе мы говорим о том, что сегодня важно и нужно, а когда ребенок попадает в общество, он не видит того, о чем мы говорим в школе».

Татьяна Синюгина уверена, сейчас идет агрессивная борьба за умы наших детей, нужно понимать, что происходит и какие у нас есть ресурсы, чтобы эффективно противостоять в этой борьбе нашим противникам. Заместитель министра отметила особое влияние на детей ресурсов информационного пространства.

Педагоги, преподающие предмет «Основы православной культуры» (один из модулей, который можно выбрать в ходе изучения курса «Основы религиозных культур и светской этики», ОРКСЭ. – Прим. ред.), никогда не были погружены в православную среду, отметила Татьяна Синюгина. Она считает, в деле подготовки

Заместитель министра просвещения РФ Татьяна Синюгина

и переподготовки преподавателей пригодится опыт совместной работы с Русской православной церковью, который наработан во многих регионах.

Чаще всего вопросы духовно-нравственного развития задает не общество, не государство, а православная церковь, отметил президент Российской академии образования Юрий Зинченко. Говоря о вызовах научно-технического прогресса, он подчеркнул роль Интернета, ресурсы которого авторитетны для школьников. И если мы строим цифровое общество, то необходимо подумать о роли в нем этики и морали.

О китайском опыте выстраивания национальной идентичности в киберпространстве, о роли кинематографа в воспитании школьников напомнил ректор Московского педагогического государственного университета Алексей Лубков. О том, что представители РПЦ нередко сталкиваются с трудностями при попытках посетить школьные родительские собрания, на которых решается выбор модуля в рамках предмета ОРКСЭ, рассказал Владимир Сысоев, первый заместитель председателя комитета Государственной думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям. По словам депутата, часто остается неизвестным, по каким причинам учащиеся и их родители отказываются выбирать изучение Основ православной культуры. Епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт рассказал об опыте Северного Кавказа: когда муфтий или имам вместе с епископом или священником посещают школы, это воспринимается очень позитивно, как символ единства, как наглядный пример отношения к представителям другой религиозной традиции.

Участники круглого стола обсудили также вопросы создания и совершенствования учебников, проблемы адаптации нормативной базы, необходимость корректных юридических формулировок с учетом принципа светского характера государства, закрепленного в Конституции. Подводя итоги мероприятия, Вячеслав Никонов отметил: на нас лежит ответственность за воспитание будущего поколения нашей страны, в том числе за духовное и нравственное воспитание. **■**

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЖУРНАЛОМ «СТОЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Митрополит Ростовский и Новочеркасский Меркурий (Иванов)

ПРЕДОСТАВЛЕНО ЖУРНАЛОМ «СТОЛИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

ИМ УЖЕ ПОД 50

АВТОР

МИХАИЛ ФАДИЧЕВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ФОТОЦЕНТРЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ В МОСКВЕ, НА ГОГОЛЕВСКОМ БУЛЬВАРЕ, СОСТОЯЛОСЬ ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 30-ЛЕТИЮ ВЫВОДА ОГРАНИЧЕННОГО КОНТИНГЕНТА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ РЕСПУБЛИКИ АФГАНИСТАН.

ПРОЩЕ ГОВОРЯ – ОКОНЧАНИЮ афганской войны, продолжавшейся с 1979 по 1989 год. Более девяти лет. Отсюда и лаконичное название выставки – «Афган – наша память!». Завершение войны традиционно отмечают 15 февраля. Долгие годы в этот день «афганцы» – а через эту войну прошло около миллиона воинов – собирались, что называется, частным порядком. Или – в различных общественных организациях. Но в 2010 году был принят федеральный закон, согласно которому эта дата приоб-

рела официальный статус – «День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества». В сокращенном варианте – «День памяти воинов-интернационалистов».

А таковых в стране очень много. Помимо Афганистана советским, а теперь уже и российским солдатам и офицерам пришлось участвовать в военных конфликтах в Китае и Корее, Анголе и Мозамбике, Египте и Эфиопии, Йемене и Сирии, Ливане и Алжире, Вьетнаме и Лаосе, Камбодже и Бангладеш, Нагорном Карабахе и Таджи-

кистане. По официальным данным, мы потеряли в этих войнах 1864 человека. Но самой продолжительной и кровопролитной была афганская война. Погибло более 15 тысяч солдат и офицеров. В современной Сирии еще не закончили.

Первые советские солдаты, оказавшиеся в Афганистане, рождены в начале 60-х годов прошлого века. То есть им сейчас под 60 лет. Младшим офицерам – чуть больше. Те, кто призывался и уходил «за речку» под занавес событий, в 1988-м, на десяток лет моложе. Но и 50 – тоже возраст. А с десятков фотографий,

На вернисаже. Ветераны вспоминают...

Военные фотографии Виктор Хабаров (с микрофоном), Владимир Смоляков (в центре) и директора Фотоцентра Валерий Никифоров

Открытие выставки. У микрофона
 атташе по культуре Исламской
 Республики Афганистан
 Шах Султан Акифи

представленных в Фотоцентре, на нас смотрят по большей части молодые парни. Улыбчивые и строгие, веселые и печальные. Разные. Помимо портретов на стенах фотографии, по которым можно представить себе военные будни афганской войны, сам Афганистан в его колоритном многообразии. Золотой фонд выставки составили работы Владимира Сварцевича, Виктора Хабарова, Владимира Смолякова, Александра Гращенкова. Впервые в фотоколлекцию были включены кадры, сделанные фотокорреспондентом газеты «Известия» Александром Секрета-

ревым, погибшим в Афганистане в 1988 году. До своего 30-летия Саша не дожил пять месяцев. До окончания войны – девять. Из выступлений на вернисаже особого интереса заслуживают два. Атташе по культуре Исламской Республики Афганистан Шах Султан Акифи рассказал, что в молодости учился в Краснодаре, в Кубанском сельскохозяйственном институте. Проректор института Николай Котляров пригласил первокурсника на ужин, на который собрались и другие преподаватели. Также в компании оказался один незнакомец. Обсуждая ввод наших войск в Афга-

Выступает
 ветеран
 афганской войны,
 председатель
 Международного
 Славянского
 совета
 Сергей Бабурин

нистан, он поинтересовался у Шаха, как тот относится к этому. 21-летний студент ответил искренне – отрицательно. Проректору чудом удалось убедить незнакомца из КГБ, что студент сказал это по наивности. Председатель Московского союза организаций участников войн и боевых операций Дмитрий Попов сообщил, что впервые в столице организовано шествие «Бессмертный контингент» по примеру акции «Бессмертный полк», посвященной героям Великой Отечественной войны. Кроме того, в Москве по благословению патриарха Кирилла заложено основание храма ветеранов боевых действий. **М**

История афганской войны интересна не только тем, кому от 50 и старше

Первый заместитель председателя
 Центрального правления
 Российского союза ветеранов
 Афганистана Андрей Кузнецов
 вручает награду полковнику полиции
 Виталию Черкасову

ИРОНИЯ НАШЕЙ СУДЬБЫ – НА ФОНЕ «ИРОНИИ СУДЬБЫ, ИЛИ С ЛЕГКИМ ПАРОМ!»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ТЕАТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А.А. БАХРУШИНА УЖЕ В ПЯТЫЙ РАЗ НАГРАДИЛ СВОЕЙ ЕЖЕГОДНОЙ ПРЕМИЕЙ «ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН» КНИГИ, ОТКРЫВАЮЩИЕ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ ЗАКУЛИСЬЕ – ВНУТРЕННИЙ МИР ВСЕГДА ИНТРИГУЮЩЕГО ИСКУССТВА. СРЕДИ ЛАУРЕАТОВ – АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ, ПОЛУЧИВШИЙ ПРЕМИЮ СРАЗУ ЗА ТРИ КНИГИ: «ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ БИОГРАФИИ», «СКЛЕРОЗ, РАССЕЯННЫЙ ПО ЖИЗНИ», «В ПРОМЕЖУТКАХ МЕЖДУ». ХУДРУК ТЕАТРА САТИРЫ, РЕЖИССЕР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР, ОДИН ИЗ ЯРЧАЙШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ, АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ШИРВИНДТ ПРЕДСТАЕТ В МЕМУАРАХ – ОТЧАСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ, ОТЧАСТИ ИРОНИЧЕСКИХ – АВТОРОМ МУДРЫМ И СЕНТИМЕНТАЛЬНЫМ, САРКАСТИЧНЫМ И БЕЗМЕРНО ЛЮБЯЩИМ...

— **А**ЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ, КАЖДЫЙ ГОД, УЖЕ 44 ГОДА ПОДРЯД, МЫ ВСТРЕЧАЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ НОВЫЙ ГОД – С ФИЛЬМОМ «ИРОНИЯ СУДЬБЫ, ИЛИ С ЛЕГКИМ ПАРОМ!». В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ ЭТОЙ КАРТИНЕ ИСПОЛНИТСЯ 45 ЛЕТ. И ВЫ ТАМ НЕ ТОЛЬКО ПАВЛИК, НО И ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС, ТО ЕСТЬ ВСЯ ИСТОРИЯ – С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРИМЕРНОГО СЕМЬЯНИНА ПАВЛИКА. НО 2 ЯНВАРЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА ИЗ-ЗА ЭТОГО ФИЛЬМА ЧУТЬ НЕ РАЗГОРЕЛСЯ СКАНДАЛ...

– Это рязанский митрополит разгневался. Мне тут же кто-то позвонил – спросить про мое отношение. Но полемизировать с глупостью стыдно. Вообще, это все не случайно. В нашей стране всегда существовали и существуют очень немного фигур, которые создавали и создают оптимизм во все самые разные – страшные и спокойные – периоды ее существования. Дунаевский, Гайдай, Рязанов, Горин, Шварц, Жванецкий... Можно еще перечислять. Это лакмус чистого воздуха и оптимистическая надежда на завтра. А «Ирония судьбы»... Перед каждым Новым годом слышны вопли: «Хватит! Надоело», и все равно, невзирая на зодиак, каждое 31 декабря опять включают эту «нетленку». Включают и ждут, пока Андрюша Мягков снимет штаны на диване Брыльской и тем са-

мым дико зашокирует митрополита Рязанского. Для отмазки хочу все-таки напомнить, что он снимает штаны, а не трусы, а в противовес этому стриптизу Яковлев душ принимает в шубе. И нравится не нравится, а ирония нашей судьбы – на фоне «Иронии судьбы, или С легким паром!»...

– Для тех, кто читает ваши книги, это очень неожиданное откровение. Скажите, что такое для вас литературный труд: исповедь или снятие маски, какое-то разоблачение? Или хулиганство?

– Ну, можно в ответ очень красиво стыдливо промывать: мол, «конец жизни, подведение итогов, переосмысление» и так далее. Все это пижонство, потому что все значительно прозаичнее. Есть такая милая дама-подруга, журналистка Юлечка Ларина, которая долго работала в «Огоньке», потом ушла на вольные хлеба и стала моим всегдашним редактором. И как в том анекдоте: легче дать, чем объяснить, почему не хочу. Она, в хорошем смысле слова, совершенный узурпатор и гонит меня к столу. Как ни странно, все мои писательские импульсы рождаются только от прихода в голову названия книги. Первая книжка была в соавторстве с покойным театроведом Борисом Поюровским, и называлась она «Былое без дум». Придума-

лось название, и пошла фантазия. В ней портреты людей, которые сейчас все уже «там». Но когда неожиданно ночью от бессонницы включаешь телевизор и идут старые передачи из Дома актера, видишь эту галерею потрясающих артистов и редких, мощных индивидуальностей, которые являются персонажами «Былого без дум», понимаешь, что «там-то» они «там», а необходимость в них здесь с каждым годом все острее и острее. Потом Юля «навела» меня на вторую книжку. Называлась она «Schirwindt, стертый с лица земли».

– *Какое страшное название...*

– Нет, это документально. Был такой город – самый восточный город Пруссии, в 100 километрах от Кёнигсберга–Калининграда. А почему он стерт с лица? Потому что во время войны от него ничего не осталось. Ни-че-го! И мы туда поехали с Державиным, там есть фундамент кирхи. Все. И поле. Ну, лет сорок тому назад еще валялись какие-то осколкообразные военные атрибуты. Называется это сейчас «поселок Кутузово». Логично? Ширвиндт и Кутузово – очень близко лежащие названия... И мы это посетили, тамошние власти нас мило принимали, даже грустно шутили о возрождении Ширвиндта. Вот книжечка и родилась.

Потом есть опус «Проходные дворы биографии». А почему? Потому что вот здесь – в театре или дома, где собаки, внуки, правнуки и бесконечный Русский мир, – телевидение, телефоны, репетиции, скандалы... А когда-то надо сосредоточиться, слова поучить, не дай бог, получил от себя какую-нибудь роль, – вот тогда я из последних сил сажусь в машину и без водителя еду в переулочек детства – к Никитским Воротам, в Скатертный переулок. Как-то притуляюсь около бывшего моего дома 5А. Раньше там в коммунальной квартире №8 восемь семей было. Сейчас там уже ковровая дорожка к дому – не подступиться. Тихонько сижу около двора и учу слова. Когда были арбатские переулки, можно было проходными дворами дойти до Марьиной Рощи! А сейчас на каждых пяти метрах – шлагбаум и тупик. И мне пришло в голову – куда эти проходные дворы меня привели...

Еще книжка – «Склероз, рассеянный по жизни». У меня фразочка там написана: «Склероз – это не когда что-то забываешь, а когда забываешь, где записал, чтобы не забыть». И пошла всякая фантазия...

И новая книжка есть – называется она «В промежутках между». Мне четыре года назад стукнуло 80 лет, и многие милые люди из друзей меня поздравили – кто-то весело, кто-то грустно, кто-то хамски, кто-то наивно... И тогда моя помощница Лиана – я все время мучил ее, мол, давай поблагодарим, ответим, – говорит: напишите всем и издадим. И вот взяли вечную телефонную книжку мою – к ней бояться прикасаться: «Ой, какая гадость...»

– *Это архивный документ, уже история.*

– История в конце, которая тоже зачеркнется. Все говорят: «Как тебе не стыдно? Мы тебе купим но-

вую...» Ну, во-первых, я все уже знаю, где кто здесь. Потом, почти все вычеркнуты. Ужас, да?

– *Горько...*

– Да, но – се ля ви. И тогда издали такую книжку... Вот я и рассказал как на духу кухню моего литературного труда.

– *Но у вас еще литературный дар, стиль потрясающий, а читается легко, захлеб, оторваться трудно! Это талант, Александр Анатольевич.*

– Стыдливо молчу.

– *А книги вы надиктовывали?..*

– Нет, я руками пишу. Мне даже гусиное перо подарили, но я не знаю, куда его вставлять.

– *В чернильницу.*

– Спасибо, попробую.

– *Вы пишете от души...*

– От чего придется. Какое место тела о себе напоминает, от него и пишу. Иногда от души.

– *Александр Анатольевич, простите, перейду на офизиоз: Год театра. Я видела фотографию, где вы сидите на заседании по случаю открытия, рядом с вами – Путин, по другую от него руку – Калягин, и вы решаете, как этот год проводить.*

– Зачем-то вообще придумано, что Ярославль – это зарождение русского профессионального театра. Федор Волков. Хотя это все очень сомнительно. Тем не менее очень хороший театральный город – Ярославль, несмотря на то, что в округе жуткие тюрьмы, а внутри города милейшая, интеллигентнейшая публика, театральная. И на открытие Года театра приехал президент, выкроили каких-то известных театральных деятелей. Кто-то доехал, кто-то не доехал. Я дополз. Состав очень дифференцирован. С одной стороны, Юрий Соломин, Вера Васильева, я, с другой – замечательная «гвардия нашей надежды» – Писарев, Машков, Меньшиков. Сидели, мечтали, клянчили. А вообще, у нас вековой менталитет на всяческие «кампании». Месячник безопасности движения. То есть месяц – ни-ни, а дальше там... День борьбы с абортными. Один день. А дальше рожай не хочу или, наоборот, делай аборт. Или месяц защиты ребенка. Вот эти бесконечные месячные.

И вот пришло время обратить внимание на театральное производство, фантазии, раздумья. Проектов – громадье. Вот придумал Андрон Кончаловский создать... Как это называется, когда соединяют баню, публичный дом, театр и так далее?

– *Эклектика.*

– Нет. Кляйстер!.. Кластер – это объединение необъединяемого. И уже всерьез это полемизируется. Что касается нас, я думаю, что неожиданно Год театра совпал с 95-летием Театра сатиры – все-

таки. Нам в октябре 95 лет! Это не юбилей. Юбилей – это кратное двадцати пяти. А это – дата, но прикинуться юбиларом можно.

– *Дата серьезная.*

– Да! И мы должны к открытию этого юбилейного, «датского» сезона, по идее, сделать, тьфу-тьфу-тьфу, три премьеры. Так как это Год театра и ответственный – я, решил в этот раз никаких шлягерных водевильчиков не играть. Мы ставим «Платонова» Чехова – это «Пьеса без названия». Паша Сафонов – мой ученик и хороший режиссер, у нас уже два спектакля поставил. Необыкновенно дотошный, скрупулезный, от него можно родить, но эта дотошность – творческая, поэтому иногда думаешь: «Паша, я не могу, ты уже достал», а потом думаешь: «Молодец». Там будет Максим Аверин играть главную роль – тоже из моих учеников, он у нас в труппе уже два года. Замечательный поэт Ряшенцев Юра, действительно классик, но много работает вообще для театра. Лет пятнадцать назад написал нам пьесу «Средства от наследства» – веселую комедию в стихах, которую мы очень успешно играли. В главных ролях Добронравов и Нифонтов. Осенью они с Галей – это жена и соавтор Ряшенцева – вдруг принесли мне такой шестисотстраничный кирпич: Эмиль

Золя, «Дамское счастье». И говорят: вот мы мечтаем по этому роману сделать... Прочсть этого «Золю» физически было невозможно! «Нет, прочти, прочти». Я осилил. Думаю: как это можно?..

– *Инсценировать.*

– Нет, по мотивам этой «Золи» они написали пьесу. Наш завмуз, композитор и дирижер Андрюша Рубцов, современный, тонкий музыкант... У нас же, по-моему, последний российский драматический театр, где есть свой оркестр! Так вот, Юрий Ряшенцев, молодой режиссер Мария Тихонова и наш завмуз Андрей Рубцов под наш личный оркестр пробуют осилить французскую драму начала XIX века.

А мы с Юликом Кимом замахнулись немножко поиздеваться при помощи Булгакова над системой театрального производства. У Михаила Афанасьевича есть пьеса со странной полутрагической судьбой, называется «Полоумный Журден». Это такое театральное хулиганство по мотивам мольеровского «Мещанина во дворянстве». У Булгакова так: заболел Мольер, и они срочно пытаются сыграть этого «Мещанина во дворянстве» без него. Когда-то Немирович-Данченко просил Булгакова об этом, как теперь говорят, проекте. Ничего не получилось. Потом к нему подступался

Юрий Александрович Завадский – ничего. Теперь рискнули мы. Вот такие у нас три перспективы, тьфу-тьфу-тьфу, на Год театра.

– *Насколько, по-вашему сегодняшнему ощущению, непреодолима зависимость актера от зрителя?*

– Вообще, любые бирки – это наша вечная российская забава. Театр Гоголя, Театр Моссовета, Театр Пушкина, Театр сатиры, Театр Ермоловой – это все придумки... У нас необходимы звания. Если над тобой в программке не стоит «народный артист, трижды лауреат и «Золотая маска» – никто не обратит внимания. Если просто написано «Коля» – кто на Колю пойдет? Сейчас, слава богу, чуть-чуть это размыто и какое-то значение стали иметь имена, а не звания.

В этом плане «трагическая» история была: такой Петр Полев – замечательный литератор и артист Театра Советской армии. Это еще тот был Театр Советской армии, где играли уникальные Поповы, Петров, Сазонова, Касаткина, Зельдин и так далее... Их курировала не только культура, но и вооруженные силы. Над каждым артистом была огромная шапка званий, и они ездили по каким-то большим мероприятиям, особенно военного плана. Замечательный артист Владимир Сошальский – красавец, с бархатным голосом – всегда вел

эти встречи. Куда-то они поехали с очередным концертом, подходит Полев к Сошальскому и говорит: «Володя, в зале министр, весь генералитет, а я без званий. Поддай меня как-то». И Сошальский объявляет: «Александр Штейн. «Океан». Сцена из второго акта. Действующие лица и исполнители: Адмирал – народный артист Советского Союза, трижды лауреат Сталинской премии Алексей Попов; Капитан второго ранга – трижды лауреат» и так далее, и в конце нежно произносит: «Боцман Яша – участник Всесоюзной переписи населения Петр Полев»... Какое-никакое, но все равно звание!

– *Лауреат переписи.*

– Да! И эта бирка, это клеймо над Театром сатиры дает зрителю предубеждение, что придется все время хихикать... Это ужас. Но у нас очень разнообразный репертуар. «Таланты и поклонники» Островского, без сегодняшних режиссерских «изысков» поставленный Борисом Морозовым, в замечательном оформлении Бархина. Идет «Роковое влечение», драма с Верой Васильевой в главной роли. Играли булгаковского «Мольера» и так далее. Репертуар по жанровости очень широкий.

– *Как вы думаете, вообще, сатирой можно вылечить общество или это утопия?*

– Это абсолютная фраза! Никто ничего на себя не примеряет. Сидит человек, про которого спектакль. Он смеется и на кого угодно думает, только не на себя. А это все: «театр – это университет», «театр – это воспитатель» – действительно утопия! Тогда в чем смысл «театрального производства»? Конечно, смысл – великая вещь, но, с другой стороны, при нашей сегодняшней бессмысленной беготне, нервотрепке, в этом «перезвонимся-перезвонимся», в селфи вместо Роста или Плотникова зритель, я уверен, имеет право на два часа простого отдыха. Меня за эту тенденцию страшно жуют, но я терплю.

– Не жую, но хочу понять: в эпоху застоя все в жизни внешне спокойно, а сатирические выступления и актуальны, и востребованы, и многочисленны. Сейчас общество бурлит от проблем, но сатира молчит. Бытовые скандалы транслируются на всю страну в бесконечных ток-шоу, при этом люди усиленно вовлекаются и в политику – постоянные политические скандалы, какие-то митинги, – и общество должно все это обсуждать. Но сатира, которая может выступать как некое лекарство, указывая на проблемы и, может быть, как-то их нивелируя или смягчая через призму юмора, помогая людям это все осознать, спит. Вот почему в спокойной жизни она была востребована, а в беспокойной – отсутствует? Хотя и сто лет назад, во время революции, сатиры было много. А сейчас впечатление, что ее просто нет.

– Дело в том, что, как это ни наивно и скучно звучит, должны быть драматурги. Их в общем-то нет. Если ты окунаешься куда-нибудь в Серебряный век, то натыкаешься на Хармса, на Булгакова, на Сашу Черного, на Зощенку, на Шварца, а потом на Горина, на Арканова, на Володина. Я могу этот список продолжать, и это были совершенно уникальные, ярчайшие индивидуальности! Маяковский писал для театра, и шла, кстати, у нас его трилогия – «Клоп», «Баня» и «Мистерия-Буфф». Это все было. Сейчас нет. У меня на столе – тонна пьес, сплошная графомания, а не читать нельзя, потому что: «А вдруг Ломоносов?». Это раз. Второе. Когда все можно...

– Ничего не хочется?

– Хотеть – не значит мочь. А потом, как можно, например, пересатирить Государственную думу?..

– В вашей книге «В промежутках между» Михаил Михайлович Козаков, поздравляя с юбилеем, называет вас своим учителем, нецензурно ругается и признает, мол, мне до тебя расти и расти. А я слышала, как он виртуозно это делал – с приставками, суффиксами, окончаниями, появлялись прилагательные, наречия и так далее – он фонтанировал...

– Опять очередная кампания, очень сильная – антимат. Я не матерюсь, я разговариваю на родном языке. Куда деть матерные эпиграммы Пушкина, «Луку Мудищева» Баркова, Вяземского и так да-

лее? Если подсуетиться, можно собрать огромную библиотеку матерной классики. Весь мир пользуется нашей матерщиной в экстренных случаях. Она – национальное достояние, наш золотой запас. Потому что когда посылают «к черту» – это не адрес, это очень близко и мягко.

– Вы все-таки говорите о бытовой ситуации, а речь-то идет о том, насколько это приемлемо и необходимо в кино, на сцене – в культурном и общественном пространстве.

– У нас был такой деятель Лапин – узурпатор, начальник телевидения: он не разрешал на лицах в кадре никакой растительности. Все несчастные ведущие и комментаторы, вне зависимости от пола, сбрасывали бороды и усы и все, что где-нибудь росло.

Антиалкогольная кампания. Из классических кинокартин вырезают все емкости, куда могли бы налить что-нибудь спиртоносное. Кефир, йогурт, сок, в крайнем случае, маленький стаканчик пива.

Сегодня на сцене курить нельзя ни в каком виде. Даже электронные сигареты, потому что «это напоминает рекламу» и вредит здоровью. А если я вдруг забудусь и выйду на сцену со своей трубкой во рту... В спектакле «Орнифль» курю сигару. Мне говорят: нельзя. Я успокаиваю: у Ануя, автора, герой не вынимает изо рта сигару. И вышел с сигарой. На следующий день четыре пожарные машины начальников – и сюда, чуть ли не со шлангами! Дирекции – огромный штраф. Еле отбились. Сплошные переборы.

Вот у нас в спектакле «Где мы?!..» молодой телекомментатор, которого играет Саша Олешко, в полемическом задоре спрашивает старого клоуна: «Чем занималось ваше поколение?», и старик-клоун, которого я играю, подумав, отвечает честно: «Херней!» Если бы я сказал «фигней» – это было бы вранье и детский сад. Ужас в том, что не фигней мы занимались, а херней.

– У Вольтера есть фраза: «Что стало смешным – не может быть страшным». При этом смешное может быть и грустным, и трогательным, и душещипательным, и вызывать сочувствие – градаций много. Как вы думаете, может быть, эта мимикрия смешного вызвана тем, что у каждого очень индивидуальное чувство юмора?

– Чувство юмора – очень индивидуально, отсутствие чувства юмора – это бедствие повальное. Не знаю, как Вольтер, но вот недавно ночью в бессоннице я смотрел старое интервью с Даниилом Граниным – вот был мудрец и замечательный человек. Его спрашивают: «Как жить?» И он без всякого пафоса ответил: жизнь слишком коротка, чтобы быть в ней несчастным... Я тоже по старости думаю, что надо успевать быть счастливым, добрым и любимым, а не круглосуточно полемизировать по любому поводу, а потом вместе с этой бессмысленной полемикой лечь на какое-нибудь сельское кладбище... ❶

НЕ-ОБЫКНОВЕННЫЙ ПЧЁЛКИН

БЕСЕДОВАЛ

**ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАНОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ СЕМАШКО
И СЕРГЕЯ ПЧЁЛКИНА**

С СЕРГЕЕМ ПЧЁЛКИНЫМ МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД В ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ИМ. Д.С. ЛИХАЧЕВА. Я ГОТОВИЛСЯ ПИСАТЬ МАТЕРИАЛ ПРО ЛОМОНОСОВА, А СЕРГЕЙ ЗАКОНЧИЛ СОБИРАТЬ – В КОМПЬЮТЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ – ПРОЕКТ «ЗЕМЛЯ ЛОМОНОСОВА». ВНЕШНЕ ЭТО ВЫГЛЯДЕЛО КАК КАРТА ИЗ GOOGLE EARTH, НА КОТОРУЮ НАНЕСЕНЫ БЫЛИ ЗНАЧКИ МЕСТОПРЕБЫВАНИЙ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА – ХОЛМОГОРЫ, МОСКОВСКАЯ СЛАВЯНО-ГРЕКО-ЛАТИНСКАЯ АКАДЕМИЯ, МАРБУРГ И ФРАЙБУРГ В ГЕРМАНИИ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, КУНСТКАМЕРА, МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ЕГО ЛАБОРАТОРИЯ НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ, ЕГО МАНУФАКТУРА В УСТЬ-РУДИЦЕ, ЕГО ДОМ НА МОЙКЕ...

СТОИЛО КЛИКНУТЬ НА ЛЮБОЙ ОБЪЕКТ – и на экране компьютера возникло изображение: как то или иное место выглядело в XVIII веке, когда жил Ломоносов, и как оно выглядит сейчас. Иллюстрации были снабжены гиперссылками на академическую биографию Ломоносова. И в результате возникло очень наглядное и информативное поле жизни Ломоносова.

Сергей Пчёлкин по образованию режиссер, окончил ГИТИС, но его жизнь сложилась так, что большую ее часть он отдал науке, будучи то ведущим научным сотрудником Института культурного и природного наследия, то преподавателем в Высшей школе урбанистики. Его проекты находятся в области, странным образом принадлежащей и науке, и искусству. Эстетически они очень красивы. И совершенно необыкновенны. Пчёлкин работает с картой и изображениями: будь то фото- и видеоматериалы экспедиций, миниатю-

ры из Лицевого летописного свода Ивана Грозного, кадры из кинофильмов и даже граффити. Граффити сейчас повсюду, они возбуждают интерес. Но ответить на вопрос, что это за явление, не так-то просто. Возможно, Сергею Пчёлкину принадлежит первое осмысленное высказывание на данную тему: это его проект «Басманный город», в котором на компьютерной карте Москвы сведены 3800 настенных изображений. За четыре года работы у автора составилось аргументированное высказывание о том, что сам Сергей называет стрит-артом. Перед интервью мы с ним совершили прогулку по центру Москвы, обходя те уголки пространства, где настенных изображений особенно много. Я тоже давно занимаюсь граффити, и в этом смысле мне знаком и азарт поиска, и восторг нахождения чего-то нового и необычного. Без граффити город утратил бы для меня часть своей притягательности, возможности общения с ним. В этом смысле задача Пчёлкина глобальна: пробудить азарт первоисследователя, сделать город загадочнее и интереснее.

– *Когда и как возник ваш исследовательский метод, который я для простоты назову «живыми» или «говорящими» картами?*

– В Институт культурного и природного наследия меня пригласил его директор Юрий Александрович Веденин в качестве кризисного менеджера, потому что у института образовался колоссальный долг. И я был принят на работу для того, чтобы вывести его из этого положения. Это успешно удалось, но тогда уже стало понятно, что эта работа – не самая захватывающая. Однако я остался в институте, и так возникла возможность попробовать сделать то, что мне действительно интересно. Например: при помощи компьютера картировать некоторые работы института, которые обычно получают завершение в научных публикациях, прочитанных немногими.

Моя деятельность в секторе электронных публикаций Института Наследия началась с кандалакшской экспедиции Петра Боярского, который проделал колоссальную работу по изучению культурных ландшафтов Русского Севера. И в Кандалакшу я поехал как человек, который знал, каким образом рассказать историю экспедиции не словами, а картинками. У меня был фотограф, у меня была своя камера, люди работали, я фотографировал, документировал все и в результате «собрал» экспедицию на электронной карте, где было отражено ее передвижение, ее работа, ее быт и находки. То есть я как бы сделал большую такую книгу вне книги. В компьютере.

Как только эта модель была предъявлена, все просто оторопели, потому что академическая зашорен-

ность вдруг обрела сборочную платформу. Междисциплинарную. И даже внедисциплинарную. В результате возникло фантастическое воодушевление, потому что до этого каждый знал только свой участок работы и именно его считал приоритетным. А тут сложилась целостная картина всего, что было сделано. Возник резонанс. И дальше пошла целая серия предложений на работы такого рода. За пятнадцать лет в институте я сделал около 30 проектов. Один, важнейший, был посвящен Лицевому летописному своду Ивана Грозного. Это издание, скомпонованное из текстов и миниатюр. Причем написанное и изображенное совпадает только частично. Оказывается, что картинка – это не иллюстрация к тексту. Это другой способ описания. Картинками описано то, чего нет в тексте, а в тексте есть то, что картинка описать не может. Это некие комплиментарные, взаимодополняющие коды...

– И Ломоносовский проект, видимо, был сделан в то же время?

– Нет, он возник, когда институт достиг практически апогея в своем развитии. То есть стал заниматься не узкими дисциплинарными исследованиями – культурологическими, фольклорными или какими-то еще, – а стал развивать очень интересный концепт, который предложил Юрий Александрович Веденин. Он полагал, что объекты не существуют отдельно, они образуют сеть связанных

природно-культурных ландшафтов. Стало важно не только видение вершин, но и видение процессов, формирующих вершины. Скажем, у Моцарта папа тоже был Моцарт, и сестра была Моцарт, и без них Моцарт не появился бы. Чтобы увидеть мир во всей полноте, нужно создавать разветвленные грибницы, из которых произросло то или иное явление или культурный герой. Моцарт, Толстой, Достоевский – кто угодно. Для чего? Чтобы создать модель реальности, с которой нам было бы интересно жить и работать. В этом суть и смысл этого проектирования. В интересности жить.

Такое описание – это колоссально длительный процесс, но мы можем начать его делать. Зачем? Чтобы нигде на земле не чувствовать себя чужими. В перспективе представляется мегапроект – «Мир русской культуры».

– Ваш проект видений или видений Москвы является частью этого мегапроекта?

– И да, и нет. «Нет» – потому что к моменту, когда я занялся проектом «Карта видений Москвы», началась «модернизация» Института Наследия, и мне, как и большинству сотрудников, пришлось отсюда уйти. Все рухнуло. Я утратил возможность путешествовать по Русскому Северу – а интересных экспедиций было много: остров Вайгач, Кольский полуостров, Соловки, Поволжье... Что оставалось делать? Небо стало с овчинку, и в этом

смысле мне нужно было либо остановиться и умереть, либо сделать предметом своего исследования то место, в котором я живу. Москву. Так возник проект «Видений Москвы».

Я делал его дома, как говорят, на коленке. Формально он был приурочен к столетию кинематографа и к Году кино – это был 2016-й. Что такое кино? Это лента, склеенная из маленьких фрагментов. Каждый фрагмент описывает определенную сцену или определенную ситуацию. Каждую сцену можно привязать к определенному месту. Сейчас кинокарта Москвы у меня включает 4500 сцен, привязанных к местам съемок и находящихся на шкале времени в интервале с 1908 по 2015 год. Они открываются в компьютере как фрагменты фильмов. Можно отсматривать Москву географически: вот, скажем, Чистые пруды. Фильмов вокруг них снято невероятно много. Самые известные: «Подкидыш» (1939), «Мне 20 лет» (1964), «Белорусский вокзал» (1971), «Покровские ворота» (1982), «Мастер и Маргарита» (2005), «Про любовь» (2015). С помощью кинокарты можно делать временные срезы: Москва 10-х годов, 30-х, 40-х, 60-х, 90-х и, наконец, современная... Сто лет кинематографу: этот интервал в Москве локализован на небольшой территории, и возможность, благодаря этому проекту, коснуться разной жизни – она нам открыта. Мы можем посмотреть, как уживались люди в начале, в середине XX века. Жизнь была выплеснута на улицы, во дворы. Город был переполнен жизнью: не то что сейчас, в эпоху железных дверей и кодовых замков. Это все можно отсмотреть. Более того, был бы запрос – все это можно было бы еще и показать – прямо на стенах домов. Весь город превратить в своеобразный кинотеатр, в котором совершается путешествие во времени.

Причем неизвестно, что здесь реальнее – кино или то место, в котором оно было снято. Это – смешанная реальность, которая создается всей разнородностью культуры. Почему я говорю об этом с таким пафосом? Кстати, вопрос не в том, в чем пафос, а в том, что в пафосе. А Пафос – это город на Кипре, где находится храм Афродиты. А в храме находится алтарь. А чему посвящен алтарь? Чему, собственно, посвящено твое человеческое служение? Вот в чем главный вопрос. Но ведь и работа над темой «Мир русской культуры» – это служение. Служба. Точно так же, как служба церковная, эта – служба культурная, потому что культура нуждается в культуре. Ее надо культивировать. Она не дается человеку с рождения. А нужно это для того, чтобы вы чувствовали свою определенность и беспределность в пространстве культуры. И в этом есть, собственно, ваша жизнь, и это есть предмет культа.

– Давайте теперь обратимся к тому, чему мы посвятили вчерашний день, гуляя по Москве: к граффити. Я очень увлекался граффити, усматривая в них своеобразный язык города. Граффити не увидишь на периметре квартальной застройки: они внутри,

во дворах, на заборах в полосе отчуждения железной дороги – в этом смысле они не особенно назойливы. Но есть места – ну, тот же Хохловский переулок в центре Москвы, – где не обратить на них внимания невозможно. В моем фотоархиве сотни фотографий граффити, сделанных и в Москве, и в Петербурге, и в Париже... Это очень интересный мир, где сходятся живопись, поэзия и еще что-то неуловимое...

– Свой проект «Басманный город» я начал делать тогда же, когда стартовал проект «Киновидений Москвы». Оба проекта возникли из чувства тупика, которым я был охвачен, когда оказался без интересной работы. Но, с другой стороны, это же не значит, что я не могу среду своего обитания сделать предметом своего исследования?

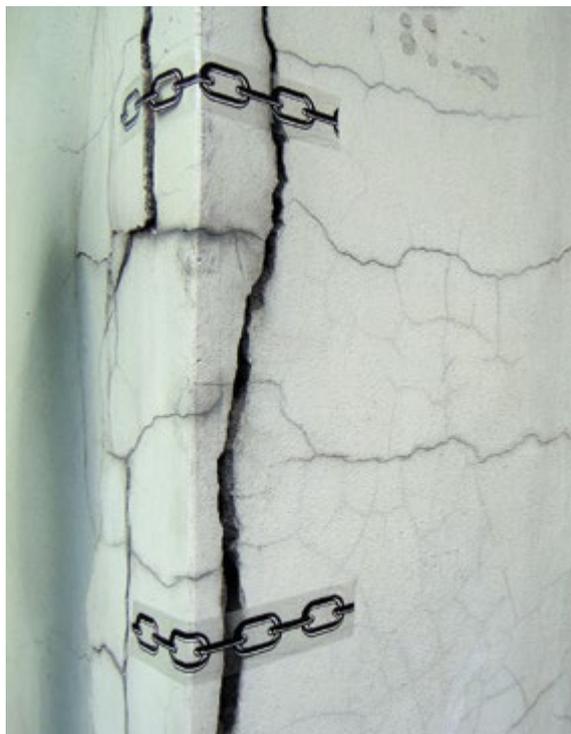
Так «Басманный город» стал территорией, с которой я начал работать. Только я занимаюсь не граффити, а, скорее, стрит-артом. Большинство граффити малоинтересно: то, что вы каждый день видите на железнодорожных заборах, проезжая на электричке из пригорода в Москву, на 90 процентов просто имена или прозвища тех, кто эти надписи сделал. В сущности, они сообщают вам только одно: «вот я!», «а вот я!»

Но попадают и совершенно другие высказывания или образы. Вот ими-то я и занимаюсь. Хожу по Москве, фотографирую. Привязываю к электрон-

ной карте. Так возникают пространства скользящих смыслов. Почему скользящих? Потому что они недолговечны, почти мгновенны. Они скользят по поверхности зданий. Если вдуматься в словосочетание street art – это искусство улицы. Город – живой. Он все время меняется, все время строится, заново обживается – на уровне поверхности, на уровне выбора цвета, на уровне какой-то эпиграфики. «Рыба плавает с головы». «Я люблю вино и тебя». «А я – только вино». «Ты не имеешь права быть жалким»... Кто-то же здесь это написал почему-то. В этом смысле «Басманный город» – это пространство случая. Не случайности, а случая. Там случается то, что в других местах не случает-

ся. Вообще, «Басманный город» в моем представлении это город, в котором отпечатываются люди. Я фотографирую только следы этих отпечатываний. Ловлю ускользящее. И таким образом осваиваю город. Делаю его своим. А электронная карта позволяет увидеть всю полноту его художественных возможностей.

– Знаете, что меня поразило? Множественность техник, при помощи которых возникают эти послания. Где-то рисунок наносится через трафарет. Где-то делается спреем, где-то просто наклеиваются на стены композиции из бумаги. А вчера я во время прогулки видел – впервые – совсем коротенькие послания на белых рамках, наклеенных на цветную поверхность. Пурпурная поверхность – на рамке написано: «Багровый. Нерон поджигает Рим». На сером – «Туман». И все эти рамочки пронумерованы, их, если верить номерам, более ста. И все это человек делал, ходил, расклеивал, чтобы привнести в город каплю своего видения... И почему-то от этого даже настроение в лучшую сторону меняется... Ты, в каком-то смысле, не одинок.

– Да, изображения или, лучше скажем, послания – они все время поддерживают ваше бытие. Значит, в городе можно не только работать или сидеть в кафе – можно «включиться» в него и с ним поговорить. В прошлом году в Библиотеке имени Достоевского состоялась конференция «Мегаполис будущего. Новое пространство для жизни», в рамках которой рассматривалась тема «Стрит-арт: между заказом и запретом». Такая постановка вопроса – своего рода тупик. Тебе как бы говорят: «Выбирай – ты с нами или против нас?» Выбираю. Я пойду погуляю. Если мне предлагают выбор «или-или», я выбираю и за, и против. Поэтому на этой конференции я просто показал свой «Басманный город» как пространство галереи улиц. Здесь каждый день рождается и умирает русский авангард. Ему нужно позволить быть. И проблема первых этажей города – это то, что будет решаться в ближайшие десять лет. В них должна возникнуть жизнь. Граффити – это как раз проявление на стенах домов тех форм жизни города, которые сокрыты от прямого наблюдения. И когда я это фотографирую и размещаю на карте, я вижу, о чем он думает, этот город. Каждое высказывание на стенах – это локальная мысль, не единственная его, города, мысль, он все время мыслит, формируя эстетику меняющихся фасадов. В архитектуре есть целое направление, когда дом проектируется как внутренний объем, имеющий какое-то количество фасадов, но каждый фасад имеет свой отдельный вид. В результате оказывается, что это пространство начинает обладать определенными свойствами многомерности и индивидуальности. А стрит-арт – это тоже создание индивидуальных фасадов.

– При таком подходе к проектированию получается, что весь город, по сути дела, театр.

– Ух! Конечно. Theatrum. Когда возник шекспировский театр «Глобус», это был фантастический прорыв. Исторические хроники, комедии, трагедии стали доступны огромному числу людей – для чего? Для того, чтобы передать образ целостного мира. Кстати, первая русская энциклопедия, эка-терининская, так и называлась – «Зрелище природы и художеств». Театрум – это и есть зрелище мира – природы и искусства. Сокровенное, интимное, личностное и эмоциональное его восприятие. Самый главный вопрос состоит сейчас в том, чтобы такое восприятие стало необходимостью, потому что всякий интерес блокируется нашим образом жизни и мышления. «Зачем тебе это все понимать – все купишь, что тебе нужно. А потом поедешь отдыхать». От чего отдыхать-то? От непонимания?

Так вот: театрум – это возможность ощущать себя пупом земли и балансировать между Тартаром и Олимпом, между краями земли, глубиной и далью. В этом театральность. И переживаемый катарсис – когда между вами и какой-то неожиданно появившейся композицией на стене пробегает ток – это странный феномен, когда вы воодушевляетесь, глядя на то, что впрямую вас не касается. Но когда я нахожусь в Хохлах (Хохловский переулок. – Прим. авт.), то я понимаю, кто я. «Мы не местные. Мы небесные». Я там каждый день хожу. Я поддерживаю себя этим общением с городом.

– Для меня не подлежит сомнению, что граффити обладают какой-то недеklarированной ценностью. Но живут недолго. Поэтому любая попытка зафиксировать некоторые художественные удачи обязательно будет связана с определенным образом жизни: кто-то все время должен ходить по городу и фотографировать «жизнь стен». Вопрос: как эти снимки, которых у вас 3800, сохранить и сделать доступными? Выгрузить в Сеть?

– В Сети ничего само не бывает, астроябия сама ничего не измеряет. Все мои практики в Высшей школе урбанистики были очень локальны и во времени сжаты. Ими нужно заниматься несколько лет, чтобы возник ритуальный вкус к такого рода исследованиям города. Я в своей электронной карте граффити создаю возможность, чтобы каждый попробовал практиковать свою собственную форму освоения городских пространств. И не просто практиковать, а публиковать ее и видеть ее на фоне других репрезентаций. Над этим проектом давно уже работаю не я один. Ибо цель моей работы – вернее, всех моих работ – это освоение территории возможно большим числом людей. Отобразив «Басманный город» на карте, вы проникаете в другое измерение, в мир молодежной субкультуры, которая говорит на своем, только ей присущем языке. Помните объявление: «Ты справишься. Вот увидишь». Там изюминка в том, что внизу, где у обычных объявлений висят язычки с телефонными номерами, – тоже есть язычки, на которых написано: «Я справлюсь». Почти все они оторваны. Остался только один язычок.

Кто-то должен оторвать и его – и таким образом откликнуться на это послание.

– «Карта видений Москвы» и «Басманный город» – это прекрасные и захватывающие проекты, которыми, по-моему, недостает одного – практического использования. Кого бы это могло заинтересовать? Библиотеки? Но, кажется, они еще не готовы к этому. Музеи? Сомневаюсь. Частично – в форме, например, выставки фотографий – эти проекты можно было бы реализовать там, где уже определился вкус к стрит-арту.

– Что меня интересует в этой ситуации? Один американский миллиардер, когда его спросили,

ВАМ
НАС
НЕ ЗАМАЗАТЬ

Муниципальные службы замазывают граффити, в свою очередь превращая стены в авангардные полотна

а во что же теперь инвестировать – бумаги падают, акции падают, – ответил: «Вы знаете, я бы попробовал инвестировать в толерантность». В том числе и в толерантность к практикам современного освоения города. Нам же будет интереснее. Мы обречем многомерность...

Я даже обдумывал такой проект: «Из запасников Третьяковской галереи»... Они, эти запасники, находятся не в Третьяковской галерее. Они находятся в галереях улиц Москвы. И улицы все время высказываются про это. Наша неспособность замечать в тоннеле обыденности, что к нам обращаются, не позволяет по-другому строить нашу жизнь – все время получается тоннель. Койка – рабочий стол – место развлечений. Чтобы освоить город – нужна воля к этому и энергия.

– **Включить людей в поиск дополнительных смыслов не так-то просто.**

– Философ Александр Пятигорский на одной из своих лекций по буддизму сказал: «К сожалению,

счастливые люди вообще плохо учатся». Вы начинаете учиться чему-то, только если вы несчастливы – вам недостает какой-то важной части вашей жизни. Так что вопрос «включения» – это вопрос предоставления возможности и – очень важно! – готовности изменить свою жизнь так, чтобы заполнить эту пустоту.

Пример: при чтении лекций в Высшей школе урбанистики я столкнулся с тем, что говорю как бы в пустоту. Сначала я очень обижался, а потом понял, что для студентов не существует никакого Театрума, к которому я адресуюсь. Более того, у них у всех ангедония. Они не способны радоваться простым осязаемым вещам. Тогда мы с руководством создали «УрбАриум» – мастерскую, где смысл мастер-класса свелся к тому, что вот это мое фотографирование начало практиковаться несколькими студентами. И знаете, какая интересная штука получилась? Объекты, выделяемые независимо – мы вместе никогда не ходили, – слипались, как инфузории, в какие-то стуски. Эти стуски обладали определенными привязками. Карта граффити стала дополняться, разрастаться. То есть студенты вошли в конце концов во вкус. Для них тоже эта множественность касаний – общений с городом стала ценностью, и она не взамен жизни, она не вопреки жизни. Она расширяет вашу жизненную среду до области художественности. Тогда получается, что город – это какое-то художественное создание, в котором интересно жить и быть. Я не жду какого-то скорого и прагматического результата. Должен появиться вкус к этому. К тому, что жить в Москве, а не только в Париже или Лондоне – интересно. В этом смысл всей работы.

– **Вы со своими проектами в каком-то смысле опередили время – а это опасная штука. Все, кто опережал свое время, всегда чем-нибудь за это расплачивались.**

– Я расплачиваюсь непониманием. В Институте Наследия в свое время этого не было. Там была насыщенная культурная среда, научное сообщество, способное все это воспринять. А сейчас ни у кого даже не возникает желания этим начать владеть и пользоваться. Один из моих друзей сказал: «К сожалению, как ты, больше никто не живет» – вот в чем проблема. Получается, что жизнь тех, кто может воспользоваться моими наработками, ориентирована абсолютно на другие ценности, и для такой реальности, как стрит-арт, даже как курьеза в их жизни нет места.

Граффити – это материал для того, чтобы соединить свою собственную жизнь с тем, что создано не тобой. Мы живем в мире, который сделан не нами – это то, что я говорил своим студентам: «Вы родились в городе, который построен не вами и не для вас». И вопрос теперь состоит только в одном: вы сможете его освоить, сделать своим и интересным – или так и будете жить в чужом доме, недолго и несчастливо. Но это не назидание и даже не совет. Это предложение. Или приглашение. Выбор – Судьба. ♪

НА ПАУКЕ ЗА КОСТОТРЯСОМ

Велосипедная
прогулка.
Акварель.
1887 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ИМ. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«СКОРО ВЕСЬ МИР БУДЕТ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ НА ТАКИХ МАШИНАХ. НИ ТЕБЕ ОВСА, НИ ПОДКОВ, НИ КУЧЕРА!»

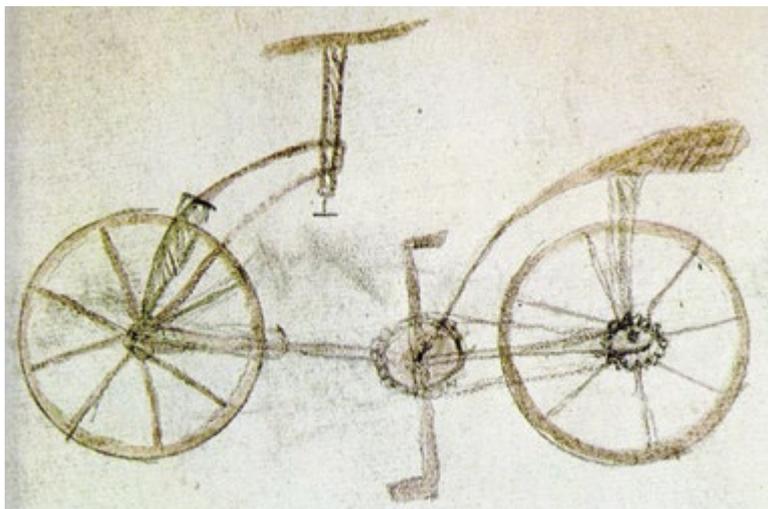
ЮРИЙ БОГАТЫРЕВ В роли Андрея Штольца в фильме Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И.И. Обломова» правду говорил. И про овес, и про подковы, и про кучера.

Про бензин не сказал. Ну, так и не мог. Бензиновый двигатель внутреннего сгорания в середине XIX века еще не придумали. Главная истина была в том, что весь мир ездит на таких машинах. Имя машине – велосипед.

Кстати, слово французское, но корни имеет латинские и буквально означает «быстрая нога». В современном мире насчитывается примерно 1,4 миллиарда велосипедов разных типов. Дорожных, спортивных, детских, беспедальных, трехколесных, грузовых, туристических, треновых, горных, тандемов... Для сравнения: автомобилей в три с лишним раза меньше. Вопреки представлениям, в спорте задействован всего процент от общего количества машин «ножного привода». Основная масса этой техники используется строго по Остапу Бендеру – как средство передвижения. Особенно в Азии. В Китае «быстроногих» более 500 миллионов. По штучке на 2,5 жителя. Впрочем, и в продвинутой Западной Европе на руках более 100 миллионов велосипедов. Россия пока отстает. Примерно в три раза. Эксперты считают, что по дорогам и бездорожью в нашей стране шуршат шины 30 миллионов веломашин.

БЕЗ ЛЕОНАРДО

Поговорка «изобрести велосипед» означает придумать то, что уже придумано. Великий Леонардо да Винчи «велосипеды не изобретал», в инженерии и механике создавал новое, уникальное. Не изобретал он велосипед и в прямом смысле, хотя ему приписывают и это ноу-хау. Ссылаются на некий рисунок, сделанный рукой Леонардо или его ученика Джан Джакомо Капротти да Орено. Рисунок был обнаружен в 1974 году в архивах Католического университета Святого Сердца, чей главный кампус расположен в Милане. И тут же начались медийные спекуляции. Доказательств дожидаться не стали, рисунок на-

Эскиз велосипеда, который приписывают Леонардо да Винчи. На самом деле это подделка 60-х годов XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МИФ О ВЕРХОТУРЬЕ

Прежде чем перенестись на Урал, задержимся в Западной Европе, во Франции. Журналист Шарль Луи Бодри де Сонье опубликовал в 1891 году заметку о некоем графе де Сивраке, за век до этого выдумавшем велосипед. Современные СМИ обвиняют – и справедливо – во множестве «фейков». Не гнушались производством этого продукта и в конце XIX века. Зачем меcье Бодри понадобилось выдумывать графа де Сиврака, навсегда останется загадкой. Наличие такого графа в родословных книгах французского дворянства искать бесполезно. Был один Сиврак, имевший отношение к технике и конструированию, но если он и вошел в историю, то тем, что производил в начале XIX века на импорт четырехколесные экипажи на гужевой тяге. Удивительно, что спустя короткое время Бодри стал авторитетным экспертом в области автомобилестроения, создал журнал «Средства передвижения» и написал ряд прикладных книг на автомобильную тему. По части мистификации истории велосипеда Россия не отстала. До сих пор различные персонажи уверенно информируют общественность о том, что «в России первая конструкция, похожая на велосипед, была создана мастером из городка Верхотурье на Урале Ефимом Артамоновым». История его изобретения неизвестна. Лишь в Словаре Верхотурского уезда Пермской губернии, изданном в 1910 году, можно прочесть: «Мастеровой уральских заводов Артамонов в 1801 году бегал во время коронации на изобретенном им велосипеде». «У этого средства передвижения был руль, педали, седло. Вся конструкция была железной. Ведущее колесо – переднее – в рост человека, заднее – вдвое меньше. Видимо, потому, что человек, сидя на таком велосипеде, напоминал чем-то паука, эти машины и прозвали «пауками». Следует заметить, что Артамонов все-таки не был прародителем этого «паучьего» поко-

чали использовать в различных изданиях, связанных с именем великого мастера Возрождения, копии экспонировать на выставках. Короче говоря, обывательский мир убедили в том, что самое популярное средство передвижения изобрел именно да Винчи.

Но в научной среде нашлись скептики, сумевшие опровергнуть подлинность рисунка. Подделка датируется 60-ми годами XX века. Автор исследования Ганс Эрхард Лессинг из германского Мангейма доказал, что два круга, нарисованные на обратной стороне листа с рисунками Леонардо, действительно выполненные его рукой, превратились в изображение велосипеда спустя пять с половиной веков, о чем в свое время убедительно писала британская газета «Таймс».

У СВЯТОГО ЭГИДИЯ

В английском графстве Бакингемшир находится деревушка Сток-Поджес. Деревушка – это для красного словца. На самом деле этот населенный пункт входит в топ-10 самых престижных для жизни загородных мест в Альбионе. До исторического центра Лондона – чуть более 30 километров. В деревне находится гольф-клуб и кое-что из недвижимости ценной в миллионы фунтов стерлингов. Но знаменито местечко еще и тем, что в нем сохранилась церковь Святого Джайлса. Именно так звучит имя этого от-

шельника, жившего в Южной Франции в VII–VIII веках, в английской транскрипции. Во французской – Жиль. В каноническом варианте – Эгидий.

Казалось бы, что общего у покровителя калек аббата Эгидия с велосипедом? Но на одном из витражей, созданных в XVII веке, имеется изображение человека, оседлавшего нечто вроде самоката. Искусствовед и художник Наум Певзнер, уроженец Российской империи, более известный под псевдонимом Габо, недолгое время жил в Англии, однако успел ознакомиться с витражом и оставил краткое замечание – «потешная лошадка (hobby horse)». От любого мнения можно отмахнуться, но в нашем случае это мнение принадлежит доктору Королевского колледжа искусств в Лондоне, удостоенному ордена Британской империи.

Ефим Артамонов едет на коронацию на самокате собственного изобретения

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ления велосипедов. У него были предшественники в Европе. Там уже в XVII веке выпускались большие «пауки» для взрослых, а для малышей – «паучки», – продолжает «компетентно» рассуждать очередной энциклопедический интернет-портал.

Словарь Верхотурского уезда – штука авторитетная, кто бы спорил. Не менее авторитетно выглядит и утверждение некоего Василия Белова, уроженца Нижнего Тагила, профессионального управленца и бухгалтера. В 1896 году он издал исследование «Исторический очерк уральских заводов», в котором заявил, что «во время коронавания императора Павла, следовательно, в 1801 г., мастеров уральских заводов Артамонов бегал на изобретенном им велосипеде, за что по повелению императора получил свободу со всем потомством». Неизвестно, как справлялся с бухгалтером управляющий Демидовских и Шуваловских заводов, но с историей Отечества у него были явно натянутые отношения. Павел Петрович короновался в 1797 году, а в марте 1801 года его не стало.

Никаких документальных подтверждений изобретения Артамонова до сих пор не найдено. Известно, что модель его детища, экспонировавшаяся в уральском музее, была подделкой конца XIX века. Это доказал анализ металла, из которого был сделан псевдовелосипед.

ПЕРВЕНЕЦ ОТ ДРЕЗА

В 1817 году на дороге между германскими городами Мангейм и Рейнау местные жители наблюдали любопытное зрелище. На деревянной конструкции с двумя колесами, отгалкиваясь ногами от земли, катил довольно молодой господин. Кое-кто мог узнать в нем бывшего баденского лесничего, другие – сына верховного судьи Баденского маркграфства, третьи – изобретателя машинки для печатания нотного стана на бумаге. Нотный стан – это те самые пять горизонтальных линий, на которые крепятся всяческие до, ре, си и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

Демонстрация изобретения Карла фон Дреза в Люксембургском саду в апреле 1818 года

Барон Карл фон Дрез (1785–1851)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

диезы с бемолями. Вручную вырисовывать их было весьма утомительно, и не чуждый музыки барон Карл фон Дрез решил облегчить жизнь композиторам. Протовелосипед стал еще одним изобретением барона. Облегчив жизнь творцам гармонии, Карл решил помочь пешеходам и всадникам. Расстояние между Мангеймом и Рейнау в 7 километров он преодолел за час. И, как это часто случается, новшество встретили с неодобрением. Главным недоброжелателем выступил сам баденский маркграф, лишивший велосипедиста должности и содержания. Но вскоре, уступив просьбам 10-лет-

него сына, сразу влюбившегося в деревянную машину, вернул Дрезу покровительство, а заодно и жалованье. Уже в следующем году барон был поощрен званием профессора механики и патентом на изобретение. Патенты были оформлены также во Франции и Пруссии. Велосипед пересек Ла-Манш и в Британии получил прозвище «денди хорз». С легкой руки некоего Дениса Джонсона, который изменил в конструкции только одно: стал использовать седло, регулируемое по высоте. В Германии «машину для бега» в честь изобретателя окрестили дрезиной, хотя из длинного списка имен барона можно было выбрать что-то более благозвучное. Все-таки – Карл Фридрих Кристиан Людвиг Драйз фон Зауэрброн. Впоследствии барон открыл человечеству еще две полезные вещицы. Пишущую машинку на 16 клавиш и мясорубку, но эти изобретения в известности с велосипедом сравниться не способны. А барон умер в нищете. Впрочем, такое положение дел он спровоцировал сам. В 1849 году в знак солидарности с революцией во Франции он отрекся от дворянского титула и попросил называть его «гражданином». В Мангейме его, мягко говоря, не поняли, что и привело к смерти в 1851 году. Фон Дрезу было 66 лет.

ПЕДАЛИ ВМЕСТО НОГ

Еще при жизни фон Дреза нашлись люди, которые усовершенствовали его детище. Киркпатрик Макмиллан родился в 1812 году на юге Шотландии в местечке Кейр Милл. Сын кузнеца с 12 лет начал осваивать семейную профессию. Полученные навыки привели к тому, что Киркпатрик, задумавший еще в отрочестве превратить палку с игрушечной лошадиной головой в некий механизм, который можно заставить двигаться более эффективным способом, чем скакать на ней, зажав между ног, добился своего. Педальный привод велосипеда Макмиллана был основан на возвратно-поступательных движениях педалей в горизонтальной плоскости, которые передавали усилие на заднее колесо при помощи специальных жестких реек.

Машина получилась тяжелой и трудноуправляемой. Однако ж Макмиллан совершил на ней несколько впечатляющих пробегов. Вернее, проездов. В июне 1842 года он добрался до Глазго, преодолев дистанцию в 110 километров. На все про все он потратил 2 дня и 5 шиллингов. Пришлось заплатить штраф за наезд на ребенка, перебежавшего дорогу перед носом не умевшего пока тормозить велосипеда.

Макмиллан был абсолютно лишен тщеславия и рассматривал свою конструкцию только в качестве средства для получения удовольствия. Вместо него патент оформил англичанин из Ланкашира Гевин Датзелл, который лишь добавил к аппарату несколько незначительных деталей и затем выдал за собственное ноу-хау. Не исключено, что Макмиллан об этом так и не узнал. Есть и другая версия, согласно которой Датзелл также обошелся без оформления патента и использовал велосипед только для хозяйственных нужд. Именно его «произведение» выставлено на обозрение в одном из музеев промышленной столицы Шотландии – Глазго.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ШАГ ЗА ШАГОМ

Со второй половины XIX века велосипед стал предметом многочисленных экспериментов и новаций. В 1862 году молодой французский механик Пьер Лалман зарабатывал тем, что собирал детские коляски. Не все получалось, а иногда получалось здорово, но совсем не то, что предполагалось собрать. В очередной раз вышло так, что вместо коляски Лалман собрал велосипед. Или нечто подобное. В Париже Лалман познакомился с братьями Оливье (до чего же талантливые люди носили эту фамилию) и каретным мастером Пьером Мишо. Первые начали тиражный выпуск велосипедов, Мишо стал главным конструктором. А Лалман отправился в США, где и оформил патент на изобретение.

Велосипед братьев Оливье, Пьера Мишо и Пьера Лалмана

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Уильям Мартин, чемпион шестидневной велогонки мира 1891 года

Считается, что слово «велосипед» пустил в оборот Мишо. Его конструкция предполагала два разноразмерных колеса, педали, прикрепленные к первому, более крупному, раму с приделанной к ней седлом. До цепной передачи надо было еще дожить. А пока мускульная сила давила на педали, заставляя крутиться переднее колесо. Первоначально рамы делали из дерева, затем заменили чугуном и, наконец, ржавеющей сталью. Нержавеяку еще не выдумали. В связи с этим велосипед требовал каждодневного и тщательного ухода.

До изобретения каучуковых шин колеса обивали металлическим ободом. Езда, таким образом, превращалась в серьезное испытание, так как дороги имели грунтовое, гравийное или брусчатое покрытие. Легко объяснить, почему велосипеды имели неофициальное прозвище «костотрясы». Те из них, что имели огромное переднее колесо, именовались «пауками». Или «пенни-фартингами». Британская монета пенни была значительно крупнее копеечного фартинга. Отсюда и ассоциации.

В течение полувека были изобретены цепная передача на заднее колесо, педальные и ручные тормоза, шинный клапан, механизм свободного хода, нержавеющая сталь, антикоррозионные покрытия и так далее. К началу XX века велосипед приобрел черты, по которым мы узнаем его и сейчас. Самой популярной моделью стала британская конструкция «Ровер», или «Бродяга» по-нашему. Если угодно, «Скиталец». Отцом «Бродяги» был британский изобретатель и предприниматель Джон Кемп Старли и его партнер Уильям Саттон, которые добрались до производства велосипедов после того, как заскучили в принадлежавшей им компании, выпускавшей швейные машинки. «Роверы» стали настолько популярны, что в некоторых странах, например Польше, название стало синонимом самому понятию «велосипед».

За техническими новшествами всегда внимательно следили

военные. Известно, что зачастую именно война или подготовка к ней порождали изобретения разного рода. В случае с велосипедом гражданские процесс возглавили. Но в армиях разных стран смекнули, какую пользу можно извлечь из бесшумного, относительно быстрого и опережающего в выносливости любую лошадь транспортного средства. Первыми засуетились французские генералы. Еще в 1870 году они использовали велосипеды при осаде крепости Бельфор во время Франко-прусской войны. «Костотрясы» поступили на вооружение итальянской, австро-венгерской, германской, британской, бельгийской, швейцарской армий... В 1891 году российское военное ведомство издало приказ за №1581 об обязательном приобретении самокатов (велосипедов) для войск и формировании особых самокатных команд. Машины для самокатных команд закупались в основном во Франции. Решение о налаживании собственного производства для армейских нужд было принято только в 1916 году. Обеспечить поставки поручили акционерному обществу «Дукс».

О ПРАВИЛАХ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В России велосипеды стали появляться в середине XIX века. «Костотрясы» и «пауки» стоили неимоверно дорого. Петербургский журналист Владимир Михневич в 70-х годах позапрошлого столетия сообщал: «Отличительной чертой Петербурга является весьма значительное количество в нем квартир, какими могут пользоваться только люди достаточные либо богатые. Начиная с 5 комнат до 16 и более платных квартир имеется 21–293, со средней годовой платой около 553 рублей за каждую». Итак, годовая аренда квартиры в десяток комнат в столице империи равнялась стоимости велосипеда! Понятно, что число поклонников нового транспортного средства увеличивалось медленно. В 1880 году в Петербурге их количество исчислялось одной

Служащие завода Зингера в Подольске во время поездки на велосипедах в Николо-Угрешский монастырь. Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сотней. Были и другие причины, тормозившие развитие велосипедной эпидемии. Вплоть до конца XIX века кататься на велосипедах по городским улицам категорически возбранялось. Кроме того, запрещалось пользоваться велосипедом в местах большого скопления людей, в парках и скверах. В случае, если навстречу велосипедисту двигается гужевой транспорт, требовалось остановить «железного коня», а ежели конь из плоти и крови начнет нервничать, сойти с велосипеда. Большой любитель «костотряса» император Александр II позволял себе насладиться ездой только

Цесаревич Алексей на велосипеде

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

на аллеях Царского Села вблизи собственной резиденции. Вряд ли полицейский департамент Петербурга решился бы потребовать от государя пройти процедуру сдачи на права. Остальным, независимо от статуса и чина, ее было не миновать. Экзаменуемый должен был тронуться с места, сделать «восьмерку», резко остановиться и покинуть седло. Комиссия из трех полицейских принимала решение и при отсутствии сомнений выдавала претенденту специальный документ и номерной знак. Также претендент был обязан уплатить дорожный налог. Александр II был не одинок среди членов императорской фамилии в увлечении велосипедом. Любили прокатиться Александр III, Николай II, его матушка Мария Федоровна и его дети. Великий князь Сергей Михайлович не просто катался, а с удовольствием гонялся на различных велосипедных состязаниях. Несмотря на все препоны, интерес к велосипеду в России рос. В 1889 году насчитывалось уже 97 всяческих организаций, а первые – «Московское общество велосипедистов-любителей» и «Царскосельский кружок велосипедистов» – появились в 1884 году. Первая в России велогонка была проведена в 1883 году в Москве на Ходынском ипподроме. Состязания прошли на дистанции полторы версты. Собралось около 25 тысяч зрителей. Все спортсмены вышли на старт на велосипедах-«пауках». Победу одержал москвич Федор Жемличка, став первым обладате-

лем почетного звания «Лучший ездок России». Второй старт был дан на Марсовом поле в Петербурге. Добиваться побед на пяти дистанциях вышли 20 «пауков». За ними в первый день велосипедного праздника наблюдало 60 тысяч человек. Среди первых победителей в России и Европе был и знаменитый авиатор из Одессы Сергей Уточкин.

ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ВОЖДЬ

Итак, велосипедисты в России появились доморощенные. А как обстояло дело с машинами отечественного производства? Первым к этому процессу приступил рижский предприниматель Александр Лейтнер. В 1886 году он открыл крохотную мастерскую, в которой трое рабочих собирали из импортных деталей и блоков велосипеда «пауки». Довольно быстро хозяйство расширилось, а когда прекрасно разбирающийся в технике Александр Александрович понял, что будущее за такими моделями, как «Ровер», его отвергочное производство приняло промышленный масштаб. Фабрика получила название «Россия».

Однако лидерство перехватил московский изобретатель и один из первых членов «Общества велосипедистов-любителей», Юлий Меллер, основавший в 1893 году фирму «Дукс». В переводе с латинского – «Вождь». Впоследствии Меллер доказал, что претенци-

Велогонщик
Онисим
Иванович
Панкратов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

озное название оказалось весьма уместно. «Дукс» вплоть до событий 1917 года был не только фабрикой по сбору импортной техники, но и полноценным производителем продукции отечественных конструкторов. Чего только стоит первый вариант российского боевого велосипеда, изобретенный и запатентованный капитаном в отставке Базилевским в 1900 году!

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

Среди тех, кто прославил Россию в велосипедном седле, особо выделяется Онисим Панкратов. Крестьянин. Уроженец Пензенской губернии в 18 лет отправился на жительство в... Харбин. Там и пристрастился к велосипеду. В 1911 году отправился в одиночное кругосветное путешествие. Вернее, выехал он с двумя товарищами, но уже в Читу добрался без них.

Кадр из фильма
«Несколько
дней из жизни
И.И. Обломова».
1979 год

Далее были самые разнообразные приключения с сибирско-уральским привкусом. Его грабили в красноярской тайге, в него стреляли неподалеку от Камска, на него натравливали собак в казачьей станице под Челябинском. В Петроград Панкратов добрался без малого через полгода. В столице ему собрали денег, чтобы он мог продолжить путешествие. И он – продолжил! Германия, Швейцария, Италия, Сербия, Турция, Греция, Испания, Португалия, снова Франция, Британия. Пароходом Онисим добрался в Америку, на велосипеде пересек континент по маршруту Нью-Йорк – Чикаго – Сан-Франциско. Далее – пароходом в Японию. Проехал Японию, Китай и прибыл в Харбин.

Онисим Петрович погиб в воздушном бою в сентябре 1916 года под Двинском. К этому времени прапорщик Панкратов был награжден тремя солдатскими Георгиями, Георгиевской медалью и посмертно – орденом Святого Георгия 4-й степени.

ИСТОРИЯ ТРЕХКОЛЁСНИЦЫ

Уже сказано, что велосипеды бывают разные. В том числе – трехколесные. Ошибочно думать, что они предназначены только для детей. Прототип был выдуман в конце XVII века жителем Нюрнберга Стефаном Фарфлером. Паралич ног заставил часовщика изобрести нечто, с помощью чего он мог бы передвигаться, не опираясь на костыли. Управлялся прототип через ручные рычаги. Собственно трицикл был запатентован в 1818 году британцем Денисом Джонсоном. Во второй половине XIX века трехколесные машины пользовались огромной популярностью. Прежде всего они были безопаснее классических «пауков». Кроме того, доступ в седло получили женщины, чья одежда не позволяла им кататься на двухколесных монстрах.

Именно такую трехколёсницу осваивала при помощи Штольца-Богатырева Ольга Сергеевна Ильинская – Соловей. А Обломов-Табakov отказался. ❶

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСТАВЩИКИ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ГАЛИНА УЛЬЯНОВА*

СЕМЕЙНАЯ ФИРМА СОРОКОУМОВСКИХ ОТМЕТИЛА СВОЙ СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ В 1909 ГОДУ. ТОРЖЕСТВО БЫЛО ШИРОКИМ И ШУМНЫМ – НА ДВЕ СОТНИ ГОСТЕЙ. В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ ОСОБНЯКА БЫЛИ НАКРЫТЫ СТОЛЫ, БОГАТО УКРАШЕННЫЕ ЖИВЫМИ ЦВЕТАМИ. КОЛЯСКИ, ЗАПРЯЖЕННЫЕ ЛОШАДЬМИ, И НОВОМОДНЫЕ АВТОМОБИЛИ В ТОТ ВЕЧЕР ЗАПРУДИЛИ ВСЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕОНТЬЕВСКОГО ПЕРЕУЛКА.

К ЮБИЛЕЮ БЫЛ ВЫПУЩЕН роскошно оформленный каталог фирмы и посвященный ей краткий исторический очерк. В одном из поздравлений были такие слова: «Нужно было несколько поколений людей, любящих свое дело, чтоб фирма достигла процветания и самой высшей репутации, какой может достигнуть торговое дело».

ТРУДОЛЮБИЕ И УПОРСТВО

Сорокумовские были самыми знаменитыми российскими предпринимателями в изготовлении меховых изделий и торговле «пушным товаром». По поводу столетнего юбилея семейной фирмы газета «Московский листок» написала: «Маленькая меховая торговля, начатая дедом нынешнего руководителя фирмы в 1809 году,

благодаря преемственной энергии, развилась теперь в одно из крупнейших меховых дел с миллионными оборотами». Сорокумовские (в первой половине XIX века фамилия также писалась, как Сорокуомовы. – Прим. авт.) стали баснословно богатыми благодаря редкому трудолюбию и упорству. В 1809 году родоначальник ди-

В.А. Серов. Коронация. Миропомазание Николая II в Успенском соборе. Горностаевые мантии изготовлены фирмой Сорокумовских

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

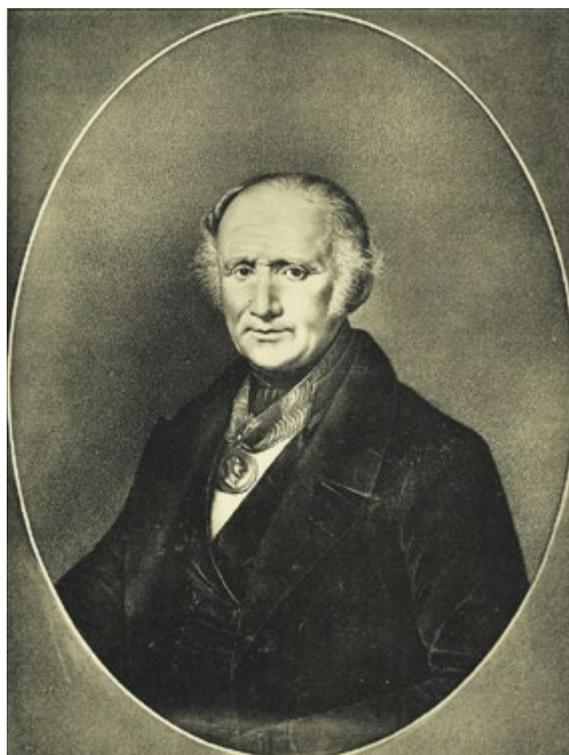
Каталог меховых изделий торгового дома «Павел Сорокумовский с сыновьями»

настии, уроженец города Зарайска Рязанской губернии Петр Сорокоумовский, переселился в Москву, записался в третью гильдию московского купечества и стал торговать в Китай-городе. В Зарайске же этот купеческий род был известен с 1646 года.

Незадолго до войны 1812 года Петр женился на дочери московского купца Дерягина – Анне. У них родились четверо сыновей и три дочери, причем разница между старшим и младшим сыновьями составляла восемнадцать лет. Семейство жило в Замоскворечье, и, что интересно, уже в 1818 году маленькая улица близ Якиманки по имени основных домовладельцев называлась Сорокоумовской (ныне Земский переулок. – Прим. авт.).

О начальном периоде фирмы Сорокоумовских ходит немало легенд. Но недавние находки архивных документов позволяют прояснить картину. Оказывается, в 1820 году обороты торговли достигли столь высокого уровня, что Сорокоумовский перешел из третьей в высокую вторую гильдию, в которой затем состоял до 1852 года.

Согласно спискам московских торговцев, в 1827 году купец второй гильдии Петр Сорокоумовский торговал в Малом Ветошном ряду, причем торговля уже тогда имела большой размах и велась в двух лавках. Одна располагалась в помещении, принадлежащем его супруге, и там вел дело нанятый приказчик, мценский посадский

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Иноземцев. Другая лавка находилась в помещении, арендованном у купца Суменкова, и там работали еще два приказчика – звенигородский мещанин Степан Горяинов и тульский мещанин Иван Попов. А в третьем помещении, в Малом Ветошном, был устроен склад «для поклажи» мехового товара. В 1830 году Петр Ильич решил заниматься не только торговлей, но и выделкой мехов. Он завел скорняжную мастерскую, для которой приобрел дом на Якиманке. Небольшая мастерская, где вначале вместе с подмастерьями трудился и сам хозяин, через несколько десяти-

Петр Ильич Сорокоумовский (1777–1853), основатель фирмы меховой торговли. Портрет работы В.А. Тропинина

летий превратилась в солидную фабрику. Конкуренция в меховом деле была огромная, Петру нужно было много сил, чтобы контролировать производство, торговлю, а также ежегодно несколько месяцев проводить в уральском городе Ирбите – перевалочном торговом пункте между Москвой и Сибирью, откуда шел основной поток мехового товара.

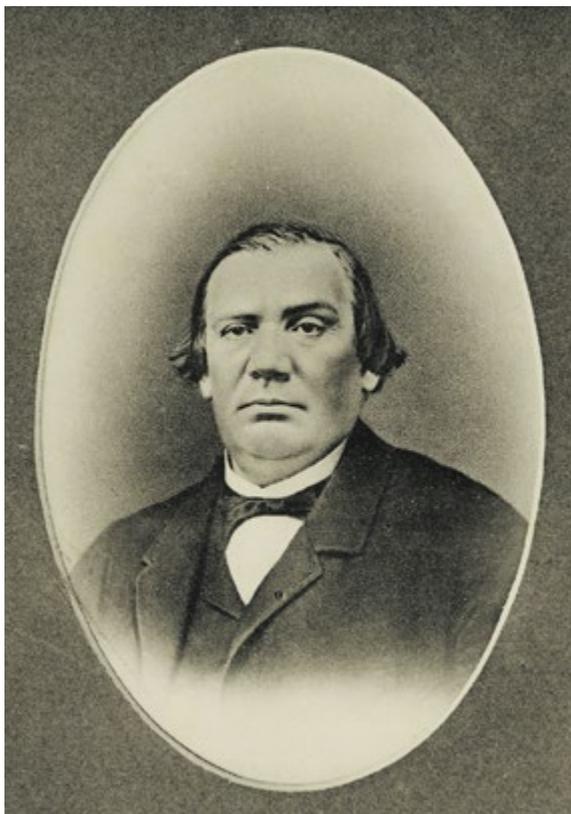
В 1840 году Сорокоумовский получил с семьей потомственное почетное гражданство. Это означало, что двадцать лет он пробыл во второй гильдии без нареканий со стороны начальства и торговых партнеров, ведь по закону 1832 года действовал порядок: «Лица, переходившие из первой или второй гильдии в третью, не прежде могут быть удостоиваемы почетного гражданства, как пробыв, по выходе из третьей гильдии вновь десять лет сряду в первой, или двадцать лет сряду же во второй гильдиях».

Сорокоумовский уже в 1840-х годах вышел в лидеры в своей сфере и перешел торговать в более престижный Галантерейный ряд. Там бойко шла торговля товарами класса люкс и не иссякал поток покупателей из разряда московских щеголей и щеголих. По сведениям из архивных документов, в 1846 году купец второй гильдии Петр Ильич Сорокоумовский торговал «пушным товаром» в лавке под номером 22. Его соседями по Галантерейному ряду были знаменитые московские торговцы – купец первой гильдии, «придворный фабрикант серебряных изделий» Игнатий Павлович Сазиков, продававший «золотые и серебряные вещи», сделанные на собственной фабрике, и купец первой гильдии Алексей Гаврилович Попов, который торговал изящной фарфоровой посудой, изготовленной на своей фабрике в селе Горбуново Московской губернии.

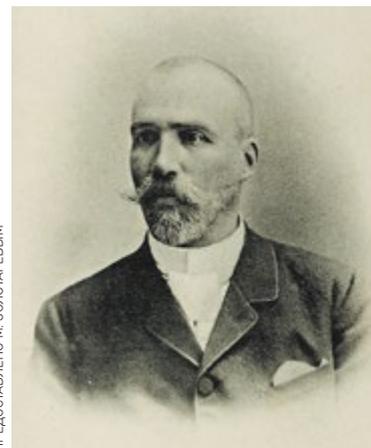
В конце 1850 года был открыт торговый дом купцов Сорокоумовских по торговле меховым товаром.

Здание фабрики в Москве на Якиманке. Архитектор А.С. Каминский

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Павлович Сорокоумовский
(1844–1882)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Павлович Сорокоумовский
(1852–1906)

ФАБРИКАНТЫ, БЛАГОТВОРИТЕЛИ, МЕЦЕНАТЫ

В 1840-х годах Петру Ильичу стали помогать два сына – Павел и Дмитрий (сыновья Петр и Владимир умерли в юношеском возрасте. – Прим. авт.). Сорокоумовские прилагали много сил, чтобы обойти конкурентов: установили связи с лучшими сибирскими поставщиками ценных шкурок, умело выстроили логистику доставки пушного товара в Москву.

Павел Петрович был вначале купцом второй гильдии, а с 1863 года стал купцом первой гильдии и завоевал репутацию серьезного бизнесмена. С 1857 года он состоял директором Московской конторы Государственного банка, не оставляя при этом семейного дела. Также он был избран гласным (депутатом) Московской городской думы в 1863–1866 годах. Считая надежным вложение капиталов в торговые помещения, Павел Петрович имел лавки общей площадью 100 квадратных метров в Верхних торговых рядах и сдавал их внаем.

Павел Петрович
Сорокоумовский
(1815–1874)

Малый
Ветoshный
ряд в Верхних
торговых рядах
до перестройки.
1880-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

У Павла Петровича и его жены Маргариты Семеновны было пятеро сыновей и шесть дочерей. Родители стремились дать детям наилучшее образование, например сын Павел в конце 1860-х годов учился на инженера-технолога в знаменитом политехникуме в Карлсруэ в Германии.

После кончины Павла Петровича с 1874 года в семейной фирме состояли три представителя третьего поколения семьи, сыновья Павла Петровича – Петр, Иван и Александр. В 1869 году был учрежден торговый дом первой гильдии «Павел Сорокоумовский с сыновьями». Контора фирмы размещалась на Ильинке. Позже дело возглавил наиболее предприимчивый из братьев – Петр Павлович Сорокоумовский (умер в эмиграции в Ницце в 1922 году. – Прим. авт.), прошедший коммерческую стажировку в Европе. Бла-

годаря его инициативе, с 1859 года была напрямую начата торговля мехами с европейскими торговыми домами – парижской фирмой «Братья Ревильон», лейпцигской «Гаудиг и Блюм», меховыми аукционами Лондона.

В 1880-х годах во владении Сорокоумовских на Якиманке на месте старой мастерской по проекту знаменитого архитектора Александра Каминского было построено трехэтажное здание меховой фабрики. Здесь выпускались шубы, шляпы, горжетки, муфты, палантины, боа, отделанная мехом детская одежда. За заслуги на предпринимательском поприще Петр Павлович в 1887 году получил почетное звание коммерции советника.

Пиком признания мастерства Сорокоумовских в производстве мехов стал 1896 год. Они выиграли конкурс на изготовление горностаевых мантий к коронационным торжествам императора Николая II. Были сшиты три трехметровые горностаевые мантии, на которые пошла 2691 шкурка, для Николая II, Александры Федоровны и матери-императрицы Марии Федоровны. В 1899 году торговый дом «Павел Сорокоумовский с сыновьями» был удостоен звания поставщика императорского двора. А вскоре последовал еще один престижный заказ: фирма Сорокоумовских

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

обеспечила соболиный мех при реставрации шапки Мономаха. Шапка Мономаха и коронационные мантии сейчас хранятся в Оружейной палате Московского Кремля. Львиную долю средств, не вложенных в развитие производства, Петр Павлович щедро тратил на благотворительность. В 1876 году Петр и Иван пожертвовали в память об отце участок земли со всеми постройками между 1-м Сорокоумовским переулком и 2-м Голутвинским переулком (на месте современного дома 26 по Большой Якиманке. – Прим. авт.). Там в 1880 году по проекту Каминского

Главный магазин в Москве на Ильинке. Интерьер

было возведено четырехэтажное здание благотворительного заведения на 250 бедных вдов с детьми.

Еще Петр Павлович, будучи председателем попечительского совета Мещанских училищ, передал 30 тысяч рублей на стипендии для «круглых бесприютных сирот или же детей самых беднейших и многосемейных родителей». Он же сделал крупный взнос на Алексеевскую психиатрическую больницу. Регулярно жертвовал Обществу попечения о детях лиц, ссыла-

Магазин в Верхних торговых рядах в Москве

Фасад Дома бесплатных квартир Московского купеческого общества на Большой Якиманке, устроенного на пожертвования братьев Сорокоумовских и К.А. Попова. Открыт в 1880 году. Не сохранился

емых по судебным приговорам в Сибирь, вице-президентом которого был с 1883 года. Сорок лет он избирался старостой разных московских храмов: Флора и Лавра на Мясницкой, Апостолов Петра и Павла на Калужской, Николая Чудотворца в Хлынове, на улице Большой Никитской. Согласно правилам, церковный староста отвечал за ремонт храма, и Сорокоумовский осознанно принимал на себя обязанность финансирования текущих нужд прихода из личных средств.

Приобрел он и к изданию исторических документов. Следуя примеру председателя Московского биржевого комитета Николая Найденова (см.: «Русский мир.ru» №4 за 2018 год, статья «Ревнитель старины». – Прим. ред.), Петр Павлович вместе с другими выходцами из Зарайска – кожевенными фабрикантами Бахрушиными – в 1883 году выпустил книгу «Зарайск: Материалы для истории города XVI–XVIII столетий». В характере Петра Павловича была развита «общественная жилка», что располагало к нему многих людей, с которыми его сталкивала судьба. Он не отказывался от возможности поработать на общую пользу и заседал во множестве муниципальных и купеческих комиссий, причем, как отмечали современники, «всюду внося крупным вкладом свой большой житейский опыт, свои обширные знания, все объединяя и примиряя между собою».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Единственной широкой трагедией Петра Павловича, сделанной для своей семьи, стала покупка в 1880 году старинной дворянской усадьбы в Леонтьевском переулке (сейчас дом 4), ранее принадлежавшей супруге генерал-губернатора Москвы Аграфене Закревской. Даже среди аристократической застройки к западу от Тверской главный дом усадьбы выделялся элегантностью и гармоничным портиком из 12 двоянных дорических колонн.

Петр Павлович с семейством (а у него было 10 детей в двух браках. – Прим. авт.) владел усадьбой вплоть до отъезда во Францию в 1918 году. Главный дом усадьбы, ныне резиденция посла Греции в РФ, был отделан Сорокоумовскими с большим вкусом и роскошью. В доме было несколько десятков комнат анфиладной планировки. В некоторых помещениях сохранились присущие второй половине XVIII века изящно расписанные потолки, окаймленные богатой лепниной. Сорокоумовские разместили в особняке свою коллекцию картин Айвазовского, Тропинина и Левитана. В 1901 году по муниципальной оценке стоимость домовладения Сорокоумовских оценивалась в 188 тысяч рублей. Для сравнения скажем, что автомобиль «форд» – диковинка и редкость, привозимая из Америки, – продавался в 1910 году за 2 тысячи рублей.

Как и многие дома, находившиеся в собственности купеческих семей, особняк был записан на супругу купца – Надежду Владимировну Сорокоумовскую: это была обычная практика, чтобы недвижимость не могли конфисковать, если фирма, которой владеет мужчина, вдруг обанкротится. Покупка именно этого дома была не случайной: в Леонтьевском жил в собственном доме отец Надежды Владимировны, владелец нескольких водочных заводов в Ярославской губернии, депутат Московской городской думы Владимир Пегов.

Здесь соседями Сорокоумовских стали графиня Прасковья Уварова и Анна Оленина (бывшая фрей-

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Москва,
Леонтьевский
переулок. Дом
Сорокоумовских.
Церковь Николая
Чудотворца
в Хлынове
(Хлыновском
тупике).
1879–1880 годы

лина, которой Пушкин посвятил свое «Я вас любил, любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем...». – Прим. авт.). А также врач-англичанин Николас Шкотт, семейство аристократов Олсуфьевых и городской голова Николай Алексеев, с которым Сорокоумовские были в родстве.

Сорокоумовские были «просвещенными коммерсантами». Петр Павлович финансировал экспедицию знаменитого этнографа и путешественника Николая Миклухо-Маклая в Новую Гвинею. Уроки музыки детям Петра Павловича давал пианист-виртуоз Константин Игумнов.

На рубеже XIX–XX веков в доме в Леонтьевском переулке с родителями остались два младших сына, представители четвертого поколения династии: Николай (1873–1937, умер в заключении в Лубянской тюрьме) и Александр

(1880–1943, умер в блокадном Ленинграде).

Николай Петрович Сорокоумовский в 1898 году совершил кругосветное путешествие, за 80 дней преодолел 53 тысячи километров и побывав более чем в 20 странах. Он был видный и выгодный жених, но и в 30 лет еще оставался холостяком. Родители нашли ему невесту – дочь одного из московских миллионеров, но свадьба не состоялась.

Когда же он сообщил отцу и матери, что надумал жениться, то оказалось, что его избранницей стала никому не известная жительница Будапешта. В 1905 году Николай Сорокоумовский, находясь в Будапеште по торговым делам, посетил спектакль, где исполнялись венгерские, румынские и русские танцы. Именно там его поразила одна из актрис – грациозная брюнетка. Мастерство и жизнелюбие

Петр Павлович
Сорокоумовский
(сидит справа)
с женой
(сидит слева)
и другими
родственниками.
Ницца, отель
«Сплендид».
1916 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Художник
Н.П. Богданов-
Бельский
пишет портрет
Марии Бауэр-
Сорокоумовской

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Петрович
Сорокоумовский
(1873–1937)

ность танцовщицы запали в душу Николаю. Он разузнал, кто она: оказалось, что Мария Бауэр незадолго до этого получила первый приз на конкурсе красоты в Будапеште. 23-летняя девушка была из небогатой семьи и, кроме красоты и хорошего характера, не имела других достоинств. Но Мария так очаровала Николая, что он познакомился с ее родителями и всем поведением старался продемонстрировать семье Бауэр серьезность своих намерений.

Когда же на пути к счастью возникло препятствие – Марии предстояли многомесячные гастроли в Австралии в составе балетной труппы, – то Николай Сорокоумовский добился расторжения контракта и уплатил импресарио крупную неустойку, чтобы его возлюбленная не уехала из Европы. Когда он вернулся в Москву и сообщил родителям о своей скорой женитьбе, то дом Сорокоумовских стал ареной настоящих словесных баталий. Много сил понадобилось Николаю Сорокоумовскому, чтобы убедить родителей, что его отношения с Марией Бауэр – не минутная блажь, а серьезное чувство. Ему все-таки удалось преодолеть сомнения матери и отца, после чего он сделал Марии предложение и привез невесту в Москву. Мария приняла православие, и в октябре 1907 года молодые обвенчались. Жениху было 33 года, а невесте 25 лет. Женитьба Николая Сорокоумовского вызвала много разговоров

среди светской публики, пристрастно следившей за каждым шагом молодой жены Николая Петровича. Однако попрекнуть Марию было нечем, она демонстрировала хорошее воспитание и благородство. Когда же она родила детей, то, радуясь внукам, Петр Павлович и Надежда Владимировна примирились с выбором сына.

Мария Бауэр-Сорокоумовская оказалась хорошей женой, она разделила с мужем все тяготы тяжелой эпохи 1920–1930-х годов. В сталинское время Николай Петрович был репрессирован и в 1937 году не вернулся с Лубянки. Мария дожила до 1961 года в двух небольших комнатах деревянного дома на окраине Москвы, в Измайлове. Ее сын Александр работал художником на киностудии «Мосфильм», погиб в ходе репрессий в 1937 году.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария
Александровна
Сорокоумовская.
Фото 1970-х
годов

Спустя три месяца после его гибели родилась дочь Маша. Внучка Николая и Марии Сорокоумовских – наша современница Мария Александровна Сорокоумовская. Она стала известным музыкантом, солисткой Московской государственной филармонии. Звание заслуженной артистки России она получила за яркий артистизм в игре на арфе. Многие выдающиеся личности восхищались ее игрой, в частности сын знаменитого певца Федора Шаляпина – художник Борис Шаляпин. Он был преданным поклонником таланта Марии Сорокоумовской. Живя за пределами России, Борис Федорович много лет состоял в переписке с талантливой арфисткой, дважды специально приезжал в Москву – готовил эскизы для большого парадного портрета Марии в белом платье за арфой. Из-за болезни художника этот портрет не был завершен. Арфа Марии Сорокоумовской звучала во многих российских городах. Более десяти лет в день рождения Пушкина ее игра на арфе сопровождала пение знаменитого Ивана Козловского в усадьбе Пушкина Михайловское и в Успенском соборе Святогорского монастыря, в котором был похоронен поэт... ❀

* Автор – доктор исторических наук.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАВТРА ВОЙНА?

Короткая жизнь советского «оборонного» фильма

АВТОР

ГРИГОРИЙ ПЕРНАВСКИЙ

ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕ КИНОЖАНРЫ В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ УНИВЕРСАЛЬНЫ. ДАЖЕ ЗНАМЕНИТЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ВЕСТЕРНЫ И ГАНГСТЕРСКИЕ ФИЛЬМЫ В МОМЕНТ СВОЕГО ПОЯВЛЕНИЯ ИМЕЛИ КАКИЕ-ТО ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ПОДОБИЯ. НО В СССР В 30-Е ГОДЫ ПОЯВИЛСЯ СВОЙ СОБСТВЕННЫЙ ЖАНР, КОТОРЫЙ НЕ ИМЕЛ АНАЛОГОВ НИГДЕ В МИРЕ. РЕЧЬ ИДЕТ ОБ «ОБОРОННОМ» КИНО.

ДЛЯ НАЧАЛА НУЖНО попробовать определить рамки этого жанра. В принципе, оборонными в Советском Союзе называли все фильмы, посвященные военно-патриотической тематике. Будь то учебные картины, снятые для Осоавиахима, либо эпопеи о Гражданской войне. Но среди этих работ выделялось целое направление абсолютно уникального характера. Это фильмы о войне будущей, причем снятые не в стилистике кинофантастики.

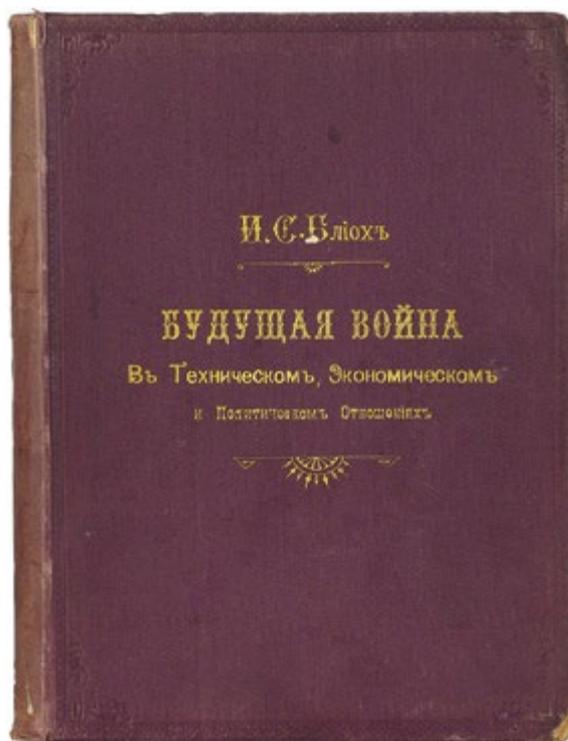
КНИЖНЫЙ БУМ

До начала Первой мировой войны жанр «война будущего» был невероятно распространен в литературе, как бульварной, так и серьезной. Книги пользовались большой популярностью. В качестве примера можно привести «1906 год. Крушение старого мира» за авторством Зеештерна (псевдоним немецкого журналиста и писателя Фердинанда Граугоффа. — Прим. ред.), умудрившегося предсказать мировую войну,

которая приведет к доминированию США.

Но самым большим событием стала грандиозная шеститомная работа «Будущая война и ее экономические последствия», формальным автором которой являлся российский банкир и железнодорожный магнат Иван Блюх. В реальности книга создавалась по его заказу огромным международным коллективом. Среди авторов числились военные, экономисты, историки. Главным результатом работы стало предсказание затяжного характера будущей войны, которая повлечет за собой неисчислимые бедствия и, возможно, революции.

Оседлал тему будущей войны Герберт Уэллс, причем его роман «Война в воздухе» пользовался не меньшей популярностью, чем более известный ныне «Война миров». Кстати, именно «Война в воздухе» вдохновила в 1909 году английского режиссера Уолтера Р. Буга на создание одиннадцатиминутного фильма «Истребитель дирижаблей». Здесь было все: и бомбардировки городов, и броневые автомобили, и ПВО. Напомним, в 1915 году дирижабли бомбили Лондон уже в реальности.

Кадр из фильма
«Глубокий рейд»Обложка книги
Ивана Блюха
«Будущая
война»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кадр из фильма
«На Западном фронте
без перемен»

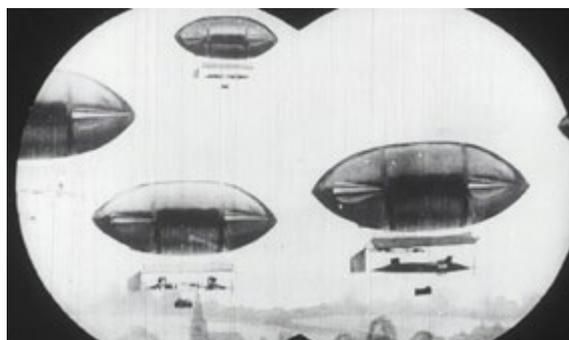
ФОТОХРОНИКА.ТАСС

Бойня, которую принято называть Первой мировой войной, шокировала человечество, но не настолько, чтобы оно прекратило строить похожие прогнозы на будущее. Более того, новые способы ведения боевых действий породили целые теории, которые буквально вскружили головы военным 20–30-х годов XX века. Одну из самых знаменитых теорий сформулировал итальянский генерал Джулио Дуэ. Он был настоящим фанатом авиации и всерьез считал, что именно этот новый вид войск будет играть ведущую роль в войнах будущего. Еще в годы Великой войны, потребовав от командования одновременного применения сотен самолетов и получив отказ, он устроил скандал, после которого даже попал в тюрьму. Но уже в 1920-е годы Дуэ стал признанным авторитетом. Его книги были переведены на многие языки, в том числе на русский. Его посмертная работа «Война 19... года», изданная в СССР в 1936 году, произвела серьезное впечатление не только на командование ВВС Красной армии, но и на деятелей культуры. А книга майора Гельдерса (Роберт Кнаусс) «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа» вообще породила огромную дискуссию.

Иван
Станиславович
Блюх
(1836–1901)

Стоит заметить, что и в СССР, и за рубежом начался настоящий бум книг в жанре военной футурологии. В конце 1930-х годов один советский критик жаловался по этому поводу, что скоро книгу о будущей войне захочет написать каждый дворник. Подобных книг, газетных и журнальных статей по всему миру насчитывается сотни. Пожалуй, ни одна из них не стала культурным событием, за исключением, может быть, сценария фильма «Облик грядущего», который написал Герберт Уэллс. Фильм по этому сценарию был снят в Великобритании. Но в данном случае речь идет, скорее, о «дальнобойном» философско-пацифистском трактате. Советская же военная футурология строилась на тех реалиях, которые окружали ее авторов, и всегда ограничивалась коротким горизонтом прогнозирования...

Кадр из фильма
«Истребитель
дирижаблей»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАКАЗ ДЛЯ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ

Важно отметить, что, в отличие от советских кинематографистов, их западные коллеги совершенно не заинтересовались темой будущей войны. Даже в Третьем рейхе, пропагандисты которого увлеченно «раскручивали» мощь и возможности новой армии, акцент в кинематографе делался совсем на другие вопросы. Что же касается Голливуда, то его продюсеры и режиссеры в начале 1930-х годов в большей степени были увлечены увековечением Первой мировой войны и создали ряд настоящих шедевров – к примеру, «Крылья», «На Западном фронте без перемен». Так советским кинематографистам достался целый жанр. Итак, что же такое советский «оборонный» фильм в нашем понимании? Прежде всего, как было сказано выше, это картина о будущей войне. Сюжетно все фильмы в точности соответствовали принципиальным воззрениям советской пропаганды на будущее противостояние:

- война начнется после периода политической напряженности, то есть не будет неожиданной;
- война начнется с нападения противника на нашу территорию;
- первый удар врага будет отбит у границы;
- основные силы, подошедшие из тыловых округов СССР,

окончательно выбьют врага из пределов нашей страны и перенесут боевые действия на его территорию;

– в момент пересечения вражеских границ в странах-агрессорах начнутся пролетарские революции;

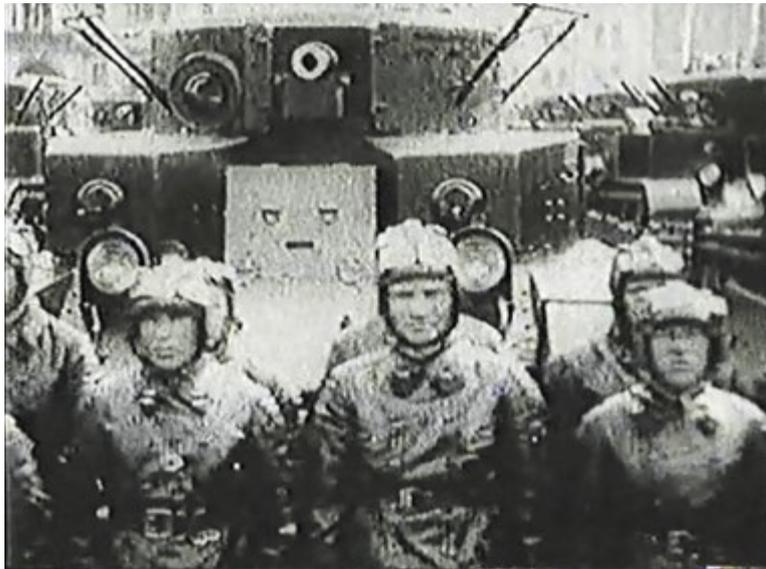
– война будет быстрой, победоносной и обойдется малой кровью.

Реальное военное планирование, конечно, весьма отличалось от той картинки, которую руководство страны хотело показать населению. Причина этого крылась, скорее всего, в том, что Сталин и его окружение боялись напугать население, показав, что война будет долгой, тяжелой и потребует огромных жертв. Это, с одной стороны, привело к тому, что значительная часть жителей СССР (особенно молодежь) стала воспринимать будущую войну как мероприятие несложное и даже желанное. К сожалению, в пропаганду частично уверовали и военные. Настоящая война оказалась для многих из них шоком.

Несколько слов нужно сказать о том, как все-таки представляло себе новую войну советское руководство. В конце 1920-х – начале 1930-х годов представлялось, что СССР придется воевать с коалицией, основу которой будут составлять армии Польши и стран-лимитрофов при поддержке всех крупнейших мировых держав. По мере того как Сталин и его окружение отказывались от идеи мировой революции и переходили к обсуждению возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, а Советский Союз получал дипломатическое признание, ситуация менялась, но неизбежность войны представлялась совершенно очевидной. В середине 1930-х годов работники советской культуры получили фактический заказ на произведения в жанре военной футурологии.

Впрочем, первые эксперименты в этом жанре относятся, скорее всего, к середине 1920-х годов. Многие фильмы безвозвратно утрачены, но вот картина «Напо-

Кадр из фильма
«Родина зовет»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

леон Газ» 1925 года сохранилась. По сюжету американские самолеты бомбят Ленинград бомбами с отравляющими газами, а потом даже высаживают десант и захватывают пригороды колыбели революции. Этот фильм, конечно, не имел никакого отношения к государственной политике, да и был произведен явно с коммерческими целями и окончательно забыт к моменту появления звукового кино.

Афиша фильма
«Наполеон Газ»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПЕРВЫЕ ЛАСТОЧКИ

По-настоящему советские кинематографисты взялись за кино о будущей войне в середине 1930-х годов. Первыми тему отработали документалисты. По мотивам маневров Киевского и Белорусского военных округов 1935 и 1936 годов были сняты картины «Борьба за Киев» и «Ударом на удар». Фактически командованию РККА и многочисленным зарубежным военным наблюдателям были показаны грандиозные фантастические спектакли о будущей войне. Парашютные десанты, танки, подвешенные к самолетам, динамо-реактивные безоткатные пушки, атаки масс быстроходных танков и кавалерии – все это поражало воображение, но было абсолютной реальностью. Ну, может быть, немного приукрашенной...

В 1936 году на экраны страны вышел художественный фильм «Родина зовет», одним из сценаристов которого стал Валентин Катаев (автор повестей «Белеет парус одинокий», «Катакомбы», романа «Алмазный мой венец» и др. – Прим. ред.). Это была история летчика-рекордсмена, ветерана Гражданской войны, которого списали по состоянию здоровья. Начинается новый конфликт, и военный летчик возвращается в строй. Напав-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ший на СССР враг бомбит советские города бомбами с отравляющим газом. Под авиаударом погибает сын главного героя. Он мстит вражескому летчику, а затем, сбитый, приземляется с парашютом и участвует в операциях сухопутных войск. Фильм пользовался популярностью, но его довольно быстро сняли с проката. Претензии носили не идеологический, а техниче-

ский характер. Критики писали, что в 1936 году как-то неприлично снимать боевые сцены с применением моделей, да и вообще пеняли на слабое во всех отношениях качество картины. «Родина зовет» легла на полку, но ящик Пандоры уже открылся. В том же, 1936 году «Комсомольская правда» напечатала отрывки из повести «Двенадцать часов войны».

Кадр из фильма «Танкисты»

Автором ее был писатель и военный теоретик Николай Шпанов. Летчик-наблюдатель Первой мировой войны, воздухоплаватель, автомобилист, участник экспедиции по спасению генерала Нобиле и его экипажа, он был настоящим фанатом авиации и опубликовал много специальных и учебных работ, наставлений для летчиков и даже участвовал в написании монографии об авиамоторах. Но главное – Шпанов был писателем, хотя и довольно слабым. Но в принципе, для того чтобы писать фантастику и технотриллеры, особых дарований и не требовалось. По сюжету повести советские тяжелые бомбардировщики наносят врагу ответный удар по его промышленным районам. В 1937 году повесть была экранизирована на студии «Мостехфильм» под названием «Глубокий рейд». В этой картине все уже было «по-взрослому». Настоящие самолеты, пояснительные анимированные схемы, съемки в полетах. И все это на фоне довольно унылой актерской игры и весьма посредственной режиссуры. Тем не менее фильм пользовался огромным успехом и получил хвалебную рецензию в «Правде». На волне успеха Шпанов пытался опубликовать свою повесть, но получил отказ везде. И только в 1939 году, при поддержке могущественного писателя, журналиста и сценариста Всеволода Вишневского и под давлением сверху, повесть «Двенадцать часов войны», переработанная в роман «Первый удар», увидела свет. Роман пользовался популярностью у читателей, а критики поносили его и за качество языка, и за то, что Шпанов явным образом позаимствовал и «пригрел» идеи Дуэ и Гильдерса.

А в 1938 году на экраны страны вышла картина, которая заставила всех забыть про экранизацию повести Шпанова и стала синонимом термина «оборонный» фильм.

Кадр из фильма «Глубокий рейд»

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА»

Для постановки картины «Если завтра война» была создана целая рабочая бригада, руководителем которой был назначен известный актер, сценарист, кинорежиссер Ефим Дзиган. Это был типичный ремесленник, который умел делать вполне качественные для 1930-х годов постановки – масштабные, с применением большого количества войск и пиротехники. В 1936 году он прославился фильмом «Мы из Кронштадта», который можно считать третьей по значимости картиной тех лет после «Чапаева» и «Александра Невского». С творческой стороны с первой парой сравниться он не может, но вот нешуточный культ клёшей и черных бушлатов создал именно этот фильм.

Дзигану ассистировали сорежиссер «Мы из Кронштадта» Георгий Березко, Лазарь Анци-Половский с «Лентехфильма» и Николай Кармазинский из «Союзкинохроники». Оба последних специализировались на кинохронике и документальных фильмах с включением в них «досъемки», то есть постановочных кадров. Оба работали над созданием фильма «Борьба за Киев», который рассказывал об упоминавшихся выше маневрах войск КОВО в 1935 году. Зачем такая компания?

Дело в том, что «Если завтра война» – это монтажный фильм, составленный из надерганных откуда попало кадров кинохроники, эпизодов не выпущенных на экран художественных фильмов и нескольких оригинальных эпизодов. В титрах получившийся продукт был охарактеризован как «Батальный фильм на хроникальном материале». Игровые эпизоды, отличающиеся высшей степенью «дубовости», ставил Березко, кинохронику обрабатывали Анци-Половский и Кармазинский, а Дзиган осуществлял общее руководство и верховодил монтажом. В наши дни выглядит все это кошмарнейшей халтурой, ка-

Афиша фильма «Если завтра война»

Бомбардировщик ТБ-3

ковой на самом деле и является. Но в 1930-е годы зрителю было не до нюансов. Ему показывали воздушные бои, выброску десанта, танковые атаки, кавалерийские побоища и много чего еще. Не беда, что часть эпизодов настригли из «Родина зовет», часть – из «Глубокого рейда». Много кинохроники забрали из фильмов про маневры и из киножурналов. Но были и постановочные эпизоды, которые в наши дни воспринимаются со смехом. Самый знаменитый из них – обращение парашютиста из отряда, захватившего вражеский штаб, к генералу: «Вы думали, мы нищи, а у нас их – тыщи!» и перст, указующий на рой бомбардировщиков ТБ-3. В роли десантника, кстати, выступал молодой Всеволод Санаев. И это, пожалуй, единственный актер, которо-

Всеволод Васильевич Санаев (1912–1996)

го может опознать современный зритель. Хотя... В ролях самих себя снялись Буденный, а также герои-летчики Громов,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

САВОСТЬЯНОВ ВЛАДИМИР / ФОТОХРОНИКА ТАСС

ФОТОХРОНИКА ТАСС

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бабушкин и Водопьянов. Бабушкин, кстати, до премьеры фильма не дожил, он погиб 18 мая 1938 года.

Враги в картине говорят по-немецки, но по униформе нельзя определить их национальную принадлежность. Впрочем, намеки на Третий рейх имелись совершенно очевидные. «Если завтра война» полностью соответствовал всем признакам «оборонного» фильма. Есть сведения, что картину высоко ценил Сталин и часто пересматривал ее со своим окружением. Фильм можно и нужно считать вершиной жанра, но история последнего на этом не закончилась.

ПОСЛЕДНИЕ «ОБОРОННЫЕ» ФИЛЬМЫ

В августе 1939 года на экраны страны вышел фильм Киевской киностудии «Эскадрилья номер 5». У этого фильма несколько особенностей. Во-первых, зрителям, правда на макете, было показано действие пограничных минных полей и укрепрайонов, в которых погибают сотни вражеских танков. Во-вторых, противником была открыто объявлена Германия. Суть сюжета – приключения летчиков со сбитого при нанесении ответного удара бомбардировщика СБ (АНТ-40). Они выявляют немецкий подземный аэродром, переодеваются во вражеские мундиры, щеголяют зна-

Кадр из фильма «Эскадрилья номер 5»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кадр из фильма «Моряки»

нием языка противника и даже убеждают перейти на их сторону простого солдата, в груди которого бьется пролетарское сердце.

Никакой художественной ценности эта поделка, разумеется, не имеет. «Эскадрилья номер 5» продержалась в прокате несколько дней. После подписания 23 августа 1939 года Советско-германского договора о ненападении картину убрали из кинотеатров, и она не всплывала нигде вплоть до 1990-х годов.

И еще два «оборонных» фильма достойны упоминания. Это – «Танкисты» и «Моряки». Содержание их ясно из названия. Это «отраслевой» взгляд на будущую войну. Обе картины сняты на хорошем профессиональном уровне, они сопровождалась качественной военной консультацией. Постановщик «Моряков» – великий советский режиссер-маринист Владимир Браун. Так случилось, что ему предстояло снять последний советский «оборонный» фильм.

В первые недели июля 1941 года все фильмы о будущей войне были изъяты из проката. Война развивалась не так, как было задумано, и ура-патриотические и шапкозакидательские картины могли нанести огромный вред. Впрочем, они и так его нанесли. Многие люди, насмотревшиеся «Эскадрилий» и «Рейдов», считали будущую войну легкой прогулкой. Контраст с реальностью был ужасен. По этой причине «оборонные» фильмы не вернулись на экраны и после войны. Никто не хотел отвечать на неприятные вопросы.

Весной 1941 года Владимир Браун начал снимать в Одессе фильм «Морской ястреб». Это было не масштабное полотно, а камерная история о корабле-ловушке, который выслеживает вражескую подлодку диверсанта. 22 июня правки в сценарий внесла сама жизнь. В картине о будущей войне началась война настоящая. «Ястреба» досняли в Одессе и затем группу эвакуировали на Большую землю...

Больше в Советском Союзе фильмов о будущей войне не снимали никогда. ❀

Судовой священник

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ЦЕРКОВНОЙ ПАЛУБЕ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ВО ВТОРОМ ЧАСУ НОЧИ 22 ОКТЯБРЯ 1904 ГОДА КРЕЙСЕР РУССКОГО ФЛОТА «АВРОРА» ПОЛУЧИЛ ПЯТЬ ПОПАДАНИЙ. ДВА СНАРЯДА РАЗОРВАЛИСЬ В КАЮТЕ КОРАБЕЛЬНОГО СВЯЩЕННИКА ОТЦА АНАСТАСИЯ. ИЕРОМОНАХ БЫЛ ТЯЖЕЛО РАНЕН ОСКОЛКОМ. РАНА ОКАЗАЛАСЬ СМЕРТЕЛЬНОЙ, И ЧЕРЕЗ 11 ДНЕЙ ОН СКОНЧАЛСЯ.

ШКАНЦЫ – ЭТО МЕСТО в средней части военного корабля, где совершались официальные церемонии. Размещение шканцев на корабле каждого типа определялось приказом по Морскому ведомству. При входе на шканцы полагалось снять головной убор. Запрещалось курить и даже садиться. Любое нарушение корабельных правил на шканцах приводило к усиленному наказанию, так как шканцы считались одновременно парадной залой и хра-

мом под открытым небом. Так, на правых шканцах могли находиться только флагман эскадры, командир корабля, офицеры-георгиевские кавалеры, священник и занятые по службе. Традиция считать правые шканцы за особо почитаемое место пришла из Европы. Впервые мыс Горн, долгое время считавшийся самой южной точкой американского материка, был обойден в 1616 году голландскими моряками. Их корабль двигался с востока на запад, стало быть, мыс находился по пра-

вому борту. Только португальцы отдают предпочтение левым шканцам, объясняя это тем, что их соотечественник Васко да Гама прошел мимо мыса Доброй Надежды, что на южной оконечности Африки, левым бортом. В плохую погоду ежедневные богослужения проводились на батарейной палубе. Она находилась под верхней палубой, там размещались орудия. Часть батарейной палубы, на которой разворачивали иконостас, получила название церковной. Когда наступила эпоха стальных кораблей, значение шканцев сохранилось, хотя броненосцы, крейсера и эсминцы по корабельной архитектуре радикально отличались от парусных кораблей. Священники преимущественно стали служить на церковной палубе. Начало службы ознаменовывалось тем, что на кормовом флагштоке флагманского корабля поднимали иерусалимский флаг – белое полотнище с равно-великим красным крестом.

ПОД АНДРЕЕВСКИМ ФЛАГОМ

Церковь пришла на флот при Петре Великом. Иначе говоря, почти одновременно с его основанием. И физически – в виде корабельных священников, – и символически. Государь главным символом русского флота выбрал синий косой крест Святого Андрея Первозванного. На оригинале-рисунке флага сохранилась надпись, сделанная рукой Петра: «Зане Св. апостол Андрей Первозванный землю русскую светом Христова учения просветил».

Права и обязанности морских священнослужителей были определены Морским уставом 1720 года и Инструкцией флотским иеромонахам за 1721 год. Надо отметить, что иеромонахи на постоянной службе находились только на крупных кораблях. В иных случаях служить доверялось кому-то из господ офицеров, знакомых с процессом. Статус корабельного батюшки был довольно высок. Он получал солидное жалованье, трапезничал в офицерской кают-компании, имел шлюпку, на которой каждый четверг после заутрени мог отправиться на берег, если

корабль стоял в порту. Со временем по причине увеличения флота и нехватки монашествующих, способных к этой тяжелой службе, на кораблях появились и белые клобуки.

В обязанности корабельного батюшки входили не только богослужения. Одновременно он являлся помощником врача и психологом. Морские будни в походе, который мог растянуться на несколько лет, это довольно монотонная работа, особенно для матросов. Жара или холод в кубриках в зависимости от времени года и места пребывания, однообразная пища, изнуряющий труд, строгая дисциплина и готовность в любой момент вступить в бой – все это требовало от каждого члена экипажа психической устойчивости. И священник тут был незаменим.

Из Морского устава 1853 года: «Статья 565. Священник обязан посещать страждущих, подавая им духовное утешение и заботясь о своевременной исповеди и причащении Св. Тайн опасно больных. Во всех случаях, когда признает нужным, он доводит до сведения командира, в каком положении найдены

им больные. Статья 566. Перед боем, если командир признает возможным, священник служит молебен с коленопреклонением о даровании победы, обходит палубы и окропляет корабль и команду святою водою. Во время сражения он должен находиться при раненых, подавать им возможное пособие и утешение, исповедовать и приобщать умирающих и тяжелораненых, которые того пожелают».

ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

В боях и походах батюшки рисковали не меньше, чем матросы и офицеры. Список погибших на морской службе невелик. Но за каждым именем – особая история.

Иеромонах Матфей Грек прибыл в Россию в 1707 году из Иверского монастыря, что на греческом Афоне. Он был отправлен на север нести послушание при русском царе. И наказа, полученный от архимандрита Киприана, исполнял на совесть. Но в 1721 году написал-таки доношение в Святейший синод на предмет прекращения затянувшейся командировки и с просьбой вернуть его на Афон. Четырнадцать лет как-никак! Оригинал этого письма хранится в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге. Словно чувствовал монах приближение гибели.

В 1724 году его смыло волной за борт во время похода. Службу нес Матфей на фрегате «Амстердам-Галей». Подробностей не сохранилось. Известно лишь, что в том же году невезучий фрегат, вернувшийся в Ревель из незавершенного похода на Мадагаскар, встал на ремонт. Из-за халатности командира перевернулся и набрал воды. Во время аварии погибло 16 человек экипажа. В петровское время погибли еще два корабельных священника, чьи имена пока остаются тайной. Известно лишь то, что они пришли на флот из астраханских краев и сгинули во время Низового похода 1725 года в Каспийском море.

Флот Петра I.
Гравюра

«ПЕТРОПАВЛОВСК» И «ПАЛЛАДА»

Почти все погибшие за историю флота судовые священники – жертвы русско-японской войны. Первым в этом мрачном списке стоит фамилия отца Алексия. В миру – Александра Раевского. Он родился предположительно в 1864 году в Торжке в семье псаломщика Василия и Елены Раевских. После окончания сельской школы примерно в 1881 году поступил послушником в Новоторжский Борисоглебский монастырь. Известно, что спустя пятнадцать лет отец Алексей – иеромонах, казначей Свято-Успенского монастыря в Старице, член-сотрудник Православного Палестинского общества. В 1899 году переведен в ведомство протопресвитера военного и морского духовенства и определен в службу на кораблях Балтийского флота. Причем вовсе не на Балтике, а на другом конце земли – в Порт-Артуре, где несли вахту корабли флота из 1-й Тихоокеанской эскадры. Сначала служил на броненосце «Наварин», затем – на броненосце «Петропавловск». С 1904 года – благочинный эскадры. От Святейшего синода был удостоен чести носить золотой наперсный крест. «Петропавловск» был флагманом. На броненосце держал флаг командующий эскадрой вице-адмирал Степан Макаров. Его противник, японский адмирал Того, мечтал выманить «Петропавловск» из бухты и уничтожить. Но как? План был построен в расчете на то, что при появлении японских кораблей вблизи берега Макаров непременно выведет основные силы эскадры в открытое море на бой. На их предполагаемом пути в ночь с 30 на 31 марта 1904 года насыпали мин. «Петропавловск» снялся с якорей в семь утра. В десятом часу раздался мощный взрыв. Очевидец, мичман броненосца «Полтава» Иван Ренгартен, вспоминал: «Под правой скулой «Петропавловска» взорвалась мина, он сразу накренился и стал уходить

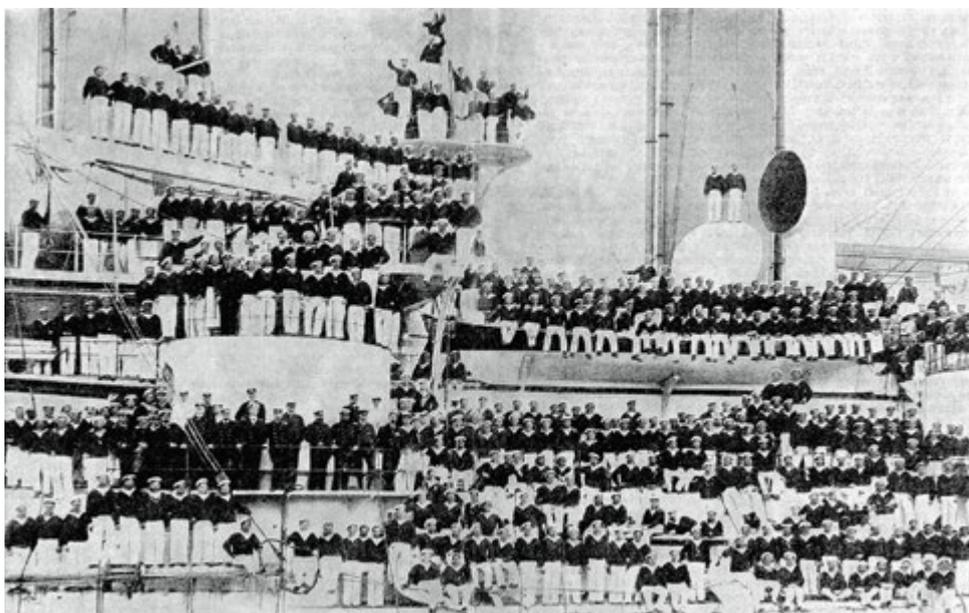
Иеромонах
Алексий, погиб
на броненосце
«Петропавловск»

Офицеры
и команда
броненосца
«Петропавловск»

носом в воду, над местом взрыва выкинуло громадное пламя и целую кучу дыма. После этого взрыва было слышно еще несколько, то взрывались котлы и зарядные отделения мин». А вот что писал флаг-офицер штаба командующего флотом в Тихом океане Владимир Шмидт: «В 9 ч 43 мин – сигнал:…» – успел я лишь набросать, и вдруг послышался глухой сильный удар. У нас троих (капитана 2-го ранга Кроуна, сигнальщика и у меня) сорвало фуражки, и в одно мгно-

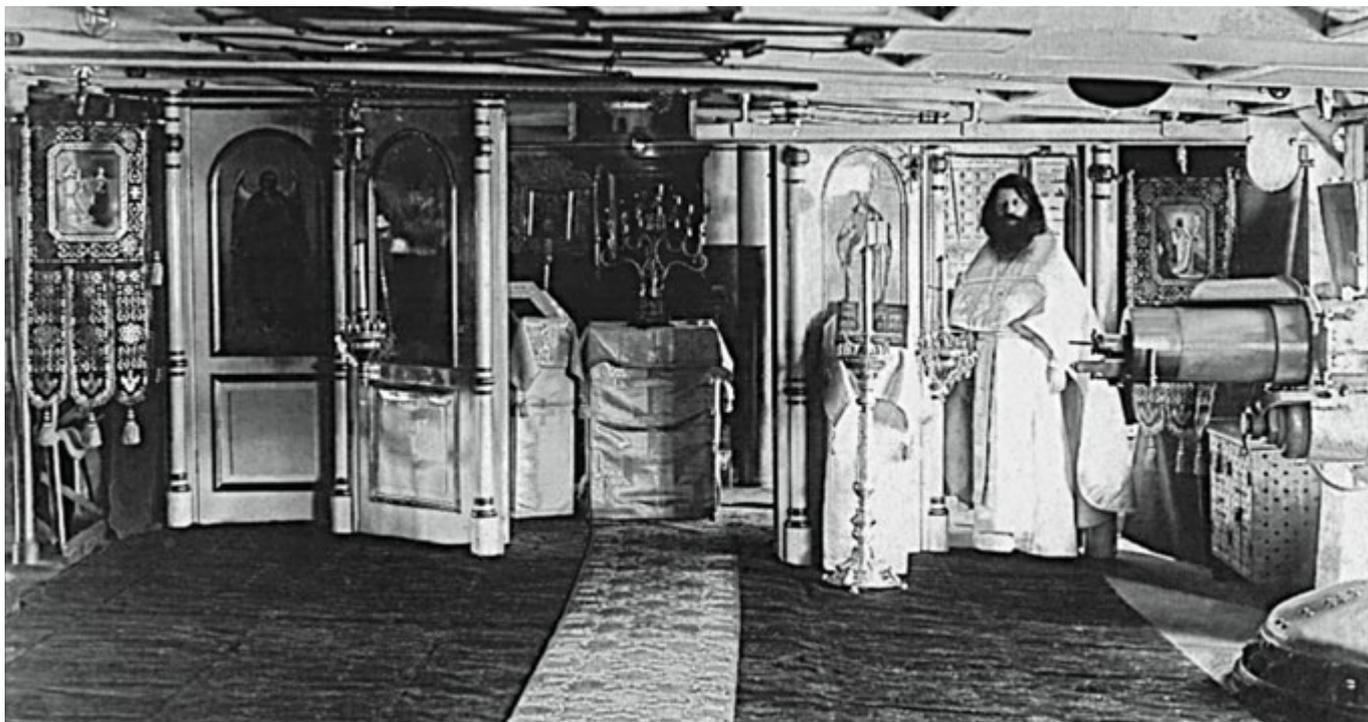
вение стол, диван, шкаф с книгами и картами – все обратилось в груды обломков, циферблат с механизмом был вырван из футляра часов. <...> Посмотрел я на корму: шканцы, казавшиеся высоко над мостиком, усеяны людьми, которые без всякого удержу сплошной живою рекою бросались за борт, попадая в работавшие до последнего взрыва винты и между обломками». Шмидта, еще троих офицеров и 47 матросов спасли. Экипаж «Петропавловска» насчитывал не менее 680 человек, так как помимо штатной команды на нем находились штабные офицеры Макарова. И художник Василий Верещагин. И – иеромонах Алексей. Спасшийся Шмидт в эмиграции стал первым церковным старостой русского храма Христа Спасителя в Нью-Йорке.

В 1-й Тихоокеанской эскадре погиб еще один священник – иерей Николай Исидоров, служивший на крейсере «Паллада», родном брате крейсера «Аврора». Был и третий брат – «Диана». Одно не ясно, почему Николай II дал этим однотипным бронепалубным крейсерам 1-го ранга женские имена. «Палладе» досталось. В самом начале войны крейсер получил торпеду на внешнем рейде Порт-Артура, а в декабре 1904 года был потоплен на внутреннем рейде огнем японской артиллерии.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ЦУСИМСКОМ ПРОЛИВЕ

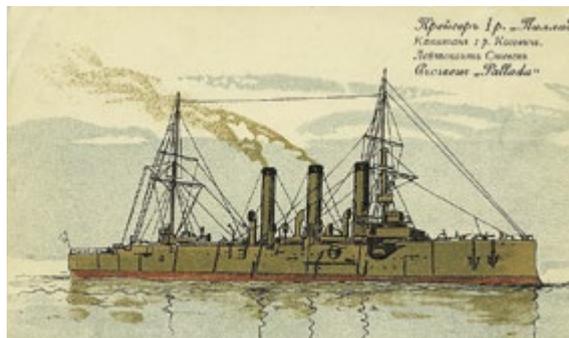
По океанским меркам Цусимский пролив невелик. До 100 километров в длину, в ширину от 40 до 140. В сущности, кораблям 2-й русской Тихоокеанской эскадры и Японскому объединенному флоту предстояло биться в «ближнем бою». Русская сторона насчитывала 39 боевых кораблей и вспомогательных судов. Японская – 128. Такое огромное преимущество в количестве вымпелов обусловлено тем, что у противника имелось 65 эсминцев и миноносцев, а у вице-адмирала Зиновия Рождественского только... 9. В линейном эскадренном бою малые корабли эффективны при добивании раненых монстров. Горящих, потерявших ход и артиллерию. Тогда в ход идут торпеды с миноносцев. Главный калибр – на броненосцах и броненосных крейсерах. Тут соотношение 12 к 12. Но в качестве японские броненосные корабли превосходили русские. Большинство из них было новее, современнее, быстрее. Артиллерия отличалась скорострельностью и дальностью эффективного огня. Среди главных причин разгрома 2-й Тихоокеанской

эскадры в Цусимском сражении – состояние кораблей, вышедших из Либавы еще в октябре 1904 года. 18 тысяч миль вокруг Европы и Африки, через весь Индийский океан сказались и на материальной части, и на настроениях в экипажах. Японцы базировались на родные порты и драться собирались, по сути, в собственном дворе.

На флагманском корабле Рождественского, эскадренном броненосце «Князь Суворов», нес послушание иеромонах Седмиозерной пустыни Казанской епархии Назарий. «Суворов» умирал долго и мучительно. Началось во втором часу дня, когда японский флагман «Микаса» открыл огонь с 6 километров. Все было кончено только к шести вечера. Экипаж погиб

Корабельная церковь крейсера 1-го ранга «Паллада»

Крейсер 1-го ранга «Паллада»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

почти полностью. Незадолго до погружения с броненосца успели снять дважды раненного Рождественского и несколько офицеров его штаба, в числе которых был и капитан 1-го ранга Владимир Семенов. Он вспоминал, что Назарий был монахом не только по платью, но и по духу и во время сражения находился со Святыми Дарами во временном перевязочном пункте, где и был сражен осколками неприятельского снаряда. Умирая, пастырь читал молитву об оставлении грехов всем во брани убиенным.

Броненосец «Ослябя» продержался менее часа. По нелепой причине он был вынужден сбросить ход и превратился в мишень. Наши миноносцы вытащили из воды 376 человек – менее половины команды. Среди спасенных не оказалось ни командира корабля Владимира Бэра, ни судового священника Виктора Никольского. И каперанг, и иеромонах Троице-Сергиевой лавры отказались покинуть борт. Иеромонах Зиновий Дроздов, участвовавший в сражении, после окончания войны написал книгу «С эскадрой до Цусимы». В ней такие строки: «Подшел было к борту и

о. Виктор. На минуту задумался; махнул рукой, перекрестился и пошел в каюту. <...> Судно пошло ко дну. <...> Добрый пастырь мужественно разделил последнюю участь со своими духовными чадами, убитыми неприятелем».

Бронепалубный крейсер «Светлана» сражался до последнего снаряда. А когда кончился боезапас, к нему подошли два японских крейсера и расстреляли в упор. Оставшиеся в живых члены команды открыли кингстоны, и крейсер затонул. Покинувшие борт моряки держались на воде на пробочных матрасах в надежде на спасение несколько часов. Их подобрал проходивший мимо японский транспорт «Америка-мару».

Из 456 человек утонуло и впоследствии умерло в плену 167. Одним из виновников гибели моряков стал командир японского крейсера «Отова» капитан 1-го ранга Арима Рёкицу. Он отдал приказ не поднимать из воды никого и курс не менять. Крейсер прошел по головам пытавшихся спастись людей. Корабельный священник иеромонах Феодор Хандалеев был раздавлен «Отовой». В кубриках погибшего крейсера отца Феодора матросы меж собой называли «батя». Так на флоте закрепилось за священниками, пользовавшимися уважением. А во время пожара на «Светлане», разгоревшегося от снарядов японских крейсеров, иеромонах «от начала до конца выстоял на брандспойте».

Крайне скудные сведения сохранились о протоиерее Александре Недрыгайло, служившем на броненосце «Александр III». Известно, что из многостенного экипажа не спасся ни один человек. Соответственно, рассказать о последних минутах отца Александра было некому. Также скупа история по поводу иеромонахов Варлаама с броненосца «Бородино», Герасима с броненосца «Сисой Великий», Николы и Кириона с броненосца «Наварин», Паисия с броненосца «Орел».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В ПОЛНЫЙ РОСТ

Василий Смирнов родился в 1843 году в Самарской губернии в семье священника. Получается, к началу Первой мировой войны разменял восьмой десяток. На флот иеромонах Антоний, принявший постриг только в 1881 году, попал в 1909-м. В хозяйстве протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского не посмотрели на возраст монаха из Бугульминского Александро-Невского монастыря, отправили служить. Полковым и корабельным священникам полагалось в этих должностях находиться пять лет. Срок службы отца Антония истек в 1914 году. Он все пять лет окормлял матросов и офицеров минного заградителя Черноморского флота «Прут». Дредноут – звучит,

крейсер – звучит, субмарина – звучит! Минный заградитель как-то не очень. Однако это особый класс боевых кораблей, предназначенных для больших минных постановок. Так, «Прут» имел водоизмещение 5,5 тысячи тонн и брал на борт до 800 мин. Экипаж – 307 человек, в том числе 9 офицеров, врач и иеромонах. Кстати, судовой священник в чине был приравнен к старшему лейтенанту флота, полковой – к капитану армии.

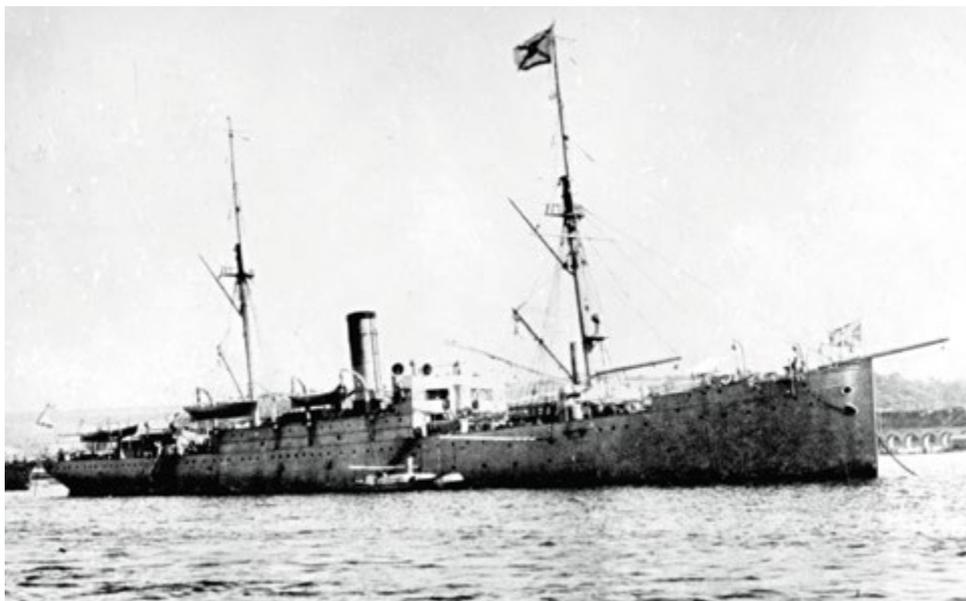
Уж одно то, что на «Пруте» имелся штатный батюшка, убеждает в том, что это был довольно крупный корабль. На малых кораблях священники не полагались. Для сравнения, столь эффектный по названию и эффективный в бою эсминец «Новик» имел на борту 117 матросов и офицеров. А ведь

Гибель броненосца «Бородино» в Цусимском сражении

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Офицеры, мичманы и священник иеромонах о. Варлаам броненосца «Бородино», погибшие 27 мая 1905 года во время Цусимского боя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Судовой священник заградителя «Прут» и иеромонах Антоний (Смирнов)

«Новик» по большинству параметров подходил под определение «минный крейсер». Отец Антоний свою паству не бросил и вместе с кораблем пошел на войну. А война на Черном море началась 30 октября 1914 года. Под турецким флагом и с турецкими же матросами, но с немецкими офицерами новейшие линейный крейсер «Гебен»/«Явуз султан Селим» и легкий крейсер «Бреслау»/«Мидилли» явились к русским берегам и обстреляли Севастополь и Новороссийск соответственно. Известие о начале боевых действий «Прут» встретил в море. Он шел из Ялты в Севастополь с грузом мин, без прикрытия, так как сопровождавшие миноносцы задержались под Севастополем. На «Гебене» заметили приближающийся минзаг, и могучий крейсер двинулся навстречу. Предугадать исход боя было несложно. На «Гебене» имелись 34 орудия, 10 – 280-миллиметровый главный калибр. На «Пруте» – 10 малокалиберных пушек и 3 пулемета. А кроме того, трюмы и палубы, заваленные минами. Одно попадание – и корабль взлетел бы в воздух. Это прекрасно понимал командир «Прута» капитан 2-го ранга Георгий Быков. Это понимала вся команда. Но не сдаваться же! На фок-мачте

взвился парадный Андреевский флаг. Кингстоны были открыты, а минный офицер лейтенант Александр Рагузский спустился в трюм к приготовленному загодя взрывному патрону. «Гебен» открыл огонь, погибли два офицера, боцман и 25 матросов. Командир корабля был ранен и контужен. Но основная часть команды уже погрузилась на шлюпки и уходила от тонущего минзага. Взрывной волной Быкова выбросило за борт, и это спасло ему жизнь. Кавторанг решил остаться на «Пруте» до конца. Так же решил и отец Антоний. Когда на шлюпках началась перекличка, выяснилось, что батюшки ни в одной из них нет. Кто-то вспомнил, что видел его на верхней палубе. А на самом «Пруте» в эти минуты оставшиеся офицеры и матросы угова-

Минный заградитель «Прут»

Пожар у Золотой горы во время обороны Порт-Артура. 1905 год

ривали иеромонаха занять место в последней шлюпке. Отец Антоний отказался, уступив это место какому-то молодому матросику. Автор биографического очерка об отце Антонии, белорусский писатель и историк Вячеслав Бондаренко, писал: «– Спасайтесь сами, – ответил седой священник. – Мест в шлюпках на всех не хватит, вы молоды, а я уже пожил на белом свете и стар. После этих слов отец Антоний вернулся в свою каюту, облачился в ризу и, выйдя на горящую палубу с крестом и Евангелием в руках, еще раз благословил команду. Потом направился внутрь гибнущего корабля. Матросы, глотая слезы, провожали глазами любимого пастыря, офицеры поднесли руки к козырькам фуражек, отдавая честь доблестному священнику». «Прут» затонул в 10 милях к западу от мыса Фиолент на глубине около 100 метров. Спустя считанные дни отец Антоний (Смирнов) был посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Он стал вторым флотским священником, удостоенным высшего русского военного ордена. Первым был иеромонах Иоанникий Савинов, служивший во время Восточной (Крымской) войны в 45-м флотском экипаже Черноморского флота.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

НА БОРТУ «АВРОРЫ»

С одной стороны, крейсер 1-го ранга «Аврора» построен под счастливой звездой. Участник трех войн – русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной – он уцелел и жив до сих пор. После очередного капитального ремонта крейсер-музей вернулся на вечную стоянку у Петроградской набережной на Большой Невке. Даже экипаж имеет: трех военнослужащих и 28 штатских. В июле 2018 года на «Авроре» вновь открылся православный храм, который был уничтожен после революции в 1917-м. Церковь восстановлена по старым рисункам, эскизам, а иконостас – по единственной черно-белой фотографии, хранящейся в Российском государственном архиве Военно-морского флота.

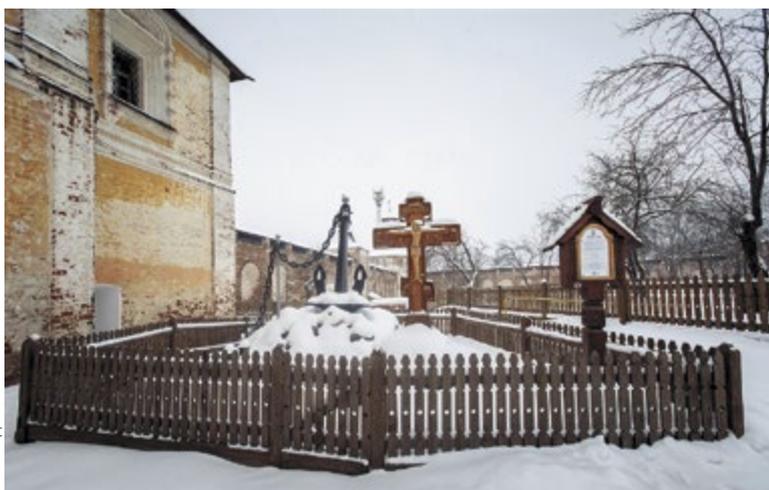
С другой стороны, огромное число людей ничего этого не знают, для них боевой корабль ассоциируется с пресловутым холостым выстрелом из носового орудия, произведенным 7 ноября 1917-го. Между прочим, спустя два дня в газете «Правда» было опубликовано письмо от имени членов команды «Авроры», в котором, в частности, написано: «Что касается выстрелов с крейсера, то был произведен только один холостой выстрел из 6-дюймового орудия, обозначающий сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающий их к бдительности и готовности. Просим все редакции перепечатать». Так что вопрос из детской песни «Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встает над Невой?» вполне актуален.

Ростовский
Борисоглебский
монастырь

Реконструкция каюты погибшего
на «Авроре» священника
о. Анастасия в монастырском музее

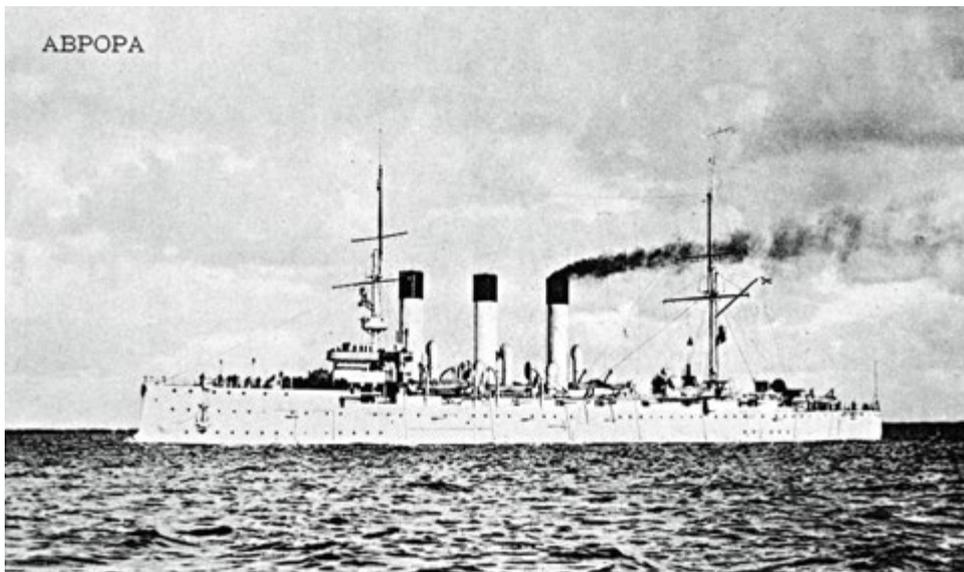
В том же Военно-морском архиве есть документы, связанные с одним иеромонахом Борисоглебского монастыря, что под Ростовом Великим на берегах реки Устье. Он был возведен в 1363 году по благословию преподобного Сергия Радонежского. Звали монаха Анастасий. Есть о нем записи и в монастырских ведомостях. Коротко, но емко: «Иеромонах Анастасий, 37 лет, в миру Александр Александрович Рукин, флотский священник на крейсере «Аврора», умер в октябре 1904 года».

Отец Анастасий родился в семье священника в Вологде, там же окончил семинарию. После скоропостижной смерти жены принял постриг. Служил секретарем в Вологодском архиерейском доме, в Соловецком монастыре, в Свято-Успенском в Одессе, в Борисоглебском – под Ростовом. По последнему адресу он пребывал примерно два года. Весной 1904-го иеромонах зачислен судовым священником на крейсер «Аврора», который вместе с другими кораблями 2-й Тихоокеанской эскадры должен был направиться воевать в Японском море. Выход эскадры в поход состоялся в октябре 1904 года. Из Балтийского моря она вышла в Север-

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Могилы монахов
Борисоглебского
монастыря,
служивших
на кораблях
Российского
императорского
флота

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Крейсер
«Аврора»

ное. Вечером 22 октября русские корабли находились в районе печально известной Доггер-банки. Стоял сильный туман. Командиры кораблей нервничали, так как из Петербурга было получено сообщение, что в Северном море замечены японские миноносцы. Броненосная группа шла кильватерной колонной, крейсера «Дмитрий Донской» и «Аврора» чуть в стороне. Вследствие ошибок наблюдателей и командующего эскадрой вице-адмирала Рождественского флагманский броненосец «Князь Суворов» открыл огонь по английской рыболовецкой флотилии из 22 траулеров, которых приняли за «японцев». В результате один траулер был потоплен, пять пострадали. Один или два британца погибли. Но это еще не все. «Аврора» зажгла прожекторы и тоже

открыла огонь. В ответ получила пять сюрпризов от «Суворова» и других броненосцев. Два снаряда залетели в каюту отца Анастасия. В судовом журнале корабельный врач оставил запись: «...от разорвавшегося снаряда священник был ранен в правое плечо с разрывом мягких частей и раздроблением плечевой кости на протяжении 8 сантиметров, причем конечность оставалась висеть только на кожном лоскутке». Надо отметить, что лечили батюшку довольно странно. Давали обезболивающее, и все. Похоже, врач сам не верил, что раненого можно спасти. Не принял специальных мер и командир крейсера Евгений Егорьев. После смерти иеромонаха в крохотной католической больничке в марокканском Танжере капитан 1-го ранга записал: «Хоронили беднягу при сильной

непогоде. Собралось много всякого сброда, за неимением экипажей в городе несли гроб наши нижние чины. Поставили на могиле большой православный крест, сделанный у нас на «Авроре», и разошлись, оставив первую жертву нашей эскадры, бедного монаха отца Анастасия в недрах африканской могилы, о которой ему никогда в жизни и в голову прийти не могло». Но если командир нашел теплые слова после смерти, почему в течение десяти суток «Аврора» не зашла ни в один порт по пути в Африку? Крейсер проходил мимо Франции, Испании, Португалии... Про Великобританию говорить не приходится, так как в этой стране были крайне возмущены поведением русских у Доггер-банки. Международный скандал получил название «Гулльский инцидент», так как траулеры имели приписку в английском порту Гуль (ныне – Кингстон-апон-Халл).

В Борисоглебском монастыре открыт небольшой музей, главные экспонаты которого предметы с крейсера «Аврора». Хотя если говорить о подвигах, то резоннее, если в музее центральное место занимала бы экспозиция, посвященная броненосцу «Полтава», который героически сражался при обороне Порт-Артура в 1904 году, превратившись в плавучую батарею на внутреннем рейде. Там и затонул в декабре. Предварительно за три месяца выпустил по врагу более 100 тысяч снарядов. Корабельным священником на «Полтаве» служил иеромонах того же Борисоглебского монастыря Паисий, в миру Петр Казанский. Он умер в госпитале Порт-Артура от раны, полученной во время японского артиллерийского обстрела...

Нет ничего постыдного в том, что в 1905 году японцам удалось поднять «Полтаву» и отремонтировать, после чего ее включили в состав флота под именем «Танго». Все это было уже после войны. И у русских моряков совесть чиста. Но если уж совсем по душам, то ведь и «Аврора» была интернирована в 1905 году в филиппинской столице Маниле. ❧

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В кают-компании броненосца «Князь Суворов»

П. В. Митурич.
Карандашный
портрет
Эдуарда
Багрицкого.
1933 год

Б ИОГРАФЫ БАГРИЦКОГО обычно пишут, что его детство прошло «в затхлой среде еврейского мещанства», против которого он бунтовал. Подробные сведения о семье Багрицкого содержатся в книге Моника Спивак «Мозг отправьте по адресу», и они основаны на данных опроса жены и близких друзей Багрицкого, которые в 1935 году, после смерти поэта, провел сотрудник Института мозга Григорий Поляков. Легенда о «затхлой среде мещанства» не находит подтверждения.

Эдуард Дзюбин (в документах также встречается написание «Дзюбан») родился 3 ноября 1895 года в одесской еврейской семье среднего достатка. Отец, Годель Мошкович, служил приказчиком в магазине одежды. Он пытался открыть свой магазин, но разорился и снова пошел работать приказчиком. Мать, Ита Абрамовна, была домохозяйкой. Она любила красиво одеваться и читать романы; именно она назвала мальчика таким пышным именем. Ребенок был единственным в семье, его баловали, покупали игрушки, но он играть в них не любил, зато любил вырезать фигурки из бумаги и слушать сказки. Занимался с домашним учителем, учился хорошо, разве что равнодушно относился к занятиям древнееврейским языком.

ВЕТЕР, ПЕСНИ И СВОБОДА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

КОГДА БАГРИЦКИЙ УМЕР, ГАЗЕТЫ ПИСАЛИ, ЧТО ЭТО САМАЯ КРУПНАЯ ПОТЕРЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПОСЛЕ МАЯКОВСКОГО. МОЗГ ЕГО СРАЗУ ОТПРАВИЛИ В ЛАБОРАТОРИЮ ПО ИЗУЧЕНИЮ ГЕНИАЛЬНОСТИ. «СМЕРТЬ ПИОНЕРКИ» ЧИТАЛИ ВСЕ ШКОЛЬНИКИ ВПЛОТЬ ДО ПЕРЕСТРОЙКИ. А ПОТОМ ПОЭТ БАГРИЦКИЙ ОКАЗАЛСЯ ВО ВТОРОМ, ТРЕТЬЕМ, ЧЕТВЕРТОМ РЯДУ – ДА ТАК И ЗАСТРЯЛ ТАМ, ДЛЯ ОДНИХ ПЕРЕОЦЕНЕННЫЙ, ДЛЯ ДРУГИХ – НЕДООЦЕНЕННЫЙ.

Годель Мошкович Дзюбин,
отец поэта

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Отец однажды подарил ему птицу в клетке. С тех пор Эдуард заинтересовался птицами, а потом и рыбами – они до конца дней остались главным его увлечением. Одной из его любимых книг была «Жизнь животных» Брэма; уже в юности Эдуард мог мастерски подражать птичьему свисту и был отличным птицеловом.

Юрий Олеша писал, что Багрицкий перед самой смертью говорил сиделке в больнице: «Какое у вас лицо хорошее, – у вас, видно, было хорошее детство, а я вспоминаю свое детство и не могу вспомнить ни одного хорошего дня». Хорошенький, любимый и балованный мальчик, отличник, любитель сказок – что же случилось с ним? Откуда появилось жуткое стихотворение «Происхождение», яростный бунт против мира, в котором он рос? «Еврейские павлины на обивке, // Еврейские скисающие сливки, // Костьль отца и матери печец, – // Все бормотало мне: // – Подлец! Подлец!»

Мама возмущалась: я никогда не держала дома скисших сливок! «Он жил на Ремесленной улице, в затхлой еврейской квартире, с громадными комодами среди темных углов... Это было очень неуютное, мертвое жилище», – пишет Олеша.

Родители хотели, чтобы сын стал инженером, врачом или адвокатом, но сам он мечтал стать художником и просился в художественное училище. Однако его

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

отдали в реальное училище им. святого Павла, основанное при немецкой лютеранской церкви. А через год перевели в другое реальное училище – Валериана Жуковского. Первое время он учился хорошо, а потом ему надоело. Уже взрослый, на встрече с пионерами он рассказывал: «По всем предметам у меня стояли двойки, а по истории и русскому языку были пятерки». Одноклассник Багрицкого Даниил Деснер вспоминал: «Нужно сказать, что учился он не особенно успешно, но зато карикатуры на педагогов рисовал он мастерски...»

Во время учебы в реальном училище. Одесса. 1911 год

Одесса, Екатерининская улица. В доме №59 Багрицкий жил с 1900(?) по 1911 год

ТУДА, ГДЕ КАРАВЕЛЛЫ

Эдуард стал публиковаться в ученическом журнале «Дни нашей жизни», который издавался в гимназии Раппопорта; его редактор придумал Эде Дзюбину псевдоним – Дэзи, созданный из двух первых букв фамилии. Дэзи оказался плодовитым автором – чуть не половину журнала занимали его стихи и рисунки. Деснер вспоминает, что из училища Эдуарда исключили за «тихие успехи при громком поведении».

Вступив в подростковый возраст, мальчишка отбил от рук: стал прогуливать уроки, связался с дурной компанией. Они вместе уходили на море или в парк, где смущали парочки нецензурной бранью. Он любил ловить птиц, вместе с рыбаками ходил в море и продавал улов на базаре. Дома его пытались призвать к порядку, наказывать, но безуспешно. Отец кричал на него, он кричал на отца, мать не знала, что делать. Конфликт с благополучным миром родителей, подростковый бунт в стихах перерастает в бунт поэта против мещанской среды, в борьбу за право жить полной жизнью и делать то, что считает нужным.

Образование Эдуарда закончилось в 1916 году: после реального училища он отучился на землемерном отделении политехнических курсов инженера Лидендера. Но основное образование он получил самостоятельно, бесконечно много читая. Стихи он писал лет с пятнадцати. В Одессе в это время в моде был Северянин, и Багрицкий подражал ему, как и все. Первая публикация Багрицкого состоялась в 1914 году в альманахе «Акорды», тогда еще он подписывал свои стихи «Э.Д.» и «Дэзи».

В 1914 году журналист Петр Пильский задумал предприятие, о котором Валентин Катаев поведал в рассказе «Первая встреча»: он решил собрать молодых поэтов и устраивать поэтические концерты в дачных

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

театрах, развлекаая скучающих дачников. Поэты получали аудиторию и славу, Пильский – деньги. Именно на отборе поэтов у Пильского встретились гимназист Катаев и Багрицкий, с этого началась их многолетняя, оборванная лишь смертью Багрицкого дружба.

Одесский краевед и литературовед Семен Луцкич нашел афишу, извещающую, что 15 июня 1914 года в курзале Хаджибеевского парка состоится «Вечер поэтов», в котором среди прочих примут участие Эдуард Багрицкий, Семен Кесельман, Валентин К. (Катаев – гимназистам такие выступления запрещались, поэтому фамилию не назвали. – Прим. авт.), Анатолий Фиолетов. Фиолетов, кстати, от рождения носил фамилию Шор; псевдонимы Шор и Дзюбин выбирали вместе, выбрав по жребию два красивых цвета. С этого времени он меньше хулиганил и больше времени проводил в компании молодых поэтов.

Довольно скоро собранная Пильским компания поэтов стала издавать собственные поэтические сборники с необычными названиями и модернистскими иллюстрациями Сандро Фазини, брата Ильи Ильфа, – «Серебряные трубы», «Авто в облаках», «Седьмое покрывало», «Чудо в пустыне». Багрицкий был их постоянным автором, не только под собственным именем, но и под псевдонимами, среди которых был один женский – Нина Воскресенская.

Семен Кесельман, который участия в этих сборниках уже не принимал, в шарже «Оловянные дудки» изобразил поэтов – участников «Серебряных труб» и под шаржем на Багрицкого подписал: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофил Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет». Здесь действительно точно очерчен круг чтения молодого Багрицкого, видны его поэтические

Петр Пильский (в центре) среди участников одесского вечера молодых поэтов. Валентин Катаев сидит на полу

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ориентир. Он сменяет романтические маски – то он мушкетер, то моряк, то бродяга, – но всегда это веселый искатель приключений.

В компании молодых поэтов Багрицкий выделялся – уверенный в себе, крепкий, с характерным одесским вы-

говором, с ухватками уличного мальчишки и эрудицией филолога. На щеке его был шрам – след от детского пореза осколком стекла, но он казался шрамом от сабли; у него недоставало переднего зуба, но и это работало на образ бывшего человека. Отчасти это была поза, самозащита. После перенесенного в 12 лет бронхита Багрицкий всю жизнь страдал тяжелой астмой и задыхался, спасался астматолом – жег травяной сбор в блюде и вдыхал дым.

Он рвался на волю – в далекие страны, к путешествиям, морям, ветрам, парусам, – но не умел плавать, плохо переносил качку, а мир его часто оказывался ограничен комнатой. По словам Катаева, Багрицкий проводил «большую часть своего времени на антресолях, куда надо было подниматься из кухни по крашеной деревянной лесенке и где он, изнемогая от приступов астматического кашля, в рубашке и кальсонах, скрестив по-турецки ноги, сидел на засаленной перине и, наклонив лохматую, нечесаную голову, запоем читал Стивенсона, Эдгара По или любимый им рассказ Лескова «Шер-Амур», не говоря уже о Бодлере, Верлене, Артуре Рембо, Леконте де Лиле, Эредиа, и всех наших символистов, а потом акмеистов и футуристов...».

Шарж С. Кесельмана «Оловянные дудки»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЕСЕЛЫЙ СТРАННИК

Стихи, свои и чужие, Багрицкий читал замечательно. Сохранились аудиозаписи его чтения: оно замечательное, голос своеобразный, хриплый, глуховатый, богатый модуляциями.

Поэзия служила для Багрицкого тем самым воздухом, которого ему, бунтарю по натуре, так не хватало. Писатель и журналист Лев Славин писал: «Он был воздержан в пище. Почти не курил. Не пил. (Тут Славин не прав: совсем не пил Багрицкий в последние годы; в молодости мог выпить очень много и почти не пьянел. — Прим. авт.) И вообще не обладал ни одной из тех фламандских страстей, которыми он так охотно наделял своих героев. Он был путешественником в мечтаниях. Он был обжорой, атлетом, пьяницей, гулякой, ловеласом и удалцом в мечтаниях».

Он был неоромантиком — таким же, как Александр Грин и молодой Горький, — влюбленным в простор, свободу и стихию. В нем много было от горьковского босяка — и бытовой аскетизм, и веселое отсутствие всякой щепетильности. К примеру, в романе Георгия Шенгели «Черный погон» есть

персонаж Кардан, прототипом которого стал Багрицкий: он является к рассказчику в гости, берет денег купить еды, присваивает сдачу, съедает всю еду и уходит. Он мог не делиться едой с женой и сыном; мог устроить гадость человеку, который ему ничего плохого не сделал. Его нормы морали определялись не то кодексом чести одесских подростков-босяков, не то философией выживания военного коммунизма: для него немислимо было разве что обворовать товарища, отнять у своего — в остальном же и материальный мир, и человеческий был для него не особенно важен. Может быть, именно эта несформированность личной этики и не дала ему — при его феноменальной музыкальности, при поразительном таланте — стать по-настоящему крупным поэтом. По-настоящему, а не по меркам 30-х годов XX века, когда его стремительно канонизировали как советского гения. Правда, в отличие от горьковских нищанцев, он был босяком веселым, босяком-поэтом, так что и любимые герои у него — веселые, неунывающие бродяги: птицелов Дидель, Робин Гуд, Тиль Уленшпигель...

Участники литературного объединения «Зеленая лампа». Эдуард Багрицкий стоит второй справа. Одесса. 1919 год

«НАС ВЕЛ ЭДУАРД»

Осенью 1917 года в Новороссийском университете появился литературный кружок, из которого потом выросла одесская «Зеленая лампа» — поэтическое общество, в которое входили Юрий Олеша, Валентин Катаев, Зинаида Шишова, Аделина Адалис и другие молодые поэты. Багрицкий формально ни в какие общества не вступал, но его лидерство признавали все. «Мы шлялись табуном, крича стихи или издеваясь друг за другом, — вспоминала Адалис. — Здоровые, полуголодные ребята, мы были злы, веселы и раздражительны. Нас вел Эдуард. Что скрывать! Нас томил голод, зависть к богатым, хитрые планы пожрать и пошуметь за счет презираемых жертв — богатых студентов и наивных или полусумасшедших старух. Нас томила неимоверная жадность к жизни, порождающая искусство...». На студенческих «интимных чтениях» он читал стихи, закрыв глаза — сначала от страха, чтобы не видеть зала, потом — чтобы лучше представлять себе поэтические образы. Уже тогда он мог на спор написать за пять минут сонет на любую заданную тему — и на одном из первых чтений в битком набитой университетской аудитории справился с заданием, написав, к восторгу публики, сонет на тему «Камень».

На собрания «Зеленой лампы» Багрицкий всегда приносил что-то новое; читали друг другу свое, свирепо критиковали друг друга. Багрицкий однажды, уже после революции, объявил себя поэтическим ВЧК — комиссаром на страже хорошего вкуса. Для всех участников «Лампы» кружок стал литературной школой, а Багрицкий для многих — учителем.

Он чутко ловил ветер времени, хотя не интересовался политикой. Первая мировая обошла его, астматика, стороной, но именно ему принадлежат пронзительные строки о поколении мальчиков, ушедших на эту войну:

*Печальные дети, что знали мы,
Когда, прошагав весь день
В портянках, потных до черноты,
Мы падали на матрац.
Дремота и та избегала нас.
Уже ни свет ни заря
Врывалась казарменная труба
В отроческий покой.*

В начале войны он служил редактором в Одесском отделении Петроградского телеграфного агентства, печатался в газете «Южная мысль». Февральская революция подхватила его и завертела: «...передают, что во время Февральской революции вместе со всей студенческой молодежью громил полицейские участки, – пишет Моника Спивак. – Короткий промежуток времени в 1917 г. служил в милиции, главным образом из-за любви к оружию. Багрицкая передает, что, по его рассказам, много ездил в это время вылавливать бандитов вместе с матросами в «чайных домиках». Необходимо подчеркнуть, что это привлекало его исключительно своей «романтической» стороной. Литературная деятельность в это время, несмотря на все пертурбации, связанные с революцией, продолжалась».

В поэме «Февраль», которая, как сообщали друзья Багрицкого, имеет автобиографическую основу, как раз рассказывается о таком рейде в «чайный домик» – публичный дом, где герой поэмы встречает девушку, в которую давно и безответно влюблен и которая ему презрительно отказала во внимании. Впрочем, финал поэмы – совершенно вымышленный: «Там почти все правда, все это со мной было, – рассказывал Багрицкий, – когда я увидел эту гимназистку, в которую я был влюблен, которая стала офицерской проституткой, то в поэме я выгоняю всех и лезу к ней на кровать. Это, так сказать, разрыв с прошлым, расплата с ним. А на самом-то деле я очень растерялся и сконфузился и не знал, как бы скорее уйти».

В ноябре 1917 года, когда советская власть еще не пришла в Одессу, он уехал в Персию,

С Валентином Катаевым

в войска царского генерала Баратова – вероятно, в поисках приключений. Там он служил делопроизводителем в 25-м врачебно-питательном отряде Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Научился ездить на верблюде. Вернулся, когда военные действия прекратились, – в феврале 1918 года. И до 1920 года, пока в Одессе не установилась советская власть, печатался в одесских изданиях, организовывал поэтические выступления и выступал с чтением стихов. Молодой поэт Лев Славин пришел к Багрицкому, который жил с мамой, и запомнил его таким: «Я увидел человека худого и лохматого, с длинными конечностями, с головой, склоненной набок, похожего на большую сильную птицу. Круглые серые, зоркие, почти всегда веселые глаза, орлиный нос и общая голенастость фигуры усиливали это сходство. <...> Есть натуры закрытые, которые узнаешь исподволь, Багрицкий был, наоборот, человеком, распахнутым настежь, и немного мне понадобилось времени, чтобы увидеть,

что эта зоркость и сила Багрицкого и словно постоянная готовность к большому полету были точным физическим отражением его душевных качеств». В апреле 1919 года в Одессу вошли красные. Через несколько дней после этого литераторы на своем собрании решили учредить профсоюз. Бунин, побывавший на этом собрании, писал, что Багрицкий с друзьями кричали: «Долой! Долой! К черту старых, обветшалых писак! Клянемся умереть за советскую власть!» Александр Биск вспоминал, что Багрицкий требовал убрать председателя собрания, старого литератора Кугеля, назвал его старой вороной и потребовал дать дорогу молодым. Он действительно скоро «встал на советскую платформу», как тогда говорили. В том же апреле он вступил в Особый партизанский отряд имени ВЦИК, который скоро стал Отдельной стрелковой бригадой 14-й Красной армии. В отряде он был инструктором политотдела: писал листовки, сочинял агитки. Он, способный неделями работать над поиском самого точно-

го слова, халтуру гнал километрами, рифмуя что угодно с чем угодно.

Он ездил с агитпоездом; Зинаида Шишова, в то время служившая в продразверстке, встретила однажды этот агитпоезд на путях, заваленных финиками, оставшимися от отступавших французов. «Эдя первый увидел и окликнул меня, – вспоминала она. – Он сидел с машинистом в кочегарке, был измазан сажей и смеялся. <...> Багрицкий насыпал мне полные карманы фиников. Конечно, это было получше французского же горохового хлеба, которым мы питались в Одессе».

В революции Багрицкий нашел ту свободную стихию, о которой написаны его лучшие стихи – в том числе дикие и вольные «Контрабандисты»: «Так бей же по жилам, // Кидайся в края, // Бездомная молодость, // Ярость моя! // Чтоб звездами сыпалась // Кровь человечья, // Чтоб выстрелом рваться // Вселенной навстречу, // Чтоб волн запевал // Оголтельный народ, // Чтоб злобная песня // Коверкала рот, – // И петь, задыхаясь, // На страшном просторе: // «Ай, Черное море, // Хорошее море..!»

Он служил в ЮгРОСТА, сочинял агитационные четверостишия к плакатам, иногда и сам рисовал. Когда Гражданская война закончилась, он принимал участие во всех одесских поэтических начинаниях – «Коллектив поэтов», «Мебос», «ХЛАМ», «Пэон четвертый»... «От Багрицкого исходило непрерывное воодушевление, – писал Лев Славин. – Будучи, как все талантливые люди, чрезвычайно щедрым, он разбрасывал темы, идеи, образы походя, в разговоре. <...> Уже тогда Багрицкий стал тем, чем он был впоследствии в Москве: неофициальным литвузом, вольным университетом поэзии на дому». Очень интересно замечание Славина о том, что Багрицкий долго и трудно пробивался к себе самому сквозь огромную поэтическую библиотеку в собственной голове: не было, кажется, такого поэта, чьих стихов он не знал бы наизусть.

С женой Лидией

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

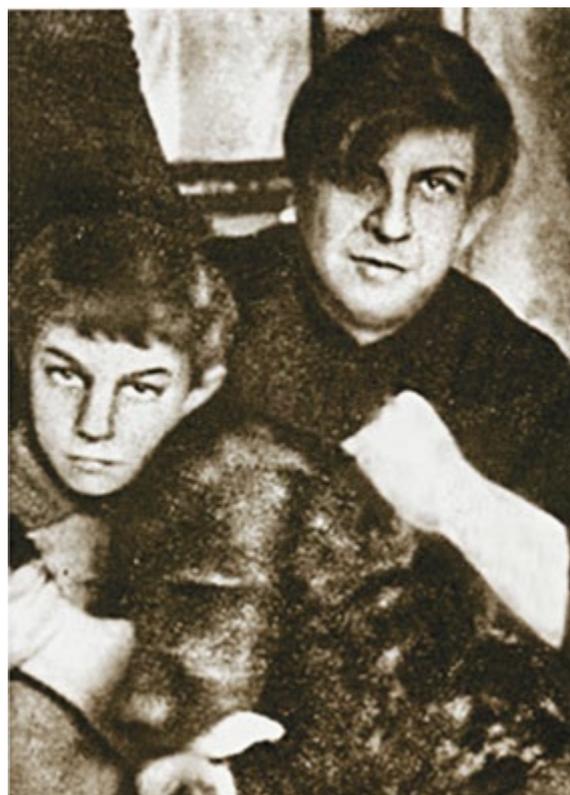
НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

В 1920 году он познакомился с будущей женой. Лидия Густавовна была старшей из трех сестер Суок; вторая сестра, Ольга, впоследствии стала женой Олеси, в третью, Симу, Олеша был безнадежно влюблен, но она предпочла ему Владимира Нарбута. Лидия уже побывала замужем, ее супруг погиб в Первую мировую. Семейная жизнь была совершенно аскетичная – ни мебели, ни вещей, ни еды.

Кровать заменяла охапка сена. Когда родился ребенок, будущий поэт Всеволод Багрицкий, у него не было даже пеленок; соседка по коммунальной квартире, увидев, что младенец лежит на грязном полу, решила, что это подкидыш. Маленькая дочка этой пары умерла от истощения; ее похоронили в степи; Багрицкий выстрелил из винтовки над ее могилой.

Друзья его перебирались в Москву. Багрицкий оставил Одессу едва ли не самым последним из всех. Катаев написал рассказ «Бездельник Эдуард», в котором с любовью, ехидством и безжалостностью рассказал о беге Багрицких, живших продажей старых вещей. Лидия Багрицкая после этого долго с ним не разговаривала. «Он был страшно беден, этот долговязый поэт, попавший в переделку неожиданных событий. Страшный лентяй, плут и авантюрист, он был достойным учеником своего легендарного учителя, славного мэтра Артюра Рембо. И хотя ему было не суждено торговать неграми, он не без успеха занимался другими делами в том же духе, – писал Катаев. – <...> В самое короткое время он перепробовал изрядное количество профессий – от собственного военного корреспондента радиотелеграфного агентства до заведующего красноармейским клубом. Но ото-

С сыном
Всеволодом

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

всюду его выгнали, так как ни на какую работу он не годился. Он умел лишь писать великолепные стихи. Но они-то как раз никому и не были нужны. <...> Съесть полфунта колючего хлеба было для него счастьем, а посидеть в теплой комнате – невероятным, сказочным сном».

В 20-х Багрицкий работал в газете «Морьяк» вместе с Паустовским. Тот вспоминал: «Багрицкий пришел в линялой ситцевой рубаше с расстегнутым воротом и в стоптанных деревяшках. Он читал свои стихи, и у него билось горло, как оно бьется у птиц, когда они поют. Он задыхался. Иногда его голос падал до шепота и свиста. Стихи были о Черном море. Строфы летели и ударялись, как птицы бьются о клетки, падали, летели снова и снова ударялись, и было ясно, что Багрицкому тесно среди этих слов, что ему, может быть, нужно заглушить море».

Сотрудники газеты – старые капитаны и масленщики с облезлых пароходов, тертые одесские репортеры и голодные машинистки – слушали стихи, боясь кашлянуть и пошевелиться. Когда Багрицкий окончил, величайший скептик боцман Бондарь глухо сказал:

– Сердце у людей заходится от такой песни».

В Москву Багрицкого вытащил Катаев. Приехал за ним в Одессу, купил ему билет на поезд и увез. Потом Багрицкий вызвал в Москву жену с сыном. Паустовский вспоминал, что Багрицкий не знал себе цены, «никогда не ходил один в издательства и редакции, а брал с собой «для храбрости» кого-нибудь из друзей. Переговоры вел главным образом друг, а Багрицкий помалкивал и улыбался».

Он уже тогда мало выходил из дома. Все мемуаристы вспоминают его одинаково: сидящим на тахте, поджав ноги потурецки, в байковой рубаше, задыхающимся от кашля. «На тахте он был обложен книга-

Заседание
Литературного
центра конструк-
тивистов. Эдуард
Багрицкий
первый слева.
1929 год

ми, чужими рукописями стихов и пустыми коробками от папирос. На них он записывал свои стихи. Иногда он терял их, но огорчился этим очень недолго». Читал «Улялаевщину» Сельвинского, писал «Думу про Опанаса», болтал с одесситами. По словам Славина, Багрицкий говорил: «Опанас» был написан из-за синкоп, врывающихся, как махновские тачанки, в регулярную армию строк». «Дума про Опанаса» – чистая стихия Гражданской войны, закрутившая мирного крестьянина Опанаса. Жуткая, вековая, дикая музыка стихии. Потому и казалась она при любом строе

идеологически сомнительной, неверной, – что нет тут правых, нет победителей, есть только сумасшедшая варварская музыка, движение стихий, оживший от злодейства Бирнамский лес или оживающая, как в «Улялаевщине» Сельвинского, земля. И «Смерть пионерки» знаменитая – это тоже гимн невероятному напряжению сил, моменту максимального ощущения живой жизни: «Но в крови горячечной // Подымались мы, // Но глаза незрячие // Открывали мы. // Возникай, содружество // Ворона с бойцом, // Укрепляйся, мужество, // Сталью и свинцом...»

Эскизы
Э. Багрицкого
к «Окнам
ЮгРОСТА»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Э. Г. Багрицкий.
1930-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ОДИНОЧЕСТВО ВЕКУ ПОД СТАТЬ

В Москве Багрицкий снимал часть дома в Кунцево. Здесь он завел птиц в клетках и огромные аквариумы с яркими редкими рыбами. Держал собак – но со временем остались только аквариумы, на которые он мог любоваться часами. У орнитологов и ихтиологов он считался большим знатоком и гордился этим. У хозяев была дочь Валя – та самая, что стала прототипом Вали из «Смерти пионерки». Ее двоюродная сестра Галина Северина вспоминала необычного жильца родственников, похожего на медведя гризли, его таинственную зеленую комнату – и его веселое «айда за тритонами». Только в начале 30-х он получил двухкомнатную квартиру, где был хоть сколько-то прочный семейный быт. Он уже был признанным поэтом. В 1930 году вступил в РАПП – может быть, деваться было некуда: в 1929-м РАПП, кажется, выморил и ошель-

мовал чуть не всех сколько-нибудь значимых литераторов. В этом году написано самое жуткое стихотворение Багрицкого: «ТВС» – этой аббревиатурой врачи обозначали туберкулез. К лирическому герою, задыхающемуся в туберкулезном жару и бреду, является призрак Дзержинского и объясняет ему мораль «векачекиста», стоящего как часовой: *Иди – и не бойся с ним рядом встать. Твое одиночество веку под стать. Оглянешься – а вокруг враги; Руки протянешь – и нет друзей; Но если он скажет: «Солги», – солги. Но если он скажет: «Убей», – убей.* Он убеждает биться с «матерым желудочным бытом земли» и героически умереть в этой борьбе. И умирающий герой встает и идет. Стихи эти можно читать как искреннюю веру в новые заповеди – в пику старым десяти. Можно – как простую констатацию бессмысленной жесткости коммунистической морали, отстра-

ненное изображение повседневного абсурда, как свидетельство дикости нового века, антивитальную философию которого надо принять. Для жизнелюбца Багрицкого это стихотворение – скрежещущее, лающее как кашель – почти смертельное, да и сам Дзержинский, посылающий героя убивать и умирать, – смертельный соблазн, черный чело-век, «виденье гробовое». Когда РАПП распустили, Багрицкий был искренне рад. В последние годы он практически не выходил из дома – чуть не любое движение провоцировало приступ астмы. Он умер от воспаления легких в 1934 году – безупречным советским поэтом, о котором немедленно стали создавать легенды. Николай Харджиев, близко знавший Багрицкого, возмущался: «Живой Эдуард был чрезвычайно мало похож на канонизированное ими чучело. Он был ленив, лжив и притом самый неверный друг в мире. <...> Это был самый неисправимый эклектик, но его юмор и неистовая любовь к стихам заставляли ему прощать многое».

Похоронили его как героя; его гроб сопровождал кавалерийский эскадрон. Это было вполне в его духе.

Очень скоро после его смерти стальной век добрался до его ближайшего круга. В 1935 году после ареста и принудительного психиатрического лечения покончил с собой друг Багрицкого, молодой поэт Николай Деметьев. В 1936 году арестовали Владимира Нарбута, друга и родственника. Лидия Багрицкая пошла хлопотать о его освобождении – и ее саму арестовали в 1937-м. В 1942 году погиб на фронте сын Всеволод. Но было бы, конечно, неправильно, закончить повествование о Багрицком торжеством смерти. Лучше – стихами о Тиле Уленшпигеле:

*Прохожий! Если дороги тебе
Природа, ветер, песни и свобода, –
Скажи ему: «Спокойно спи,
товарищ,
Довольно пел ты, выпатся
пора!»* ❀

ИГРУШКА – ЗЕРКАЛО ЖИЗНИ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

БОЛВАШКИ, ГОРБУШКИ, СКЕЛЕТКИ И ХОДУЛЬКИ, А ЕЩЕ «МОСЬКИ С ПИСКОМ», КИТАЙСКАЯ МЕЛОЧЬ И ЩЕЛКУШКИ НАСЕЛЯЮТ ЭТОТ НЕОБЫЧНЫЙ МУЗЕЙ. СТО ЛЕТ НАЗАД У НИХ НЕ БЫЛО ОБЩЕГО ДОМА. ОНИ ЖИЛИ В ОБЫЧНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ИЗБАХ И ВЕЛИКОЛЕПНЫХ КАМЕННЫХ ДВОРЦАХ, В КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ И ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ДВОРЕ, ПОКА В 1918 ГОДУ ХУДОЖНИК НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ БАРТРАМ НЕ ОБЪЕДИНИЛ ЗАГАДОЧНЫХ ЖИЛЬЦОВ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ В ОСОБНЯКЕ ЛОСЕВЫХ НА СМОЛЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ. С ЭТОГО МОМЕНТА НАЧАЛАСЬ ИСТОРИЯ ПЕРВОГО И ЕДИНСТВЕННОГО В НАШЕЙ СТРАНЕ МУЗЕЯ ИГРУШКИ. СЕГОДНЯ ОН НАЗЫВАЕТСЯ «ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИГРУШКИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НАРОДНЫХ ИСКУССТВ».

ЧЕРЕЗ СЕМЬ ЛЕТ разросшееся музейное собрание переехало в роскошное здание – бывшую усадьбу Хрущевых-Селезневых на Пречистенке, 12 (ныне Государственный музей А.С. Пушкина). По воспоминаниям современников, это был второй по посещаемости музей в Москве: очереди сюда стояли почти как в Третьяковскую галерею. Основными посетителями удивительной экспозиции были, конечно же, дети. Они как бы отвечали на призыв первой музейной афиши: «Дети, идите в свой музей».

ДЯДЯ МУЗЕЙ

Идея создания музея именно для детей, в котором главная роль отведена предметам детской забавы – игрушкам, принадлежала талантливому художнику, энтузиасту народного творчества, собирателю и педагогу Николаю Дмитриевичу Бартраму. Его биография – яркое подтверждение расхожего утверждения, что «все мы родом из детства». Юный Николаша не раз наблюдал чудо рождения новой игрушки в кабинете своего отца. Художник-акварелист Дмитрий Эрнестович Бартрам, работавший одно время у

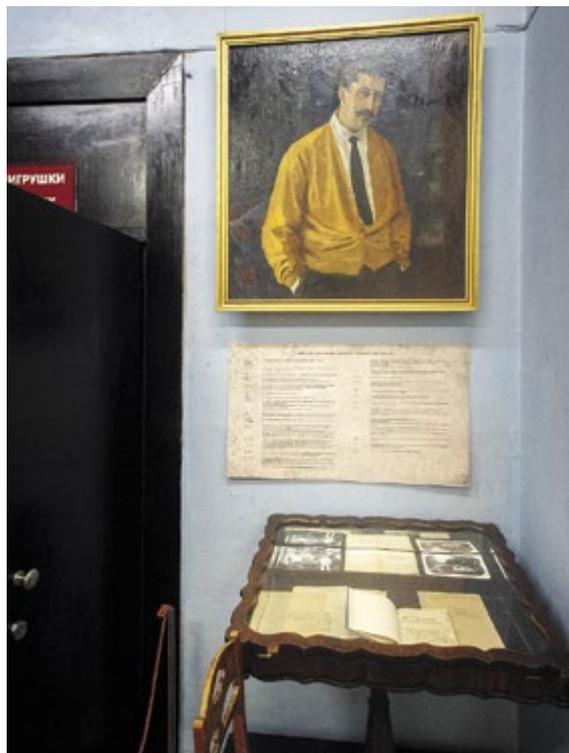
архитектора Владимира Шервуда на строительстве Исторического музея, напевая, выпиливал и расписывал деревянные игрушки, шкатулки, столики и приобщал к технике столярного мастерства и сына. От отца Николаю передалась страсть к дереву как к материалу для творчества. «Запах дерева, казалось ему, впитался в него, и любовь к нему его никогда не оставляла...» – писала позднее дочь Николая Дмитриевича, Анастасия Изергина. От матери, Анастасии Михайловны, Николай Бартрам унаследовал веселый и озорной характер, жизнерадостность и

любовь к шутке. В дальнейшем эти качества помогли ему легко находить общий язык с самыми важными посетителями музея – детьми. Они отвечали ему взаимной симпатией и, шутя, прозвали «Дядя Музей».

Николаю Дмитриевичу очень везло в жизни на знаковые встречи. Судьбоносным стало знакомство с известным историком Иваном Егоровичем Забелиным и его трудами. «У Забелина он понял и полюбил труд и искусство, вложенное в народные деревянные изделия, понял их мудрую простоту, декоративность в решении форм и традиционного выполнения», – вспоминала дочь художника. Николай увлекся изучением истории русской игрушки, занялся поисками и коллекционированием старинных экземпляров.

Освоив в совершенстве мастерство изготовления деревянной игрушки, он организовал Семеновскую учебную мастерскую в родовом имении в Курской губернии. Изделия, исполненные умельцами по эскизам Бартрама, успешно продавались как в России, так и за рубежом, получали высокие награды на выставках. Нередко Семеновскую мастерскую ставят в один ряд с известными художественными центрами – Абрамцевом и Талашкином.

Повезло Николаю Бартраму и с женами. В свое время каж-

дая из них – и Мария Анненкова, и Евдокия Лосева – стала не просто супругой, а соратницей в деле сохранения игрушечного промысла и создания музея. В небольшом особнячке с мезонином, принадлежавшем Евдокии Ивановне, в октябре 1918 года был основан Государственный музей игрушки: первый не только в Советской стране, но и в Европе. Однако первые посетители перешагнули порог музея только суровой зимой 1921 года.

Портрет Н.Д. Бартрама, написанный его женой Е.И. Лосевой. Конец 1920-х годов

Здание бывшего коммерческого училища, ныне Музей игрушки. Сергиев Посад

В ПОИСКАХ ИГРУШКИ

Появление Музея игрушки во время Гражданской войны и разрухи явно было не самым очевидным решением. Тем не менее Николай Дмитриевич считал, что «надо торопиться собрать старые и народные игрушки, пока еще не все уничтожено и не все разошлось в виде сувениров и не затерялось в мусоре городов. Надо спешить это сделать для наших же детей».

Начало коллекции было положено ранее самим Бартрамом. На протяжении многих лет он собирал народные игрушки разных промыслов России, привозил из поездок по Германии, Франции, Швейцарии зарубежные образцы. В 1918–1919 годах часть вещей стала поступать из национализированных магазинов игрушек Москвы, дворянских особнячков, от известных коллекционеров старины. Игрушки скупали на распродажах антикварага, на базарах у кустарей, ездили на промыслы. Задача по сбору экспонатов в военное время была нелегкой, но благодаря энтузиазму и подвижнической деятельности Николая Дмитриевича и его соратников многое было сохранено. Уже после открытия музея, в период с 1925 по 1932 год, стали поступать игрушки из бывших царских резиденций: Аничкова дворца в Санкт-Петербурге, Большого Ливадийского дворца

Купчиха. Костюм по рисунку Н.Д. Бартрама. 1911–1913 годы

Куклы-панки.
Архангельская губерния.
Начало XX века

в Крыму, Гатчины, а более всего – из Александровского дворца в Царском Селе, бывшего основной резиденцией последнего императора России. «Игрушки буквально ломались в дверь музея», – вспоминала Анастасия Изергина. В итоге была собрана уникальная коллекция из народных и исторических игрушек, кукольного театра, книг, азбук, настольно-печатных игр, детского портрета XVIII–XIX веков, авторских игрушек художников 1900–1920-х годов.

Новаторским оказался подход к организации музея, предложенный Бартрамом. Это был настоящий дом творчества для детей, в котором могли попробовать изготовить игрушку-самоделку или поучаствовать в представлении кукольного театра. Игрушки можно было трогать, изучать и даже играть ими. Николай Бартрам считал, что «игрушка – это радость ребенка, не умеющего еще читать, она развивает его творчество, наблюдательность», а по мере взросления становится источником знаний об окружающем мире, точнее, «зеркалом жизни человеческой».

В 1931 году, несмотря на значительные успехи, Музей игрушки был закрыт и переведен в

Загорск (ныне Сергиев Посад), но Николай Дмитриевич Бартрам этого уже не застал... Вопреки распространенной версии, музей не сразу поселился в старинном особняке бывшего коммерческого училища. После пятидесяти лет скитаний по разным адресам Загорска лишь к 80-м годам XX века Музей игрушки получил постоянную прописку в краснокирпичном здании над Келарским прудом.

Глиняные игрушки.
Из раскопок древнего Радонежа.
Конец XIV – начало XV века

Кукла-самоделка.
Архангельская губерния.
Начало XX века

СОЗДАННАЯ НАРОДОМ

Выбор места совсем не случаен. Сергиев Посад – издавна признанный центр игрушечного дела в стране, своеобразная «игрушечная столица». В народной памяти появление деревянных игрушек связано с Троице-Сергиевой лаврой, где, согласно легенде, первую игрушку изготовил основатель монастыря Сергей Радонежский. Образ монастыря представлен в музее в виде игрушки-конструктора «Свято-Троицкая лавра», созданной во второй половине XIX века.

Коллекция русской народной игрушки в музее – одна из наиболее значительных в стране. Народная игрушка – это душа народа. Она дает представление о его сути, отражает особенности быта и обычаев. Первоначально служила не только для забавы ребенка, но и охраняла от злых духов и несчастий. Самые ранние экспонаты относятся к XII–XIV векам. Это глиняные игрушки-свистульки в виде фигурок животных из археологических раскопок в Коломне, Твери, Радонеже. Гончарили мужчины, а лепили игрушку чаще всего женщины и дети. Самое большое собрание в музее дымковской игрушки – зна-

Лесовики.
Вологодская
губерния.
Начало XX века

Лесовики
начало XX в.
Вологодская губерния,

Сельский Ангел
2010 г., г. Калуга,
Ремесленная слобода
дерево, нити, лыко, ткань
Rural Angel
2010, Kaluga
wood, threads, bast, cloth

менитой «дымки», в которой реальность тесно переплетается со сказкой. Бытовые сценки «Прогулка», «Цыганка с детьми», «Всадник» соседствуют с фантастическими двух- и трехголовыми конями (см.: «Русский мир.ру» №10 за 2018 год, статья «Барыня». – Прим. ред.).

Особое место в экспозиции занимают деревянные игрушки разных областей страны. Удивительно похожие на древних идолов куклы-панки из Архангельской губернии. Их название от слова «панг» – корень, не только дерева, но и корень рода. Или кони-каталки. Это тоже от-

Конь.
Выборгская
губерния.
Начало XX века

Погремушки-
шаркунки
из бересты.
Архангельск.
1980 год

Игрушка-конструктор «Свято-Троицкая лавра». Сергиев Посад. Вторая половина XIX века

Дама. Гусар. Китайская мелочь. Сергиев Посад. XIX век

ражение древнейшего сюжета, связанного с солнечным божеством. А погремушки-шаркунки для самых маленьких в семье создавали из лыка или бересты, закладывая внутрь сухой горох или шарики обожженной глины, которые издавали шаркающие звуки.

Внимание детей в музее привлекают необычные «лесовики», или «моховики», – то ли люди, то

ли лесные духи, сделанные из мха и шишек. Игрушки очень часто делали из подручных материалов. Взяв полено и повязав на него платок-ширинку, получали примитивную куклу, которая в то же время открывала простор для фантазии ребенка.

Набор «Народы России» мастерской «Детское воспитание». Москва. 1880 год

Матрешки
«Кутузов»
и «Наполеон».
Сергиев Посад.
1912 год

Матрешка Наполеон.
Матрешка Кутузов
1912г. Сергиевский Посад
дерево, лощение, роспись
Matryoshka Napoleon.
Matryoshka Kutuzov
1912, Sergievsky Posad

В музее находится уникальная коллекция гороховецкой игрушки – исчезнувшего игрушечного промысла Владимирской губернии. Куклы-горбушки «Барыни», с тонкими талиями, маленькой головкой в высоком кокошнике, создавались из половинки бревна, сохраняя плоскую лицевую часть и округлую спинку. А расписная гороховецкая упряжка «Тройка с каретой» – редкая удача для любого музея.

Сергиевская резная игрушка отразила многие стороны русской жизни: от политических событий до особенностей быта различных слоев населения. Томные барыни, одетые по последней моде, бравые гусары, разносчики мелкого товара, ведучки-кормилицы, названные так, потому что ведут за ручки детей, получили широкое распространение и завоевали народную любовь. Ассортимент сергиевских игрушек был необычайно

разнообразен по видам игрушек, темам, а также материалу, из которого их создавали. Здесь и миниатюрные резные фигурки, прозванные «китайская мелочь», и игрушки с движением – ходульки, и игрушки со звуком на пищике – «моськи с писком», и скелетки – подвижные куклы для одевания.

Сергиев Посад считается родиной матрешки. Их в коллек-

Игрушка на разводе «Гимназистки с классной дамой» по рисунку Н.Д. Бартрама. 1910–1913 годы

ции музея великое множество: от самой первой, малютинской, со штампом мастерской «Детское воспитание» до поздних советских из Полховского Майдана. «Кутузов» и «Наполеон» – к столетию Отечественной войны 1812 года, «Старообрядка», «Ревизор» – к юбилею Николая Гоголя в 1909 году, «Свадьба», «Древнерусские витязи» и «Бояре» – самые разные сюжеты отражены в знаменитом национальном сувенире.

В коллекции музея немало изделий, созданных как самим Николаем Дмитриевичем Бартрамом, так и тех, что были сделаны по его эскизам или под его руководством. Он считал, что необходимо «как можно больше изучать русскую народную игрушку, ее историю, традиции, воспитательное значение», чтобы впоследствии «придать новым игрушкам осмысленность и красоту».

ЦАРСКИЕ ЗАБАВЫ

В залах, посвященных игрушкам царской семьи, есть по-настоящему уникальные предметы. Большинство из них сохранилось в фондах Музея игрушки лишь благодаря энергии и энтузиазму Николая Бартрама, старавшегося уберечь редкие царские вещи от отправки в советские детские дома, где их ожидала недолгая жизнь.

Особого внимания заслуживают игрушки, созданные адресно для наследников престола. К ним относится самый ранний экспонат в коллекции – конь-качалка, заказанный Екатериной Великой в середине XVIII века для своего сына, будущего императора Павла I. Такая игрушка была данью устоявшейся в императорских семьях традиции – дарить мальчику искусно сделанного и богато украшенного деревянного коня к концу первого года жизни. На изысканном потнике из красного сукна можно рассмо-

Комната
кукольная
из Александров-
ского дворца.
Германия.
XIX век

Коляска детская
в виде лебедя
из Детского Села.
Конец XIX века

треть сохранившиеся вензеля императрицы.

По спецзаказу для царевича Алексея выполнен и макет любимого судна императора Николая II – яхты «Штандарт». Однако заказные игрушки были скорее исключением, чем правилом. Большинство игр в скромной в быту царской семье покупалось так же, как и в обычных дворянских семьях.

Основные экспонаты, представленные в этом разделе музея, принадлежали семье послед-

них Романовых. Значительную часть составляют обучающие и развивающие игры. Здесь и распиленные географические карты – пазлы, говоря современным языком. И историческое лото с портретами государей земли Русской. С помощью музыкальных кубиков можно было изучить нотную грамоту и сложить предложенную мелодию, а затем сыграть на знакомом инструменте. Эти игры показывают, как мудро подходили в царской семье к воспитанию детей, понимая, как и Николай Бартрам, что «период игр и игрушек – это подготовительный класс к жизни».

Загадочным экспонатом стала подаренная царевичу Алексею пасхальная игра «Христос Воскресе». Указаний, как в нее играть, к сожалению, не сохранилось. Это – единственный из известных на сегодня экземпляров.

Бессменную вахту более ста лет несут отлитые из чугуна солда-

Солдатики в бархатном футляре.
Начало XX века

В витринах музея живут фарфоровые красавицы с длинными локонами и закрывающимися глазами, одетые в кружево, батист и шелк. Такими куклами, как правило, не играли каждый день, а доставали по особым случаям. К ним прилагалось богатое приданое с роскошными нарядами, шляпками, аксессуарами. В музее хранятся две шкатулки кукольного приданого с вышитой монограммой «О.Н.», принадлежавшие великой княжне Ольге Николаевне.

Любимым развлечением детей и взрослых, и не только в царской семье, был настольный детский театр. В сохранившемся экземпляре воспроизводился спектакль «Жизнь за царя» – о подвиге Ивана Сусанина. Такие театры, состоявшие из сцены, кулис и фигурок героев, обрели популярность в Европе и России с начала XIX века.

Музыкальные игрушки-автоматы неизменно собирали вокруг себя юных восторженных зрителей. Например, «Негритянка-арфистка», сделанная в Париже в конце XIX века, играла на арфе три мелодии: «Марш Людовика XI», польку «С бокалом в руке» и «Дочь тамбурмажора» (тамбурмажор – старший барабанщик в полку, позднее – руководитель музыкантского хора. – Прим. авт.). Музыкальный автомат «Девочка, играющая на пианино» – настоящая жемчужина коллекции. К сожалению, уже много лет не звучат в музее их мелодии и голоса.

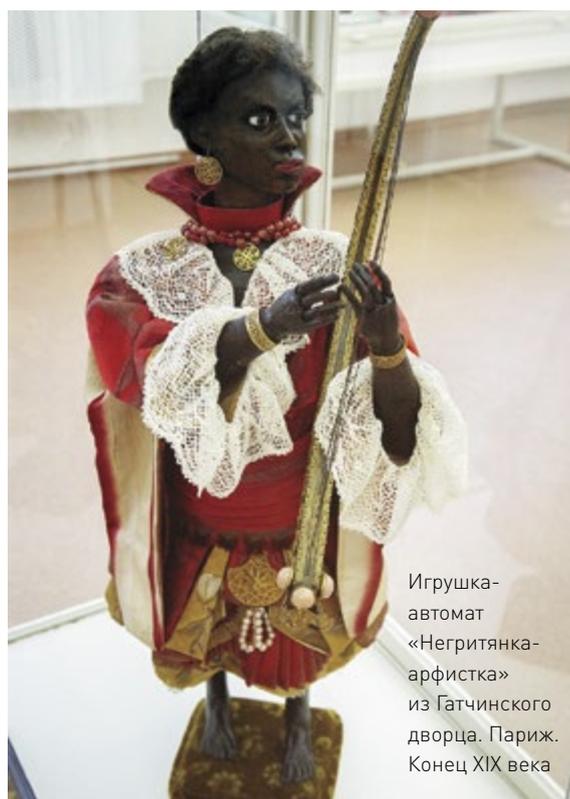
тики в бархатном футляре в форме яйца – еще один пасхальный сувенир. Рассматривая миниатюрные сборно-разборные модели оружия, например знаменитой русской трехлинейной винтовки Мосина, невольно веришь в историю про умельца Левшу. Военная и спортивная темы в играх для мальчиков, конечно, не случайны. Все князья – это будущие офицеры, которые с раннего детства, играя, постигали тайны военного искусства – стратегию и тактику.

А юные княжны, играя, осваивали светский этикет, правила домоводства и навыки рукоделия. В кукольных чаепитиях участвовали искусно выполненная игрушечная мебель и тончайшие фарфоровые сервизы с миниатюрной едой, созданные в том числе на Императорском фарфоровом заводе. Гарнитур детской мебели 30-х годов XIX века украшал гостиную в половине великих княжон. В семье Романовых не только корона, но и игрушки передавались по наследству.

С помощью кукол, одетых в национальные костюмы народов Российской империи, княжны знакомились с бытом, одеждой и традициями населения страны. Нарядные кукольные костю-

мы для осетинки, армянки, татарки, украинки и русской создавали российские мастерицы-одевальщицы с соблюдением всех этнографических особенностей. Правда, представить золотое шитье на переднике русской крестьянки в реальной жизни вряд ли было возможным.

Детский театр «Жизнь за царя» из Александровского дворца. Россия

Игрушка-автомат «Негритянка-арфистка» из Гатчинского дворца. Париж. Конец XIX века

ИСТОРИЯ СТРАНЫ В ИГРУШКЕ

Экспозиция советского периода охватывает почти весь XX век и наглядно отражает усиление воспитательной роли игрушки в формировании «нового, советского человека». Правда, на первых порах не обошлось без перегибов. Наряду с запретом рождественских елок, а значит, и елочных игрушек предпринимались попытки запретить и кукол, как пережиток буржуазно-мещанской системы воспитания девочек.

Игрушки первых десятилетий советской власти несут отпечаток огромных трудностей, переживаемых молодой страной. Чаще всего их изготавливают из остатков сырья: бумаги, фанеры, ваты, ткани, кусочков жести. Но, несмотря на скудность материалов, талантливые мастера создают удивительные образы. Оригинальный набор кукол «Посетители музея» на проволочном каркасе с трикотажными расписными головками – это череда ярких, запоминающихся персонажей 1920-х годов: мальчика-беспризорника, профессионального художника в желтой сатиновой блузе с зеленым бантом, воспитательницы с детьми, отряда пионеров. Возможно, именно так выглядели первые посетители музея.

В 1920–1930-е годы создание игрушек постепенно перешло из рук одиночных умельцев-кустарей к артелям, создаваемым на местах бывших народных промыслов, а затем и к промышленному производству. Со сменой государственного строя появились новые игрушечные образы: пионеры, комсомольцы, рабочие, колхозники. Новым становится появление коллективных игр для детских садов и школ, помогающих общению детей.

Запрещавшиеся поначалу куклы, например в национальных костюмах, стали предметом экспорта и приносили реальный доход молодому государству. В музее можно увидеть вариант 1950-х годов под названием «Дружба народов», в изготовлении которых принимали участие дочери Николая Бартрама – Мария Бар-

Советские
игрушки
1940-х годов

трам и Анастасия Изергина, продолжившие дело отца. Эти куклы вызывают добрые чувства у детей и взрослых, они привлекают выразительностью черт и индивидуальностью костюма.

Молодежное движение тоже нашло свое отражение в игрушке. Наборы «Пионеры», «Юные разведчики природы», «Юные туристы» призывали к общественно-полезным делам, после которых так приятно отправиться в поход с песнями у костра.

Космические, спортивные и другие достижения страны воплощались в игрушках на тему «Космос», «Советский спорт», «Советский цирк».

Особая гордость советской промышленности – механические игрушки: от музыкального волч-

ка или Курочки Рябы, собирающей зернышки, до повторяющих реальные машины миниатюрных автобусов, грузовиков и даже железной дороги. Предмет мечтаний советских мальчишек и девчонок, а сегодня – частый объект коллекционирования, они восхищают своей неповторимостью. К тому же эти игрушки, как «зеркало жизни», показывают историю страны, которой уже нет.

Порой игрушки не только отражали жизнь, но и становились ее главными героями. У нового экспоната музея – плюшевой собачки по имени Тузик – трогательная судьба. В 1930-е годы он был подарен любящим отцом маленькой девочке, вместе с ней Тузик пережил бомбежки Сталинграда

Электрическая
железная дорога.
Москва. 1953 год

в Великую Отечественную войну. Затем охранял покой повзрослевшей хозяйки в мирное время. В 2006 году его подарила музею дочь той самой девочки.

Обращая внимание на этот экспонат, посетители чаще всего задают один и тот же вопрос: «Это тот самый, который улетел?» На что экскурсоводы терпеливо отвечают: «Нет, это не он». Олимпийский мишка, созданный в Загорске и трудившийся в прес-центре Олимпиады-80, приветливо смотрит на гостей музея.

Интересное совпадение: самый ранний экспонат из царских игрушек и последний экспонат советского периода – детская лошадка. Игрушечных коней самых разных размеров и видов создавали в Сергиевом Посаде еще с XIX века, а может, и ранее. В советское время конек, помещенный на герб Загорска (Сергиева Посада), был данью старым художественным традициям этих мест. Последний конек, шаг-

нувший за ворота фабрики в конце 80-х годов XX века, находится в экспозиции.

Столетний юбилей музея прошел тихо и почти незаметно, хотя внимание и забота в столь

Юные посетители Музея игрушки. 2018 год

почтенном возрасте были бы совсем не лишними. Лозунг советского времени «Все лучшее – детям», видимо, канул в небытие. Однако не лучшая физическая форма музея, с приглушенным светом, скрипучими полами и негромкими разговорами, создает неповторимую атмосферу тепла и уюта старого родительского дома, куда хочется приехать, чтобы вернуться в детство...

Благодаря «прелестному фанатику идеи», как называл Николай Бартрама историк искусства Александр Бенуа, мы сегодня можем любоваться игрушками, в которые играли наши прабабушки и прадедушки. Как и во времена Дяди Музея здесь много детей. Они увлеченно рассматривают витрины, слушают экскурсовода, играют в игротекке с копиями старинных игрушек. Как и сто лет назад история русской игрушки будит воображение и вызывает неподдельный интерес. 🍀

Олимпийский мишка. Загорск, ВНИИИ. 1980 год

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЧАС ИХ БЕССМЕРТИЯ ПРОБИЛ...

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

ГДЕ НА РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ БЫЛ ОТКРЫТ ПЕРВЫЙ И ПОКА ЕДИНСТВЕННЫЙ В СТРАНЕ ДОМ ПОЭЗИИ, В КОТОРОМ ДВАЖДЫ В ГОД СОБИРАЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ, ЧТОБЫ ДЕКЛАМИРОВАТЬ СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ? КОНЕЧНО, ЭТО – ТВЕРЬ. РОДИНА НАШЕГО ЗНАМЕНИТОГО СОВРЕМЕННОКА И ПОЭТА АНДРЕЯ ДЕМЕНТЬЕВА.

У ВЫ, ЕГО УЖЕ НЕТ С нами, в июне прошлого года легендарный редактор журнала «Юность» скончался. Но созданный его стараниями в Твери Дом поэзии жив и по-прежнему собирает почитателей поэзии. ...Я шла по Твери, тогда еще по улице Володарского, и почему-то никак не могла найти Дом

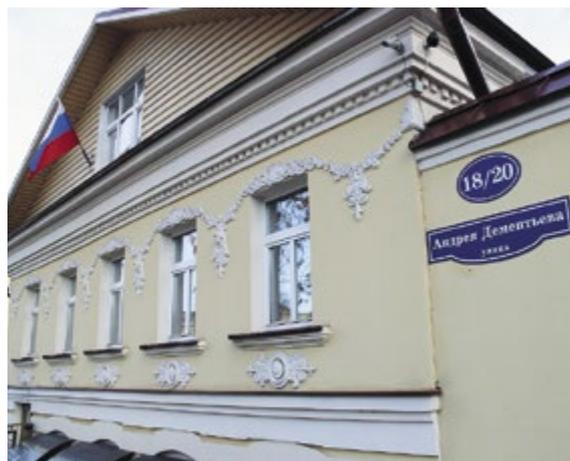
поэзии Андрея Дементьева. Пять из шести прохожих, к которым я обратилась за помощью, о таком ничего не слышали. Хотя я даже описала памятник, стоящий у дома: огромная бронзовая полка с книгами. Вместо этого меня упорно направляли в Музей козла, действительно расположенный неподалеку...

Первая табличка с именем Андрея Дементьева появилась в Твери на здании Дома поэзии

В ноябре прошлого года улица Володарского была переименована в улицу Андрея Дементьева, уроженца Твери, которым здесь очень гордятся. И первая табличка с новым названием улицы появилась именно на ДOME поэзии. Небольшое старинное двухэтажное здание, построенное в XVIII веке, находится в историческом центре Твери. Дом поэзии был открыт в июле 2013 года. Андрей Дементьев мечтал, чтобы в его родном городе люди любили стихи, могли их послушать в камерной обстановке, познакомиться с творчеством начинающих поэтов или маститых авторов. Чтобы здесь проводились творческие встречи, поэтические вечера, выставки и конкурсы молодых поэтов. И за пять лет Андрею Дмитриевичу удалось все это воплотить в жизнь.

Тогда на открытие первого в России Дома поэзии в Тверь съехало целое созвездие знаменитостей из столицы и зарубежья.

Вскоре после открытия Дома поэзии, которому по решению правительства Тверской области было присвоено имя Андрея Дементьева, ставшего главным художественным руководителем нового очага культуры, здесь закипела литературная жизнь. По средам начинающих поэтов консультировали заслуженные мастера пера, в другие дни недели здесь проходили уроки поэзии для школьников и студентов, литературоведы знакомили молодежь с творчеством великих русских поэтов и открывали новые имена.

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Методист
Светлана
Писаренко
знакомит гостей
со стендами
и экспонатами
Дома поэзии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ЗЕЛЕННОГО ЛИСТКА»

И потянулись к заветному дому десятки юных дарований со своими первыми виршами. Что-то надо было со всем этим творческим напором делать. В июле 2014 года, когда Дом поэзии отметил свою первую годовщину, его художественный руководитель сообщил об учреждении Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зеленый листок». К участию в нем организаторы пригласили всех владеющих русским языком молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет. В первый год в конкурсе принимали участие поэты-любители в основном из Верхневолжья, победители получили памятный приз в виде зеленого листка на постаменте и право первой публикации в специальном поэтическом альманахе. Через два года свои стихи в Тверь присылали конкурсанты уже со всей России – было получено около 700 работ из 70 областей. Работы участников оценивали известные поэты, публицисты, литературоведы и критики... Не меньше участников и в нынешнем, третьем Всероссийском конкурсе, итоги которого по традиции будут оглашены 21 марта – во Всемирный день поэзии. По предложению фонда «Русский мир» конкурс «Зеленый листок» переходит на международный уровень, к участию в нем отныне будут приглашаться соотечественники, живущие за рубежом и пишущие на русском языке. В Доме поэзии есть читальный и лекционный залы, литератур-

ное кафе, библиотека, выставочные стенды. Здесь много книг, фотографий, картин. Посетителей встречает экскурсовод-методист Светлана Писаренко, она приглашает в уютный зал на первом этаже, где перед большим экраном расставлены стулья. На стендах выложены поэтические сборники Дементьева за разные годы, здесь же – подборка «Юности», подшивки газет, афиши. В этом зале обычно проводятся творческие вечера и поэтические чтения, здесь год назад Андрей Дементьев, лично вручал «Зеленые листки» победителям конкурса, что само по себе было для начинающих поэтов высшей наградой... Внимание привлекает стенд для гостей, весь расписанный автографами многих знаменитостей. Здесь и Евгений Евтушенко с его бессмертными словами «Поэт в России больше, чем поэт»; и десять сердечек от Зураба Церетели, как бы в подтверждение того, что его сердце навеки отдано поэзии;

Конкурс
молодых поэтов
«Зеленый
листок»
когда-то
проводился
журналом
«Юность».
Андрей
Дементьев
«перевез» его
в Тверь

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Счастья этому дому» – от Иосифа Кобзона; забавный автограф от актера и писателя Владимира Качана, давнего друга Андрея Дмитриевича. У стенда на скамье установлена бронзовая плита, на которой высечены стихи. Их наверняка знают наизусть многие земляки Андрея Дементьева:
*Когда я возвращаюсь в Тверь,
Где столько пережил и прожил,
Мне кажется – я открываю дверь,
Чтоб оказаться снова в прошлом.*

*Пройду по улице родной,
Где отчий дом давно разрушен.
И Волга чистою волной
Омоет память мне и душу.*

Плита – дар скульптора Зураба Церетели. Это не единственное и не самое большое творение знаменитого художника, украсившего тверской Дом поэзии. Но об этом чуть позже. А пока вместе со Светланой мы поднимаемся на второй этаж – в кабинет художественно-руководителя Дома поэзии. На стенах вдоль лестницы висят портреты его друзей-поэтов – Беллы Ахмадулиной, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Владимира Высоцкого... На каждом – четыре стихотворные строчки, написанные великими поэтами в разные годы. Для портрета Андрея Дементьева, также украсившего стены Дома поэзии, выбрали эти:

*Россия – страна талантов.
Души золотой запас.
И в мире, враждой объят,
Таланты спасают нас.*

– Сейчас мы с вами заходим в кабинет Андрея Дмитриевича, здесь он принимал гостей, разбирал письма, которые приходили из разных уголков России, – рассказывает экскурсовод, работавшая все эти годы вместе с поэтом. – Приезжая в Тверь, он обычно останавливался где-нибудь неподалеку, чтобы приходиться сюда пешком. В соседнем помещении проходили все рабочие совещания, здесь утверждали планы на будущее, обсуждали проведение тематических выставок. Дом поэзии был открыт и для художников, у нас выставляли свои работы Илья Глазунов, Никас Сафронов и наши тверские авторы.

**ВСТРЕЧАЕМСЯ В ТВЕРИ
НА ПАРНАСЕ!**

Светлана демонстрирует нам гашеный юбилейный конверт, на котором Андрей Дементьев оставил свой автограф. Это подарок «Почты России» к его 88-летию. На столе, рядом с фотографией поэта, лежит «Книга отзывов посетителей». Благодарности, слова признательности, восторженные отзывы. За пять лет своего существования Дом поэзии в Твери стал местом притяжения десятков тысяч людей – ценителей русской литературы. Не говоря уже о самих поэтах, для них этот скромный особняк – почти наш русский Парнас. Что здесь творится 20 июля, в день рождения Дома поэзии, или 21 марта – Всемирный день поэзии, непосвященному человеку даже представить трудно! Во дворе у памятника поэтам-шестидесятникам собирается до тысячи человек. Приходится перекрывать улицу и ограничивать движение. В один из таких праздников люди вместе с Андреем Дементьевым скандировали его стихи, покоровшие миллионы сердец:

*Никогда ни о чем
не жалеете вдогонку,
Если то, что случилось,
нельзя изменить.
Как записку из прошлого,
грусть свою скамкаяв,
С этим прошлым порвите
непрочную нить.*

Как рассказывает Светлана, эта акция была незапланированной. Уже все официальные мероприятия закончились, а люди не расходились. Они по очереди подходили к микрофону и декламировали стихи Есенина, Евтушенко, Ахматовой, Высоцкого, Дементьева... Андрей Дмитриевич был так этим обрадован и растроган, что тут же присоединился к ним – к всеобщему восторгу публики! Это было именно то, о чем он давно мечтал: чтобы в Дом поэзии приходили молодые люди с горящими глазами. Кстати, на встречах с читателями он всегда просил зажечь в зале свет, ему было важно видеть глаза своих слушателей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

2016 год.
Два друга,
два легендарных
поэта – Евгений
Евтушенко
и Андрей
Дементьев
на открытии
памятника
шестидесятникам
в Твери

Первая
женщина-
космонавт
Валентина
Терешкова
и скульптор
Зураб Церетели
на празднике
в Доме поэзии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

**ЧИТАТЬ, ЗНАТЬ И БЫТЬ
ЛЮБОПЫТНЫМ!**

На одной из творческих встреч в Риге несколько лет назад кто-то из школьников спросил Андрея Дементьева, как стать знаменитым поэтом. «Когда меня просят дать совет для начинающих поэтов, я всегда говорю: прежде всего надо очень хорошо знать литературу – и классическую, и современную, – ответил он. – По возможности лучше читать в оригинале. Я в свое время выучил французский язык только для того, чтобы читать в подлиннике Шатобриана и Бодлера, поскольку во французской поэзии нет рифмы в нашем понимании, там все строится на интонации. Поэту, писателю нужно очень много знать, тогда с ним будет интересно. Таков мой совет: много читать, много знать и быть любопытным к этой жизни. Удивляться надо, жить так, как будто ты только на свет появился. Я вот давно родился, много видел,

а мне все интересно! И по-другому не должно быть, иначе ты ничего не добьешься».

В тот свой приезд в Ригу Андрей Дмитриевич помимо всего прочего участвовал в конференции соотечественников, которая проходила в Доме Москвы. В первом ряду торжественно сидели ветераны войны – с медалями, в орденах, седые. Гость из Москвы смотрел на них с большим почтением, ведь мальчишкой он тоже пережил войну, терял родных и близких. Когда на сцену вышла, опираясь на палочку, скромно одетая пожилая женщина в орденах и начала говорить, Андрей Дементьев изменился в лице. «Мы – солдаты, – сказала участница войны, – мы не ходим с протянутой рукой. Но некоторые из нас иногда ходят по мусорникам. А недавно один наш товарищ умер от голода...». Как рассказывал потом Андрей Дмитриевич, у него от этих горьких слов дыхание перехватило. Он был так потрясен, что ночью не мог заснуть. Тогда и пришли такие строчки:

*Я повстречал их в Риге спозаранок.
С медалями на старых пиджаках.
И по наградам понял – ветераны...
Они копались в мусорных бачках.*

*Страдая от позора и несчастий,
Они с бедой своей наедине.
Навек чужие для латвийской власти,
Забывтые в российской стороне.*

ПОЭТ И СКУЛЬПТОР

У Дома поэзии стоит любопытный памятник, который родился благодаря стихам Андрея Дементьева и работе Зураба Церетели. Сначала появились стихи, посвященные любимым друзьям Андрея Дементьева – поэтам. Булат Окуджава, с которым жили в одном доме, сокурсник по Литературному институту Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, которого он называл братом, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина.

*Пять легендарных имен.
Пять гениальных поэтов...
Вышли они из времен
Пушкина, Тютчева, Фета.
И породнившись судьбой
С их поэтической силой,
Стали самими собой,
Как и задумано было.*

*Книги их рядом стоят –
Белла с Андреем и Роберт,
Женя и грустный Булат...
Час их бессмертия пробил.*

Андрей Дмитриевич давно мечтал поставить памятник тому времени и тому поколению 60-х, к которому относился и он сам. Их поэзия будоражила умы и души, она была глотком свежего воздуха, прорывом к свободе, откровенности, искренности. Поэты были символом такой долгожданной «оттепели»... Дементьев поделился своим замыслом о памятнике с Зурабом Церетели. И вот, спустя время, скульптор показал ему эскиз будущего памятника. Их общего творения. Большая, отлитая из бронзы книжная полка, на которой стоят поэтические сборники с именами легендарных поэтов.

Правда, в версии Церетели имен стало семь. Это было условие скульптора: он сделает памятник, но только если на книжной полке будут увековечены еще два его любимых поэта – Владимир Высоцкий и Андрей Дементьев. Друзья немного поспорили, но в итоге скульптор уговорил поэта. Поначалу Церетели задумал сделать все в темных тонах – и полку, и стоящие на ней книги. Но это решительно не понравилось Андрею Дмитриевичу, он долго

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и горячо убеждал Церетели, настаивая на ярких и жизнеутверждающих цветах корешков «книг». И скульптор уступил. И даже придумал специальную объемную эмаль, которая должна выдерживать любые испытания непогодой и временем.

ДЕСАНТНИКИ ИЗ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО

Летом 2016 года в Твери состоялось торжественное открытие памятника поэтам. Грандиозный бронзовый монумент высотой 3 метра – символическая книжная полка и семь книжных корешков с именами поэтов. Но, конечно, список шестидесятников этим не исчерпывался. Зураб Церетели

Семь легендарных имен, отлитых в бронзе...

В скверике на бронзовых сферах увековечены имена еще пяти русских поэтов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

предложил установить в скверике под окнами Дома поэзии шесть небольших постаментов – каждый в виде сферы. На них были увековечены имена еще пяти поэтов 1960-х: Юнны Мориц, Риммы Казаковой, Геннадия Шпаликова, Владимира Кострова и Владимира Соколова. Шестая сфера, в знак особой признательности, была отдана Белле Ахмадулиной. Таким образом, замечательную поэтессу отметили дважды: на книжной полке и на отдельном постаменте. В день открытия памятника у Дома поэзии выступил Иосиф Кобзон, исполнив несколько песен на стихи поэтов-шестидесятников. И вот на небольшую импровизированную сцену вышел человек-легенда – Евгений Евтушенко, которого публика встретила шквалом аплодисментов. Взволнованный Евгений Александрович, протянув руку в сторону бронзового монумента, прочел свои знаменитые стихи, посвященные Роберту Рождественскому: «Кто были мы, шестидесятники? На гребне вала пенного в двадцатом веке как десантники из двадцать первого...»

Мероприятие в тот день продолжилось в Тверском спортивном комплексе «Юбилейный», совсем как в далекие 1960-е, когда поэты на свои концерты собирали целые стадионы. Концерт шел пять часов. Трибуны были переполнены. Со сцены звучали стихи и песни на слова Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Андрея Дементьева. 84-летний Евгений Евтушенко не только принял активное участие в этом поэтическом марафоне как зритель и слушатель, но и сам почти сорок минут читал со сцены свои произведения.

Сегодня уже все семь поэтов, чьи имена украшают памятник – «Книжную полку», шагнули в бессмертие. Монумент поэтам в Твери, как и Дом поэзии, живет своей жизнью. По сложившейся традиции 21 марта здесь вновь соберутся любители поэзии, будут читать стихи и чествовать лучших из лучших. Прав был Андрей Дементьев: Россия – страна талантов.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

АВТОР

ЮЛИЯ
СЕМЕНОВА

ФОТО

СЕРГЕЯ МАРДАНИЯ
И ИЗ АРХИВА ТАМАРЫ НЕДОВОЙ

КОГДА К НЕМУ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ В ЦЕНТРЕ ГОРОДА ПОДОШЛИ ДВОЕ В ШТАТСКОМ, ОН СРАЗУ ПОНЯЛ, КТО ЭТО И ПОЧЕМУ ИЗ ВСЕЙ МНОГОГОЛОСОЙ И МНОГОЛИКОЙ ТОЛПЫ ВЫБРАЛИ ИМЕННО ЕГО. ПОШЕЛ С НИМИ, НЕ СОПРОТИВЛЯЯСЬ. СО СЛЕДСТВИЕМ СОТРУДНИЧАЛ. НО ЕГО ВСЕ РАВНО ПРИГОВОРИЛИ К РАССТРЕЛУ.

ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА НА том самом месте, где летом 1957 года люди в штатском задержали Леонида Недова, шла бойкая торговля сувенирами, картинками, национальной одеждой, бижутерией, значками, антикварными вещами – словом, всем, что привлекает иностранных туристов. Впрочем, местные тоже не обходят кишиневский «Арбат» стороной – здесь всегда можно найти что-нибудь интересное. Если не купить, то хоть посмотреть, погулять между рядами, поболтать с продавцами. Так однажды коллекционер и знаток антиквариата, галерист Михай Чокану разговорился с парнем, который продавал необычную бронзовую статуэтку. Она изображала эка в ушанке, телогрейке и валенках, с миской в руках. Называлась «Баланда». Юноша рассказал, что никогда не расстался бы с работой своего покойного деда, но оказался в стесненных обстоятельствах, а потому приходится выносить из дома на продажу все самое ценное. Едва Михай расплатился, парень как сквозь землю провалился. Больше Чокану его не видел. Зато года через два-три к нему в галерею пришла женщина и принесла еще одну «Баланду». Таковую же, как Михай купил несколько лет назад у безутешного «внука». Оказалось, что тогда,

позарившись на цветные металлы, неизвестные ограбили мастерскую скульптора Недова. Пропало несколько его работ, в том числе одна из двух авторских реплик «Баланды». Оригинал же, рассказала вдова художника Тамара Иосифовна, хранился у лауреата Нобелевской премии, писателя Александра Солженицына до самой его

Баланда.
Авторская копия

смерти. Это был подарок заключенного тираспольской ИК-2 Леонида Недова автору «Одного дня Ивана Денисовича». А история такая.

БАЛЛАДА О СОВЕТСКОМ ПАСПОРТЕ

У Леонида руки, как говорится, были золотые с детства. Умел делать все, но особенно любил рисовать. Родной Тирасполь, маму, отца... Рисовал мальчишкой еще до войны. Рисовал солдатом на фронте, рисовал, демобилизовавшись в 1945-м. Мечтал поступить в художественное училище, но в 1946 году в Молдавии начался голод, и вместо учебы Леонид отправился на заработки вглубь страны. Вкалывал на стройках. На хлеб хватало – и слава богу. А в 1947-м он все-таки поступил в Одесское художественное училище. И доучился бы там до выпускного курса, если бы не паспорт. Вернее, его отсутствие. В приемную комиссию Недов явился с временным документом, срок действия которого истек через несколько месяцев. О новом паспорте студент не позаботился, о прописке тоже, и, когда понял, как был не прав, было поздно. В общежитии оставаться было опасно: как-то раз туда уже приходил милиционер, справлялся о Леониде. «Ты что-то натворил?» – интересовались однокурсники. Еще бы! За нарушение паспортного режима строго наказывали, был убежден Недов. И на всякий случай перестал ходить в училище. Леонид попытался решить проблему самостоятельно. Изготовил штамп, тиснул во временном паспорте, только сразу увидел – не то. Попробовал стереть чернильный оттиск и дотер страницу до дыр. Вообще без документа остался. Тогда он пошел другим путем – начал изучать литературу по полиграфии, узнавать, как делается бумага, как изготовить клише. И сделал себе паспорт сам. На первый взгляд от настоящего не отличить. Но специалист сразу поймет – бумага-то не та!

ИСКАЛИ МАТЕРОГО ВОЛКА

И тут кто-то подал идею. Кто-то сказал, что были бы деньги, а паспорт можно купить. Но денег надо много. И Леонид придумал. Не зря же он сутками торчал в библиотеке, грызя гранит полиграфической науки! Не зря же руки у него золотые! Сто купюр по 50 рублей – это целое состояние в 1948 году! Только деньги нужно было превратить в настоящие.

Боязно было в первом магазине, где купил какую-то мелочь, получив с фальшивой купюры сдачу настоящими. Потом, поездив по окрестным городкам и селам, Леонид «легализовал» свой капитал и больше никогда к изготовлению фальшивых денег не возвращался. Учебу он забросил, отправился в родной Тирасполь, делал лепнину для оформления кинотеатров и жилых домов. Паспорта он, кстати, так и не купил. Получил его уже после смерти Сталина. И тогда снова поступил в художественное училище, только теперь в Кишиневе, благополучно его окончил, начал работать. Но, как писал с его слов публицист Михаил Хазин, «Недов как бы чувствовал, что за ним ведется наблюдение». В те годы в регионе ходило много фальшивых купюр. Но те, что

Леонид Недов и его работы

изготовил Недов, были высочайшего качества. Органы искали матерого преступника. Специалисты не верили, что такую аферу мог провернуть один человек.

...После ареста Недова следствие завершилось быстро. Изготовление фальшивых денег – расстрельная статья. Леонид месяц провел в одиночной камере, ожидая казни. И когда вдруг открылась дверь, не поверил тому, что услышал. Его помиловали. Заменили расстрел на 25 лет лишения свободы. И отправили по этапу в Архангельск. А через пару лет за хорошее поведение перевели ближе к дому, в тираспольскую ИТК-2, разрешили свидания с матерью.

Вывоз мертвых из лагеря

ТАЙНИК ПОД ИЛЬИЧЕМ

Урки, жулики, матерые убийцы... Среди этой публики человеку без «криминальной жилки» надо было выживать. И хоть обрили Леонида наголо и взгляд его стал колючим и недоверчивым, как у эка с опытом, хоть быстро усвоил он лагерный закон «не верь, не бойся, не проси» – он оставался нормальным человеком. Чтобы не сойти с ума, начал делать зарисовки с натуры. Так появились портреты сокамерников, рисунок «Вывоз мертвых из лагеря»... Что-то пропало во время обысков. А что-то сохранилось и было вынесено из лагеря одним из воспитателей, Каретниковым, с которым у Недова сложились, можно даже сказать, дружеские отношения. Оба воевали, участвовали в одной операции в Венгрии, только Леонид был в артиллерии, а будущий его надзиратель – в танковых частях. У них нашлись даже общие знакомые.

Художника Недова привлекли к оформительским работам и даже выделили отдельный сарайчик под «мастерскую», где ему никто не мешал работать. Здесь он вылепил два бюста Ленина (которые, кстати, потом укажет в резюме при вступлении в Союз художников). Один – для помещения, где проводила политинформации лагерная охрана. Другой, польый внутри, оставил в «мастерской». Начальство видело в этом результат воспитательной работы с контингентом. Недов – тайник. Под Лениным он хранил свои рисунки, отлитые из металла фигуры, металлические пластины с рисунками по эмали. Именно здесь хранилась первая «Баланда». Та самая, которая потом попала к Солженищину.

«ОДИН ДЕНЬ» И ВСЯ ЖИЗНЬ

Однажды мать рассказала ему на свидании о книге, где честно описывается лагерная жизнь. Называлась она «Один день Ивана Денисовича», а написал ее тогда мало кому известный Александр Солженищин. «Пришли, – попросил Леонид. – Хочу почитать». Однако полученную в посылке «Роман-газету» с крамольным про-

изведением начальник лагеря передавать заключенному Недову запретил. Но повесть к Леониду все равно попала.

Потом Солженицын напишет в «Архипелаге ГУЛАГ»: «В Тираспольской ИТК-2 заключенный скульптор Л. Недов в своей придурочной мастерской лепил фигуру заключенного, сперва из пластилина. Начальник режима капитан Солодянкин обнаружил: «Да ты заключенного делаешь? Кто дал тебе право? Это – контрреволюция!» Схватил фигурку за ноги, разодрал и на пол швырнул половинки: «Начитался каких-то Иванов Денисовичей!» (Но дальше не растоптал, и Недов половинки спрятал.) По жалобе Солодянкина Недов был вызван к начальнику лагеря Бакаеву, но за это время успел в КВЧ раздобыть несколько газет. «Мы тебя судить будем! Ты настраиваешь людей против советской власти!» – загремел Бакаев. (А понимаешь, чего стоит вид ээка!) «Разрешите сказать, гражданин начальник... Вот Никита Сергеевич говорит... Вот товарищ Ильичев...» – «Да он с нами как с равными разговаривает!» – ахнул Бакаев. – Лишь через полгода Недов отважился снова достать те половинки, склеил их, отлил в баббите и через вольного отправил фигуру за зону.

Начались по ИТК-2 поиски повести. Был общий генеральный шмон в жилой зоне. Не нашли. Как-то Недов решил им отомстить: с «Гранит не плавится» Тевекеляна устроился вечером, будто от комнаты загораясь (при стукачах ребят просил прикрыть), а чтоб в окно было видно. Быстро стукнули. Вбежали трое надзирателей (а четвертый извне через окно смотрел, кому он передаст). Овладели! Унесли в надзирательскую, спрятали в сейф. Надзиратель Чижик, руки в боки, с огромной связкой ключей: «Нашли книгу! Ну, теперь тебя посадят!» Но утром офицер посмотрел: «Эх, дураки!.. Верните».

Так читали ээки книгу, «одобренную партией и правительством!»..»

Леонид был потрясен прочитанным. Попросил мать узнать

Надзиратель Чижик. О нем упоминает Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ»

адрес автора и передать ему в подарок фигурку ээка – «Баланду». Уж как женщине удалось в отсутствие социальных сетей, «Гугла» и «Яндекса» найти нужный адрес – теперь не понять. Но нашла, отправила Солженицыну письмо и подарочек от сына. А вскоре пришел ответ.

«Уважаемый Леонид Иванович! Я глубоко тронут Вашим подарком и от души благодарю за него. Это не пустые слова любезности. Мне шлют теперь многое ненужное или не затрагивающее, но Ваша скульптура сделана от сердца и доходит до сердца.

Я развернул посылку только час назад и поэтому могу сообщить

Параша

Вам только свое первое (но, вероятно, верное) впечатление. Как фигура безымянного обобщенного ээка, она удалась отлично. В ней – и груз годов, и безысходность, и жесточенность, и воля к жизни. Очень хорош опорный кусочек лагерной земли, совсем не дающий ему простора, но и сшибить его отсюда не сшибешь, стоит он прочно и даже продвигается. Валенки, ватные брюки, бушлат – все очень верно. И задние разрезы на валенках, и заплатки на бушлате. Уши шапки у нас были поуже, сзади она не так надежно закрывала от ветра, как на скульптуре. Не было карманов на бушлате. Или это такая у Вас заплатка – на груди? Вызывает некоторое сомнение то, как он держит миску. Если бы там была драгоценная баланда – он бы ее так не держал. Значит, пуста? Но куда и зачем он ее тогда несет? Это получается не главный момент в его жизни.

Но Иван ли это Денисович Шухов? Боюсь, что все-таки нет. Вернее, всем бы он был Шухов, кроме лица. На лице же Вашего ээка – только суровость, огрубелость, жесточенность. Все это верно, все это создает обобщенный образ ээка, но... не Шухова. Однако сказанное нисколько не снижает моего мнения о ценности Вашей скульптуры. Я с удовольствием (слово не то... с сознанием подлинности и близости) поставлю ее в своей комнате, и она будет лишним раз напоминать о страдающих людях, о которых, впрочем, я никогда не забываю.

Еще раз спасибо. Я понимаю, что Вы рисковали, пожалуй, большим, чем изолятор. Посылаю Вам при этом своего «Ивана Денисовича».

Крепко жму руку! Желаю Вам освобождения по возможности раньше и здоровья! Остальное приложится. У Вас несомненный талант, я рад за Вас.

Солженицын

Рязань,

1-й Касимовский пер., 12, кв. 3

Будет желание – напишите о себе подробнее».

Недов не стал ему писать. О том, что Солженицын начал хлопотать о его освобождении, что обратился в Президиум Верховного Совета, заручившись поддержкой Твардовского, Чуковского и еще нескольких известных писателей, Леонид узнал только тогда, когда к нему неожиданно-негаданно явился маститый московский адвокат Петр Рабинович. «Я от Александра Исаевича», – объяснил он.

Через несколько месяцев Леонид Недов был освобожден. Шел 1965 год.

...Летом 2018 года публицист и журналист Михаил Хазин встретился с Рабиновичем в Нью-Йорке, где тот теперь живет. «Когда Леня вышел на свободу, мы с ним навестили Александра Исаевича в Рязани, – вспомнил адвокат. – Радостная получилась встреча двух недавних эзков. А с Недовым мы легко нашли общий язык, дружески сблизились. Мы ведь ровесники, оба – 24-го года рождения».

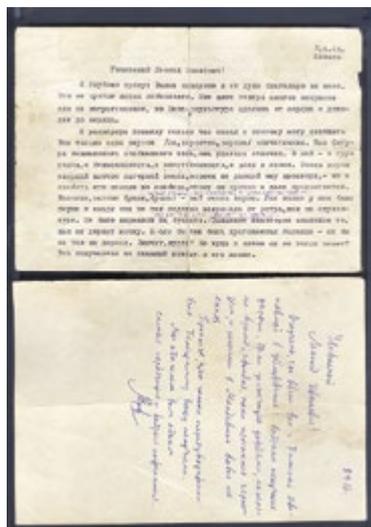
Недов ушел из жизни в 2007 году.

СУДЬБА КОЛЛЕКЦИИ

По договоренности с Солженицыным рисунки Недова должны были иллюстрировать «Архипелаг ГУЛАГ». Леонид с головой окунулся в работу, когда вдруг узнал, что Солженицын выслан из СССР. В его «энциклопедию лагерной жизни» вошло только то, что Недов ему подарил – рисунок «Кум» и фотография скульптуры «Баланда». Остальные работы художника остались невостребованными.

Но «Недов очень дорожил ими, – писала в конце 90-х в одном из кишиневских журналов публицист Маргарита Буинчук. – Во-первых, потому что все работы носят очень личный, «дневниковый» характер. В них лагерная жизнь такая она есть. С лукавинкой, но без вранья. Много позже он увидит своих героев вне зоны. Но это будут уже совсем другие люди, «застегнутые на все пуговицы», с другим взглядом, с другой речью».

Часть коллекции пропала, когда в 90-х воры обчистили ма-

Письма
Александра
Солженицына
Леониду Недову

стерскую скульптора. Еще несколько рисунков ушлые «любители искусства» обманом выманили у художника и продали на аукционе в Париже. Недов не получил за них ни гроша. Только как-то раз увидел в каталоге свои работы. Все, что осталось, вдова художника подарила галеристу Михаилу Чокану.

«Вскоре после того, как я купил у нее вторую реплику «Баланды» и еще одну работу на металли-

Скульптура
«Мать»

ческой пластине, она принесла две тяжеленные сумки – остаток коллекции. А у меня тогда не было денег, чтобы купить. «И не нужно, – говорит, – не покупайте. Это подарок. Вижу, вы понимаете», – рассказывает Михай. Недавно к нему приезжали люди из Бостона, хотели купить часть работ Недова. Продавать их Чокану отказался. «Во-первых, это подарок, – объяснил он. – Во-вторых, не хочу разорять коллекцию. Другое дело, если устроить выставку». В конце 2018 года Михай Чокану при содействии Библиотеки цивилизаций имени Марка Блока организовал-таки выставку Недова в Кишиневе. Называлась она «Один день Леонида Ивановича» и была посвящена столетию Александра Солженицына. Основной экспозиции стали 33 работы художника, созданные еще в тираспольской колонии.

«Он с тапиков эмаль отбивал и писал шедевры, – утверждает Михай. – А для скульптур использовал металл от бочонков и канистр – из-под воды, бензина». Были на выставке и письма Солженицына. Его переписка с Недовым прервалась после высылки из СССР.

«Я под сильнейшим впечатлением, – признался один из посетителей выставки. – Наверное, это одна из самых выразительных коллекций, которую я когда-либо видел».

При жизни Недов удостоился персональной выставки лишь однажды – перед тем, как в конце жизни его приняли в Союз художников Молдавии. К тому времени он создал десятки крупных скульптурных композиций и бесчисленное количество мелких, в том числе по заказу правительства. Знатки и ценители всегда понимали его уникальность как художника, видели самобытность его таланта. В официальных структурах разглядели все это поздно. Недова, как говорится, не продвигали, знаменит он не был. Но время все расставляет по местам. ❀

КАРМА, ОНА ЖЕ КОРМА

Из жизни одного прихода

АВТОР

ВИОЛА ЛЕХНОВИЧ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СТАРЕНЬКАЯ «НИВА» ВЕЗЛА НАС В НОВУЮ ЖИЗНЬ. Я СМОТРЕЛА НА ЛЕСА И ПОЛЯ, НА МЕЛЬКАЮЩИЕ ЗА ОКНОМ МАЛЕНЬКИЕ ДЕРЕВУШКИ. ДОРОГОЙ ДУМАЛА: ЧТО ЖЕ НАС ОЖИДАЕТ В КОНЦЕ ЭТОГО ПУТИ? ВЕДЬ ГОРОДОК, КУДА МУЖА ОПРЕДЕЛИЛИ НАСТОЯТЕЛЕМ ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА, НАМ НЕ БЫЛ ЗНАКОМ, ДА И НА АВТОМОБИЛЬНОЙ КАРТЕ ЕЛЕ НАШЛИ ЕГО В ГЛУХОМ УГОЛКЕ ПОСОЖЕВЬЯ, ПОЧТИ НА ГРАНИЦЕ БЕЛОРУССИИ И РОССИИ.

И ВОТ НАКОНЕЦ-ТО ЗНАК НА ВЪЕЗДЕ: «КАРМА». ДА, символичное название... Но тогда мы еще не знали, что судьба определила нас сюда надолго.

Карма – это на белорусском языке, на русском – Корма.

Поселок городского типа с населением около 6 тысяч человек. Это сейчас я знаю в районе каждую деревеньку и считаю своими, в той или иной степени, знакомыми большинство его жителей. Могу показать самые живописные уголки и все тайные грибные места, рассказать множество историй и познакомить с местными традициями и обычаями. Мы с мужем, священником, прожили в этой глубинке семнадцать лет.

Жизнь причудливо сплетается в дни и годы из очень разных моментов: счастливых и трудных, веселых и печальных. Я старалась запоминать их, а иногда и записывать. Из этого хобби сельской попадьи с замашками интеллигентки и появились небольшие историйки.

От Рождества до Пасхи, от Пасхи до Троицы, от Троицы до Преображения, от Преображения до Рождества Богородицы. Только Покров и Николу Зимнего проводим – и снова Рождество Христово на пороге. И по этому кругу вся жизнь священническая и его семьи проходит. Не работа, не служба – именно жизнь!

ОДИН ДЕНЬ КАК ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Тот день выдался очень насыщенным. До часу ночи пекла торт для крестницы, ей уже 3 года исполнится. На службу встала чуть живая. И понеслось: литургия, панихиды, крещения, венчание, отпевание. В один день целая жизнь может пройти перед глазами.

Воскресное утро, служба, народ собрался, к причастию малышей мамочки принесли. Рядышком стоят и бабули, наши старейшины.

Потом панихиды по людям, которым недавно пели «вечную память».

Только провожающие вышли, как детей принесли крестить:

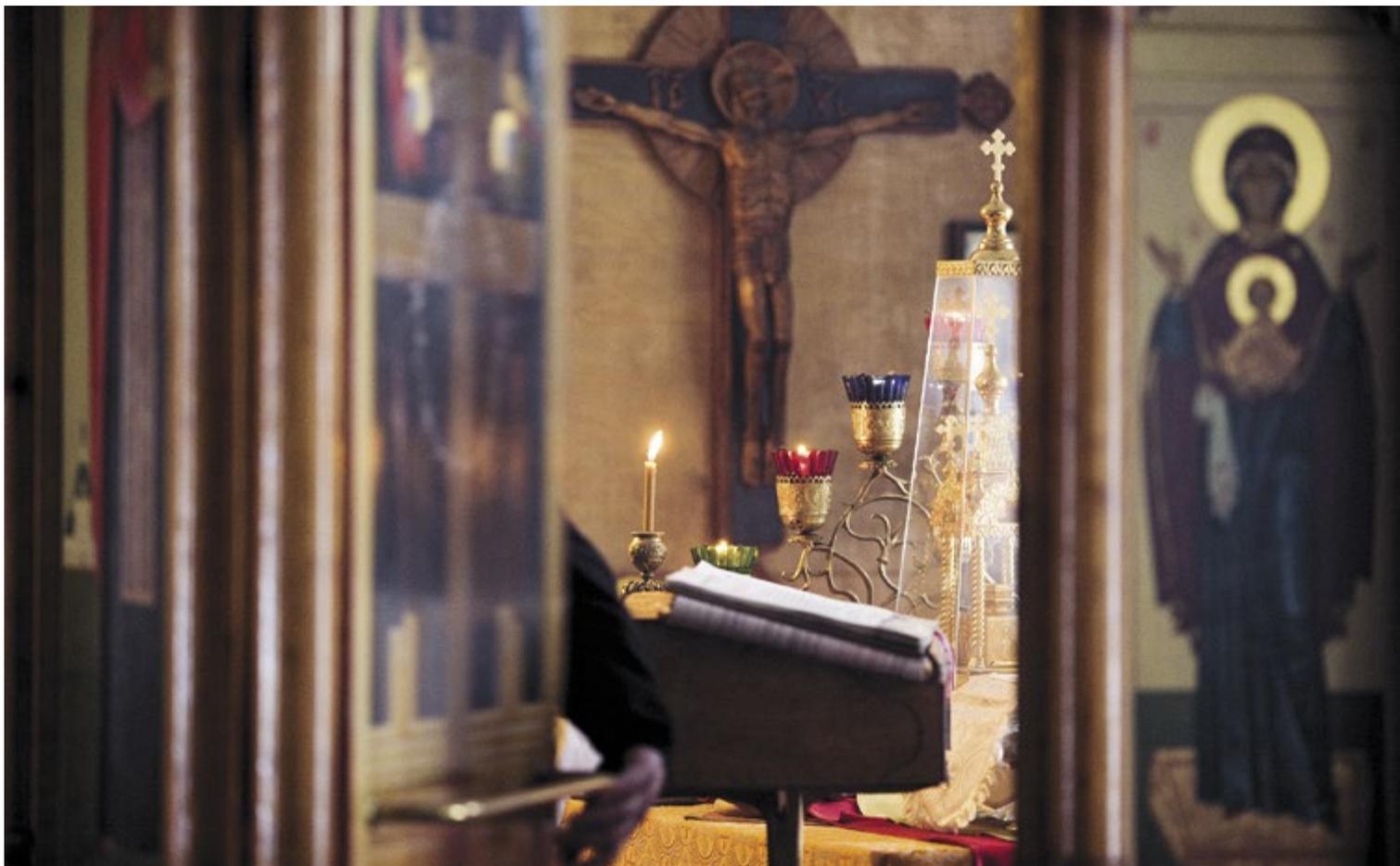
год, два и три годика. Артемий, Дарья и Вероника получили по ангелу-хранителю. Детей еще одевают, а на пороге храма уже жених с невестой стоят. Девочка в свадебном платье зябко кутается в пелеринку. Красивая. Люблю смотреть на детей и невест. Повенчались Людмила с Михаилом, пожелала им терпения и любви друг к другу, умения уступать и не ссориться из-за мелочей. Проводила за ворота. А муж уже полуживой, давление подскочило, на отпевание собирается. Ну как ему не помочь? А то ведь самому в пору на скамейку под образа ложиться. Приехали в деревеньку на отшибе, в убогую холодную избушку зашли, а там старушечка сухонькая в гробу лежит, свечечка у иконы теплится. Пою канон, а сама думаю: вот, наверное, сразу и в Царствие Небесное отправилась. Бабули местные ее богомоленной называли. Уже в храм не могла ездить, так дома молилась, книжки, гляжу, зачи-

танные под иконами лежат. Она уже дома. Часам к трем и мы до земного своего дома добрались. Вечером крестницу поздравляли, подарки подарили, в торт мой три свечки поставили. Интересно в этот день разные свечки по разным поводам горели: и ставили их на подсвечники, и крестные в руках держали, и молодожены, и бабушки на похоронах. Но радостнее всего было видеть цветные в тортике, когда задувала их любимая крестница Софья...

СГОВОРИЛИСЬ?

Сегодня в храм начали приносить малышей на крещение за час до него. Пять мальчишек подряд, и у четырех из них мамы – Натальи. Спрашиваю: «Это вы, мамочки, сговорились, что ли?» Улыбаются. Приходит последняя семья с двумя двойняшками, девчонками, по месяцу им только. В церковь заходят, а остальные с мальчишками по обе стороны от двери стоят, будущих невест встречают. У мамы спрашиваю: «А вас хоть не Наташей зовут?» «Наташей, а что?» – отвечает почти испуганно. Все двадцать с лишним человек засмеялись. И хоть малыши вопили все крещение, настроение царило бодрое. Потом Натальям читали разрешительную молитву. Выходили из храма все с улыбками. В конвертиках мирно сопели младенцы, а два годовалых пацаненка гордо топтали с конфетами в руках, которыми их после крещения угостил батюшка.

ВСТРЕЧА

Отпевали малыша, около 3 лет ему было. Сгорел от менингита. С таким трудом собралась с силами и пошла помочь батюшке своему, но на первых минутах службы едва сдерживала слезы. Чин младенческого отпевания такой трогательный. Беленький ангелочек под покрывалом в маленьком гробике. Рыжий, весь в россыпи веснушек, папа с отрешенным взглядом склонил голову на край гроба, почерневшая от горя мама гладит безжизненную головку сынишки.

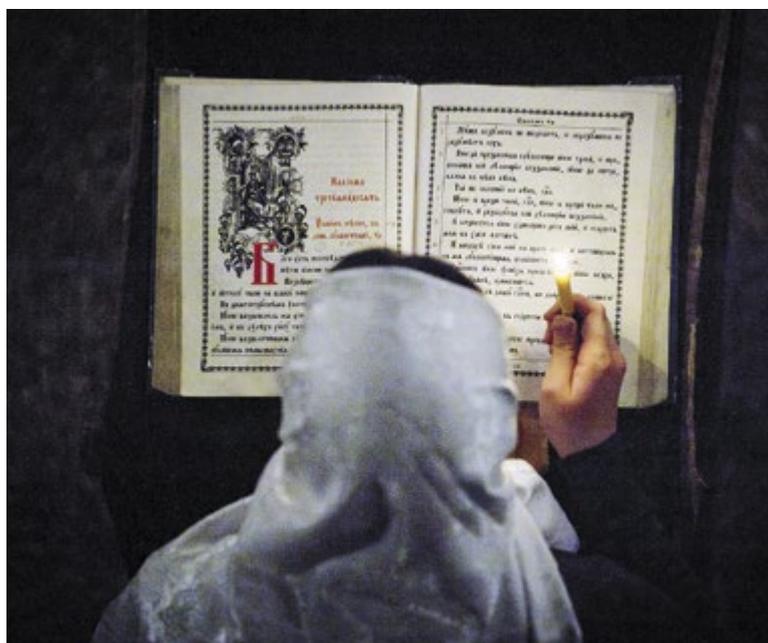
После надгробного слова батюшки рыдали все. Попыталась поддержать супругов, что-то говорила им сквозь слезы...

Тяжело. Когда есть вера, есть и надежда, что жизнь этого малыша не прекратилась с упокоением его, что это только видимое тело ушло в землю, а душа улетела к «Боженьке на небочко», как иногда говорят маленькие дети.

Вспоминаю нынешнюю Пасху, на службе стояли малыши, один из них с дедушкой. Пробегая мимо, перекинулась парой слов с этим мужчиной, светленького малыша потрепала по головке, спросила его: «Нравится тебе в церкви?»

Мальш смущенно улыбнулся и выдохнул: «Да!» Я тогда сказала детям: «Приходите еще в церковь, к Боженьке в гости, в Его дом. Он вас очень любит».

Сегодня, провожая нас после отпевания, дедушка покойно-

ке кидаются пообщаться. Один в процессе мужской беседы начал было выражаться, о своем чем-то, а мы мимо проходили, так его другие одергивают: «Не выражайся, батюшка вон идет!» Уважают! А я из-за спины супруга довольно улыбаюсь.

На Радоницу снова порадовалась. Во-первых, решили не ездить в этот день на кладбища. В нашей местности поминовение усопших в этот день у большинства посетителей превращается в языческую тризну. И хотя священника ценят и авторитет у него есть, но до сих пор мне помнится, как проходили с пением «Христос Воскресе!» по рядам, а пьяный дядька, размахивая рукой с зажатым в ней жареным куриным окорочком, кричал батюшке: «Эй, и у нас тут побрызгай!» После этого мы старались бывать на кладбищах, когда там никого, кроме нас, из живых не оставалось. С умершими как-то спокойнее общаться. Походим, покропим, на сирень налюбемся...

Отслужили литургию, панихиду. И наконец-то, впервые за десять лет, после Радоницы не осталось в храме хлебов, булок и всего, что обычно приносят на канун. Все разобрали те, кто и приносил. Оставили только килограмм-полтора конфет и печенья. Конфеты мы детям после причастия раздаем. А вот с остальным раньше проблемы были. На этом приходе ни тюрем, ни домов-интернатов нет, поэтому была вечная проблема: куда девать все принесимое на поминальные дни? Батюшка начал помаленьку в проповедях говорить, что то, что вы приносите, благословляется. Можете забирать и дома есть. Или подумайте, может, по соседству живет тот, кто нуждается, лучше им отдайте, деток накормите. И вот наконец-то первая поминальная, когда забрали почти все, что принесли. Радуюсь. Потому как притча у нас нет, кроме настоятеля, а те, кто помогает в храме, сами несут все и ничего брать не хотят. Нищих на паперти тоже не наблюдается. Сунула в карман горсть ирисок «Белочка» и пошла домой налегке.

го малыша спросил: «А вы помните, мы с Кирюшей на Пасху на службе были, вы еще сказали нам почаще к Богу «в гости» приходить?»

Я опять в слезы... Видимо, встретившись в Воскресение Христово, малыш и Господь решили больше не расставаться. Прими, Господи, новопреставленного младенца Кирилла в свое Царствие!

ОТ ПЕЧАЛИ ДО РАДОСТИ

Вспомнилось сейчас. После того как отоспались со Всенощной, пошли к маме на шашлыки, а народ на окраине возле своих домов отдыхает. Столы мужики на улицу вынесли, горькую пьют, пиво, разговаривают или, может, играют во что, не знаю уж. Однако идем с мужем, а со всех сторон несетя: «Христос Воскресе!» Люди радостные такие, к батюш-

«ЗАБАБОНЫ»

Православные порой живут в каком-то своем сказочном мире, полном «бабушкиных присказок», «забабонов», суеверий, и иногда выдают такие несуразности, что можно дар речи потерять.

Подходит однажды к лавке свечной «захожанка»:

– Ой, а что это у вас в храме – и мухи летают?

– А отчего ж им не летать, все открыто, вот и залетают, – отвечает староста Марьиванна.

– Так нельзя же, чтоб в церкви мухи были!

– Ну, так вы им прикажите, чтоб не залетали, а то они нас не очень-то и слушаются, – парирует староста.

– А вы знаете, что одна девушка посидела в храме вот на скамеечке, на нее муха села, так она потом ровно через девять месяцев мальчика родила, хоть и не замужем была, – на полном серьезе выдает «захожанка», женщина средних лет.

Тут моя староста и мама, ей помогавшая, просто впали в ступор.

Рассказывают нам с батюшкой после службы. А муж давай по сторонам оглядываться да руками махать. Наловлю, говорит, мух, да на матушку насажаю, глядишь, может, и сподобится третьего ребеночка родить.

В православной церкви принять таинство крещения человек может только единожды. Но наши люди знают секрет, как «перекреститься» во второй раз, если очень уж хочется. Ну, к примеру, имя от сглаза поменять или еще какие причины у них находят. Все очень просто. Согласно «забонам», нужно всего лишь войти в храм через дверь и тут же... вылезти через окно. И все, можно снова на крещение записываться. Один так хотел и у нас сделать, но решетки на окнах помешали, обижался очень, что не получилось у него. А на батюшку, который объяснял, что это глупость народная, смотрел недоверчиво.

Подошла ко мне однажды пожилая прихожанка, учитель русского языка и литературы на

пенсии, отвела в сторонку и спрашивает: «Матушка, а правда ли, если я отказалась быть крестной, когда меня звали знакомые, то мне на том свете придется кроликов пасти?» Что тут сказать?

Главное, не обидеть, не рассмеяться. Терпеливо объясняю, что так думать совсем не по-православному. Она уже умерла, наверное, знает теперь лучше меня, что бывает на том свете. Жаль, никто нам живым не может рассказать.

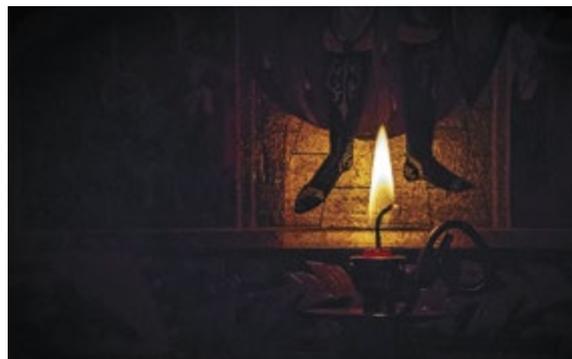
Много таких несуразиц есть, все и не упомнишь. В каждой местности свои найдутся. Крещены мы, но не просвещены...

ЗАСОЖЕВЬЕ

Отслужили литургию, панихиды, я домой пошла обед готовить, а мужа на старенькой «девятке» (наша машина сломалась всерьез и надолго) повезли в отселенную после Чернобыля зону на отпевание старика, который в свое время не пожелал сменить глухую засожевскую деревеньку на городскую квартиру. Аккурат дело пополудни было.

За Сожем связи мобильной нет, так местные придумали способ отправлять СМС: на один конец перекинутой через высокую ветку сосны веревки привязывают телефон, нажимают «отправить»

совсем отживает, пара десятков дворов на всю округу. Это раньше тут кипела жизнь, дома крыша в крышу стояли. А теперь – один жилой на десять заколоченных или разрушенных.

Постепенно эти поселения исчезнут, как многие в наших краях. Не единожды приходилось ездить на отпевание последних жителей в несколько деревень. Ощущение, что это похороны не только человека, но и целого населенного пункта с его историей, где пыльные улицы помнят шумные свадьбы и вечерние посиделки на завалинках, а мертвые дома хранят звуки детских голосов и запахи «жидкой бульбы» из печки. Этого не будет уже никогда...

Места красивые, леса заповедные, источники целебные с чистой водой, красавец Сож с массой притоков – скоро до всего этого дело будет лишь единицам местных жителей и заезжих гостей, которых возят в «зону» для того, чтобы развлечь, попутать экстримом с дикими животными и скачущими циферками на дозиметре. Зато школа есть, в ней 40 учеников и 20 учителей. Возят из райцентра педагогов, а с окрестных трех деревенек собирают детей. Школа – сосредоточение всей жизни. Больше ничего нет.

Кормлю своего мужа и удивляюсь совпадению. Только недавно от усталости и нагрузки, от работы и всяческих «послушаний» думала, что хочу в эту самую глушь уехать. Не совсем, но хоть на пару месяцев, отдышаться. Сил набраться. Вот, дождалась, уезжаем с мужем в далекую Карелию. Буду там теперь собирать моменты, из которых сплетается жизнь человеческая, и обязательно их записывать. ❀

и поднимают вверх. Или долго кружат по холмикам, чтобы найти место, с которого можно поймать связь. Через полтора часа попробовала позвонить, мужа ожидали знакомые, но бесполезно. Через два, три часа – то же самое: абонент недоступен. Часа через четыре отзвонился, что уже возвращается. Приехал и рассказывает:

– Сел в машину, до места 25 километров, думал, отдохну, так попал на замороженного иеговистами сельского умника. Всю дорогу голову дурил с именами Бога и поклонениями иконам и святым.

Поучал его, объяснял – без толку. В машине повсюду наклеены вырезанные из журналов надписи, картинки с лошадьми и девушками, бусы висят на все лобовое стекло – красота, короче. Еще и колесо пробил, да с поломанным домкратом ездит, я лазил по лесу, поленья искал, чтоб подложить и колесо поменять. Доехали по разбитой лесной дороге до домов, но, оказывается, старики на отшибе живут. Еще минут двадцать на телеге ехали по болотам. Дед, который в прошлом году зимой на санях меня к другому покойнику возил, рассказал, что деревня

ОКНА ЛУБЯНКИ

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

РАЗОЧАРОВАНИЕ... ИМЕННО ЭТО ЧУВСТВО ИСПЫТАЛИ МЫ В ПЕРВУЮ МИНУТУ. НАМ-ТО КАЗАЛОСЬ, ЧТО СМОТРОВАЯ ПЛОЩАДКА «ДЕТСКОГО МИРА» ВЬЕТСЯ ВОКРУГ ВСЕГО ЗДАНИЯ. ЧТО ВЕСЬ ЭТОТ ОГРОМНЫЙ ДОМИЩЕ ГЕНИАЛЬНОГО АРХИТЕКТОРА ДУШКИНА МОЖНО ОБОЙТИ НА СЕМИЭТАЖНОЙ ВЫСОТЕ СО ВСЕХ СТОРОН... БРОСИТЬ ВЗГЛЯД В СТОРОНУ ТРУБНОЙ, ТВЕРСКОЙ, СМОЛЕНКИ, ПРЕЧИСТЕНКИ... И ПОЧЕМУ ЭТО МЫ ТАК РЕШИЛИ, В САМОМ ДЕЛЕ? ПОТОМУ, НАВЕРНОЕ, ЧТО СМОТРОВЫЕ ПЛОЩАДКИ, НА КОТОРЫХ БЫВАЛИ ПРЕЖДЕ, НЕПРЕМЕННО КРУГЛИЛИСЬ И МОЖНО БЫЛО ЗАГЛЯНУТЬ ВО ВСЕ СТОРОНЫ СВЕТА.

А ТУТ... СЛЕВА – ГЛАВНОЕ здание ФСБ. Даже комплекс зданий. Справа – «Метрополь» в Театральном проезде. Ну а в центре, прямо перед нами, какой уже год завешенный зелеными сетками Политехнический музей. Генеральная реконструкция. Чуть ли не с привлечением японцев (японцы, кстати, не подведут). Ну и на горизонте красавица-высотка белеет на Котельнической набережной. Все? Все. Вот тебе и здарсьте. По существу, смотровая площадка «Детского мира» – это вид на Лубянскую площадь. Вот именно ее, Лубянку, самую, пожалуй, спорную, самую политизированную площадь нашей столицы, удобно рассматривать отсюда. Рассматривать и размышлять попутно над причуд-

ливостью, ироничностью человеческой истории. И еще то хорошо, пожалуй, что, в отличие от других площадей, эту, как правило, пролетал вокруг – проходил скорым шагом... Или объезжал краешком на троллейбусе №2. И, конечно, в огромном и полутемном подземном переходе под площадью тоже не задерживался. Что там задерживаться? Вышел из вагона метро, эскалатор наверх, двери, а здесь – полумрак, сыро, люди идут, спешат, зевать некогда... Надо еще сообразить, в какую сторону двигать... По крайней мере, так было в 80-е. Что ж, постоим на вершине, посмотрим. Повспоминаем, подумаем, пошагаем по узкой площадке туда-сюда. Это ж надо, как близко напротив большие окна всемогущего некогда ведом-

ства... Кто бы мог предположить еще лет двадцать-тридцать назад, что именно тут смотровую площадку сделают? С видом на КГБ. А теперь вот смотри, пожалуйста, на окна, из которых Кольма видна... Никто не возражает, смотри. Вот курить на смотровой – нельзя. Теперь это запрещение – важнее всех прочих. Хорошо еще, чихнуть не запретили.

Смотровая площадка: «Какие вы все маленькие – там, внизу!»

Первый раз, как всякий москвич, угодил сюда лет в шесть. «Детский мир»! Тогда же услышал это странное слово – «Лубянка» (хотя в Москве часто тогда говорили «Дзержинка», сохраняя родное московское «ка» в окончании слова)... «Детский мир» – сильнейшее потрясение. Как дворец, как сказ-

ка наяву. Сколько света! Воздуха! На потолок, чтоб увидеть, надо голову задирать так, что шее больно. И радость какая-то в воздухе разлита. И музыка. И даже объявление по радио, что вот, мол, потерялся мальчик такой-то и его маму ждут там-то и там-то, не очень пугает... Голос ласковый сообщает эту тревожную новость... Не бойсь,

В «Детском мире» теперь как в приличном бутике – очередей нет

найдемся! И крепче держусь за мамину руку, народу-то... А уж игрушек... Какой-то остров сокровищ, честное слово... Запомнилось, что дома похвалили, а это бывало редко. Мол, не просил ничего купить. А рядом столько детей канючили: это им подавай, и это, и это...

Потом уже «Детский мир» больших восторгов не вызывал. На этажах повыше стояли очереди за одеждой и обувью. Не очень большие очереди, но все равно скучно – стоишь, меряешь, примеряешь, одно-другое, потом в кассу стоять... Все суетятся, спешат, пихаются. Раз десять, наверное, бывали мы с мамой в «Детском мире». Поднимаясь все выше и выше по этажам. Да ну!

Я сознательно не пишу про сегодняшний «Детский мир». Он другой, непохожий внутри на прежний. Он сменил не только название, но и общую атмосферу, настроение.

«Детский мир» на площади Дзержинского строили в 1953–1957 годах. Автор – выдающийся советский архитектор Алексей Душкин. В ходе масштабной реконструкции 2006–2015 годов внешний вид здания не пострадал

Очень много охраны. Цепких взглядов из черных пиджаков. И плитка на входе кругом – скользкая в сырую погоду, просто каток по морозу... И толпы нет на входе.

Но радостных детей и родителей увидеть там можно. А это, я считаю, главное.

Общество, разумеется, спорит про «Детский мир», сравнивает новый со старым. Тех, кто помнит, что прежний «Детский мир» когда-то стоял на Мясницкой улице, почти не осталось. А этот, новый, был выстроен на месте Лубянского пассажа. А пассаж в давние времена выстроили на месте трактира Колгушкина.

В трактире том «издатели-любочники за парой чая или за графинчиком совершали сделки по продаже книг с офенями и провинциальными книжниками. Туда же приходили писатели – поставщики литературного товара на рынок».

Наверняка завсегдатаи трактира Колгушкина за графинчиком или за чаем в пух разнесли выстроенный пассаж. Мол, трактир-то был куда милее.

Памятник первопечатнику Ивану Федорову открыт в 1909 году. Авторы – скульптор Сергей Волнухин, архитектор Иван Машков

Если посмотреть вправо, где на Никольской темнеет красным некогда знаменитая башенка – первая в Москве аптека Карла Феррейна (потом аптека №1, куда редкий москвич хоть раз в жизни не заглянул), легко домыслить невидимый ныне за новостроем памятник первопечатнику Ивану Федорову. Он правее, ближе к «Метрополю». На площадке вокруг памятника снимали сцену из фильма «Место встречи изменить нельзя». Помните? Шарапов встре-

чается с лже-Аней, пряча в кармане черного пальто журнал «Огонек». Там и лавочки менять не стали, они так и вошли в фильм – белые лавочки 80-х, на которых с удобством располагались книжные перекупщики тех лет.

По соседству – стеклянный одноэтажный букинистический магазин «Находка». Именно там единственный раз за многие годы, проведенные в окрестностях книжного черного рынка, мне всучили товар с брачком. И вот она, малюсенькая такая

Когда-то в эту аптеку на Никольской улице приезжали со всей Москвы и Московской области

ирония судьбы. Книжка эта – Владимир Гиляровский «Москва и москвичи». Купил я ее за червонец, издание понравилось, со старыми фотографиями внутри. А дома развернул, страничек семи в серединке не хватает. Местные книжники, когда я рассказал им о деле, расстроились. И по описанию моему торговца того не признали. «Видно, залетный, не наш. Фирму позорит» –

такое было резюме. И в самом деле, книжку с рук за большие по тем временам деньги и у памятника Федорову, и по соседству, на Кузнецком, продавали всегда в отличном состоянии. Ну и что там, кстати сказать, дядя Гиляй о Лубянке пишет? Да вот, к примеру. «Как-то, еще в крепостнические времена, на Лубянской площади появился деревянный бала-

ган с немудрящим зверинцем и огромным слоном, который и привлекал главным образом публику. Вдруг по весне слон взбесился, вырвал из стены бревна, к которым был прикован цепями, и начал разметывать балаган, победоносно трубя и нагоняя страх на окружающие площадь толпы народа. Слон, раздраженный криками толпы, старался вырваться, но его удерживали бревна, к которым он был прикован и которые застревали в обломках балагана. Слон уже успел сбить одно бревно и ринулся на толпу, но к этому времени полиция привела роту солдат, которая несколькими залпами убила великана. Теперь на этом месте стоит Политехнический музей».

Никольскую улицу после ЧМ-2018 знают во всем мире
Реконструкцию Политехнического музея первоначально планировали завершить летом 2018 года. Не срослось...

ган с немудрящим зверинцем и огромным слоном, который и привлекал главным образом публику. Вдруг по весне слон взбесился, вырвал из стены бревна, к которым был прикован цепями, и начал разметывать балаган, победоносно трубя и нагоняя страх на окружающие площадь толпы народа. Слон, раздраженный криками толпы, старался вырваться, но его удерживали бревна, к которым он был прикован и которые застревали в обломках балагана. Слон уже успел сбить одно бревно и ринулся на толпу, но к этому времени полиция привела роту солдат, которая несколькими залпами убила великана. Теперь на этом месте стоит Политехнический музей».

«Полицейские ведомости» уточняли: «В слона было выпущено 144 пули. Чистого мяса в нем оказалось 250 пудов, а сала он дал только 7 пудов, купеческие лошади и коровы часто больше давали». Невеселая история... У Владимира Гиляровского Москва полна приключений, небритых граждан, нечистот, жу-

ликов и бомжей. У Николая Телешова, создателя знаменитых писательских «Сред» и Музея МХАТа, Москва наполнена почтенными, культурными людьми, радеющими за народное просвещение и прогресс. У одного – трущобы Хитровки, у другого – чай с буфетом на Тверской... А ведь жили и писали мемуары они почти в одно время. Да и хорошо знакомы были друг с другом. И нет здесь никакой ошибки. Ни у того, ни у другого... Просто в Москве очень много городов.

Разве можно сравнить, допустим, Таганку с Лубянкой?

На Лубянке государственные интересы не просто витают, а... навсегда прописаны в воздухе. Помните, с каким достоинством движется по пустой утренней площади машина генерала Константинова в исполнении Вячеслава Тихонова? Тихонов едет из Кремля на работу. Вернее, не Тихонов, а генерал Константинов. Многосерийный фильм «ТАСС уполномочен заявить» по роману Юлиана Семенова смотрели, не отрываясь. И ТАСС заявил в конце, будьте любезны. И правильно сделал!

И разве мы, зрители 80-х, не гордились Тихоновым–Константиновым и Соломиным–Славным? Еще как гордились. Это теперь об этом стали почему-то стыдливо помалкивать...

А разве нет внутренней гордости в шуточных строках Высоцкого:

*Мою фамилию-имя-отчество
прекрасно знали в КГБ!*

Владимир Семенович Высоцкий, коренной москвич, не мог не упомянуть в своих песнях могущественную Лубянку.

Монументальные здания ФСБ опоясывают верхнюю сторону площади, иронически шуря на Ильинку, Никольскую, Театральный проезд. По свидетельству того же Гиляровского, со времен Екатерины располагались в здешних местах подвалы Тайной экспедиции и Тайного приказа. Еще Иван Грозный разворачивал на Лубянке стрелецкие слободы. Название же

Церковь Святого апостола Иоанна Богослова под Вязом на Новой площади – домовый храм Российского православного университета

В Фуркасовском переулке, как правило, не шумят

«Лубянка», как не слишком уверенно предполагают историки, пошло от переселенных сюда завоеванных Москвой псковичей и новгородцев. Была такая улица в Великом Новгороде – Лубяница, которая на Москве вполне могла превратиться в Лубянку. Впрочем, аккуратные историки считают эту гипотезу лишь наиболее вероятной, не более.

При славном московском генерал-губернаторе Владимире Андреевиче Долгорукове была на Лубянской площади биржа почтовых карет. Да и извозчики попроще свой перевалочный пункт именно тут завели. И трактиры в изобилии (самим отдохнуть), и фонтан на площади (коней поить) имеются, очень удобно. Само собой, дух над площадью стоял... мягко говоря, бодрящий. Да и под ноги пешеходам стоило повнимательнее смотреть, навоз лошадиный убирать не торопились. Недовольных хватало. Зато везли извозчики в любую сторону. Конкуренция!

При нынешнем градоначальнике, Сергее Семеновиче Собянине, транспортные традиции Лубянки продолжены. Отсюда, прямо от стен «Детского мира», с недавних пор можно зарулить на магистральных автобусах в

самый дальний, самый спальный район города. И автобусов дальних маршрутов теперь не два-три, а десяток. Именно на Лубянке многие маршруты крулятся. Однако некоторые неравнодушные граждане по-прежнему недовольны. Уж больно загазован воздух.

На противоположной от нас стороне площади, на краешке Мясницкой, знаменитый магазин «Книжный мир», теперь «Библио-Глобус». В начале 90-х здесь, чуть правее, еще сохранялся островок частной книжной торговли. По су-

В центре Лубянской площади все-таки пустовато, не правда ли?

ществу, граждане продавали свои ставшие почему-то ненужными книжки. Плюс некие новинки – скороспелки, часто густого политического свойства. Продавались рядом и очень оппортунистические газетки, больше похожие на боевые листки, наспех отпечатанные в типографии. Однажды мы с женой остановились полюбопытствовать. Книжки лежали на снегу, на асфальте, на земле – теперь скрывать торговлю было незачем. Новые времена, демократия... Торгуем всюду! Свобода! Жена заинтересовалась книжкой с таким почтенным названием – «Что можно сделать из природного материала?». А вот я заметил иную брошюру. И тоже с хорошим вопросительным заголовком – «Как стать миллионером в СНГ?».

Красоты старой Москвы. Китайгородская стена. Сохранившийся фрагмент

Московское
небо вмещает
все стили,
направления,
эпохи

За 50 рублей можно было стать миллионером.

Я полистал брошюру. Надо отдать должное автору, на теории он не замыкался. Брошюра оказалась наполнена дельными советами. А главное – вполне практическими. Один из способов обретения миллиона был такой (привожу, как запомнил):

– Вы берете в аренду часть дикого пляжа. За дикий пляж платить аренду не надо. Пляжи у нас, как правило, грязные, их никто не убирает. Вы натягиваете веревочки на колышки по всему периметру выбранного вами участка. Вевочки должны быть яркими, заметными, а колышки хорошо покрасить краской. Наводите на выбранном вами участке идеальную чистоту. И только затем начинаете брать плату за вход, взрослые по 10 рублей, дети по 5, пенсионеры и военнослужащие – бесплатно. К концу сезона, постоянно прибираясь на пляже, вы можете получить первоначальный капитал, с которо-

Бывший знаменитый столичный гастроном №40 на Большой Лубянке. Здание построено в 1932 году как клубный дом сотрудников НКВД

го и продолжите выбранную вами стратегию бизнеса.

Я даже пожалел, что стоял конец ноября и что до моря было так далеко... Только вот... жарко на море, а я разлюбил жару. Так ничего и не приобрели. Миллионером стать не получилось. Хотя советы для 90-х годов были весьма показательными, характерными...

В «Библио-Глобусе» я бываю, но редко. В «Книжном мире» бывал куда чаще. Почему? Наверное, денег не хватает. Книги теперь стоят дорого. Впору возвращаться к дешевым изданиям для народа, которыми торговали в старые времена и на Сухаревке, и на Никольской, и на Лубянке, и у стен Красной площади – всюду.

Нет, все же хороша, торжественна, величава Лубянская площадь. Так решаем мы, наскоро подкрепившись местным, «детмировским» кофе с горячим блинком и сметаной. Хороши и улочки, входящие-выходящие на площадь или по соседству с ней. И как различны они...

Мясницкая с ее неистребимым торгашеским духом. Кузнецкий Мост, где брусчатка, модели и бездна истории. «Параллельно Софийке идет самая блестящая улица Москвы – Кузнецкий мост. Здесь в глубокую старину на речке Неглинной, теперь закрытой, пересекавшей эту улицу, жили кузнецы, а через речку был перекинут мост – отсюда и название улицы. Кузнецкий мост – это ряд магазинов с модными товарами и предметами роскоши. Сюда собирался «цвет» московского общества и для покупок, и для гулянья. Здесь получались все новости из-за границы как по части мод, так и по части забористых романов Поль де Кока, Дюма, Понсон дю Террайля и прочих

мастеров французской литературы. Здесь при встрече обменивались новостями», – вспоминает мемуарист середину XIX века.

Как тут не привести страдания грибоедовского Фамусова... Фамусов страдает уже в первой половине века:

*А все Кузнецкий мост
и вечные французы,
Оттуда моды к нам,
и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их, чепцов,
и штилек, и булавок,
И книжных и бисквитных лавок!*

Лавочки на Кузнецком Мосту появились совсем недавно

«Библио-Глобус» на Мясницкой, ранее «Книжный мир» на улице Кирова, пользуется у москвичей давней и заслуженной популярностью

Короткая Пушечная (бывшая Софийка, по названию местной церкви) и длинная Рождественка. Большая Лубянка, скоро переходящая в Сретенку у бульвара. Фуркасовский переулок, где царил когда-то французский портной Фуркасе. Знаменитый сороковой гастроном. А Театральный проезд, широко катящийся вниз к веселой Театральной площади...

Огромные окна всех зданий, выходящих на площадь – отличительная черта, особенность, архитектурная подробность Лубянки.

Нет, не зря мы влезли на смотровую... Единственное, что огорчает глаз, – это сплюснутый стеклянный колпак с неуместным тут названием «Наутилус», тоже символ торговой эпохи 1990–2000-х. Общий вид портит. Так ведь не устоит...

Даже Железный Феликс на Лубянке не устоял. Но его даже и жалко. Пустовато в середине площади. Ну пусть не Дзержинский, но кого-то здесь все же надо поставить. И поставят, непременно поставят – с течением времени. **■**

БАЛ У ГОРОДНИЧЕГО

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАК СОБРАТЬ НА ОДНОМ БАЛУ ГРИГОРИЯ ПЕЧОРИНА, КНЯЖНУ МЕРИ И МЕЛКОГО ПЕТЕРБУРГСКОГО ЧИНОВНИКА ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ХЛЕСТАКОВА? ОТВЕТ НА ЭТОТ ВОПРОС НАШЛИ В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ ПЕТРОВСКЕ.

Н А ЛИТЕРАТУРНОМ балу, который здесь, в Саратовской области, проводится зимой, имена литературных персонажей соседствуют с фамилиями старожилов Петровска – Устиновыми, Смирновыми, Юматовыми. Здесь помнят, что Устиновы и Смирновы были купцами, а представители дворянской семьи Юматовых отличились в Отечественной войне 1812 года.

Идея проводить Литературный бал в Петровске родилась в 2015-м, объявленном в России Годом литературы. И неслучайно, между прочим. Местные жители считают, что именно через Петровск проезжал автор «Героя нашего времени», когда добирался из Пензы в Саратов. Ну а действие бессмертной пьесы «Ревизор» могло разворачиваться только в Петровске. И не беда, что на ту же роль претендует соседний Сердобск.

ХЛОПОТЫ

В 2015 году учителя русского языка и литературы Петровска решили провести первый Литературный бал для учеников, особо отличившихся на ниве словесности. Название придумали быстро: «Литературный бал у Сквозник-Дмухановского». Кто ж, как не городничий из «Ревизора», мог претендовать на роль устроителя подобного действия?

Организацией бала занимаются ученики школы №8 во главе с Дианой Смирновой. Первым делом она знакомит нас с «дамами» из «бального комитета». Ксения Крупнова и Кристина Бушунц окончили школу в прошлом году, сейчас обе учатся в саратовских вузах, но по-прежнему участвуют в организационных хлопотах. Мы усаживаемся за длинный стол,

В этой дружной компании раскрашиваются «реvisorки»

дать творческую мастерскую «Петровск – город «Ревизора». Тогда же придумали Литературный бал и «реvisorки». Попутно выясняется, что перед первым балом в маленьком Петровске были раскуплены все

имеющиеся в наличии веера, так что многим гостям бала пришлось мастерить их самостоятельно. А еще были попытки «несанкционированного» проникновения на бал: учителям школы звонили с прось-

на котором стоят баночки с гуашью, лежат карандаши, кисти и маленькие фанерные заготовки, которые должны превратиться в магнитики-«реvisorки». В левой части будущих сувениров красуется герб Петровского района, в правом углу – раскрытая книга с пером. Над ней нужно красиво написать либо «Н.В. Гоголь», либо «1835» – год создания «Ревизора».

Пока я под руководством Дианы Смирновой раскрашиваю «реvisorку» («Рукав мундира нужно сделать зеленым, герб города закрашивайте синим!» – командует школьница), девушки, так же усердно работающие над магнитиками, посвящают меня в тайны Литературного бала.

Оказывается, все в том же, 2015 году родилась идея соз-

Татьяна Сторожева стоит за кулисами каждого Литературного бала

бами включить в число гостей тех, кто и не должен был оказаться на балу. Но праздник проводится только для учеников, отличившихся на ниве словесности, гордо подчеркнули девушки.

Вообще-то изначально собирались провести только один бал – в Год литературы. Но в том же, 2015-м учительница русского языка Татьяна Сторожева побывала в Болдине, увидела там традиционный Пушкинский бал. А тут еще одна из ее учениц, Маргарита Фурман, в конце 2015 года танцевала на Балу литературных героев в Доме Пашкова в Москве... Вот тогда Татьяна Юрьевна Сторожева и задумалась: а почему бы в петровской школе не проводить бал каждый год?

Итак, первый Литературный бал Петровска прошел в школе №8. Прежде всего задумались о танцах. Бал как-никак! Выяснилось, что большинству знаком только один «старинный» танец – вальс. На счастье, Диана Смирнова окончила отделение хореографии местной школы искусств, так что вместе с Маргаритой Фурман они приступили к обучению школьников. За месяц научились танцевать полонез, польку и мазурку. Наряды для бала предоставила местная школа искусств, но некоторые не слишком сознательные ученики заявили на бал в джинсах. Второй Литературный бал было решено провести в Художественной галерее Петровска. Все прошло удачно, расстроило участников лишь то обстоятельство, что зал оказался маленьким. Не распляшешься... На третий год бальные фигуры вели в залах Центральной районной библиотеки. И все бы хорошо, но участникам не понравились здесь низкие потолки. Так что четвертый Литературный бал решили снова провести в школе №8, благо актовый зал недавно отремонтировали. Диана Смирнова рассказывает, что на всех балах обязательно разыгрываются сцен-

Портниха
Ольга Полянская
помогает школе
с нарядами

Бутоньерка –
главный символ
четвертого
по счету
Литературного
бала в Петровске

Не коридор
Благородного
собранин,
конечно,
но бальная
атмосфера
чувствуется

ки с Хлестаковым. Но каждый год устроители придумывают какие-нибудь сюрпризы: то скрипичный оркестр приглашают, то фанты разыгрывают. В этот раз разыграют лотерею и споют романсы под фортепиано. А еще ученица Ольга Морозова будет гадать всем желающим на картах, рубашка которых украшена профилем Гоголя. Завершит бал фарандола – провансальский хороводный танец: танцоры, держась за руки, составляют цепочку, которая образует спиралевидные и круглые фигуры. Девушки волнуются: в этом году городничего впервые будет изображать учитель физкультуры Владимир Владимирович Смирнов. Да к тому же на балу появится новый Хлестаков! На всех предыдущих балах главного героя «Ревизора»

изображал Илья Рубцов, прекрасно вживавшийся в роль. Он великолепно выступал на конкурсах чтецов, так что все думали, что Илье – прямая дорога в театральный. И очень удивились, когда узнали, что Рубцов поступил в Витебский университет, будет физиком. В этом же году на роль Хлестакова Татьяна Юрьевна и Диана Смирнова выбрали ученика восьмого класса Ивана Коршунова. За него переживают, кажется, все: ведь на последней репетиции он от волнения перепутал слова. Но больше всего беспокоит девушек не выступление Ивана, а то, что для Дианы нынешний Литературный был – последний. В этом году она оканчивает школу. «Не представляем, что будет с балами после нее», – шепчут мне девушки.

ТОТ ГОРОД ИЛИ НЕ ТОТ?

Между тем вопрос о том, где именно могло происходить действие комедии «Ревизор», может стать предметом раздоров между городами Саратовской области. В книге «Литературная энциклопедия: от Петровского уезда до Петровского района», выпущенной под редакцией Татьяны Сторожевой, собраны расследования, выполненные ее ученицами – Дианой Смирновой, Маргаритой Фурман, Елизаветой Сарксян, Ксенией Крупновой. Вопрос рассматривается детально. Как вы помните, направляясь в Саратовскую губернию к отцу, Хлестаков в Пензе проигрался в карты и на полпути решил пожить в уездном городе, рассчитывая на наивность местных чиновников. Действие комедии происходит в первой трети XIX века, а в то время меж-

ду Пензой и Саратовом существовал один ямской тракт, причем на его пензенском отрезке не было ни одного уездного города. На саратовском же находился лишь Петровск. Справа от тракта располагались еще Сердобск и Аткарск. Но, как считают жители Петровска, Хлестакову не имело смысла делать такой крюк: лишние версты – лишние деньги. К тому же, по словам Добчинского, подорожная Хлестакова «прописана в Саратове». А менять маршрут следования тогда без особой нужды не позволялось. Кстати, саратовские зрители после первого просмотра «Ревизора», в 1840 году, сразу же назвали местом действия пьесы Петровск. А Николай Чернышевский, уроженец Саратова, в «Автобиографии» писал: «Кстати, о Петровске. Один из моих бывших приятелей <...>, очень мило доказывал, что действие «Ревизи-

ра» происходит именно в Петровске: и точно, это очень вероятно, по соображениям маршрута Хлестакова, и пусть Петровск пользуется хоть этой известностью, при совершенной невозможности иметь никакой другой».

...Вместе с Татьяной Юрьевной мы пробираемся по улочкам Петровска, на которых красуются ухоженные старинные особняки. В бывшем доме генерала Устинова сейчас располагается администрация района. Художественная галерея устроилась в старинном купеческом особняке. А вот просторное здание бывшей гимназии, построенное в конце XIX века. Вскоре сюда переберется краеведческий музей. Так похож ли Петровск на город, в который мог заскочить Хлестаков?

– Гоголь поспешил на описание городка, но кое-какие детали есть... – говорит учительни-

ца. – В первом действии пьесы городничий приказывает поставить высокорослого квартального Пуговицына «для благоустройства на мосту». Далекое не каждый уездный городок в то время мог похвастаться наличием моста. А Петровск река Медведица разделяла на две половины, которые соединялись деревянным мостом. Сейчас вместо него – железный, который признан памятником промышленной архитектуры начала XX века. Петровчане выиграли его в карты у экспедиции, которая везла мост с Парижской выставки в Пензу, чтобы установить на реке Суре. Во втором действии городничий предлагает Хлестакову осмотреть уездное училище и городскую тюрьму. В Петровске тюремный замок построили в 1810 году. А уездное училище как приходское открылось в 1822-м...

В круговерти сверкающей бала

Сценка из «Ревизора»: дочь городничего в исполнении Маргариты Фурман внимает любезностям Хлестакова, которого играет Иван Коршунов

НЕРВНАЯ ОБСТАНОВКА

И вот этот день настал. Бал еще не начался, а школа №8 уже гудит как улей. В гардеробе учительница словесности Елена Хребтищева раздает лотерейные билеты. Очередь – длиннющая! «Не удивляйтесь, что в нашей школе собрались пять учителей-словесников, так

уж получилось, – объясняет еще одна учительница русского языка и литературы, Ольга Захарова, с которой мы вместе стоим в очереди. – Потому только у нас и возможен Литературный бал». Классные комнаты на первом этаже превращены в гримерные, где завивают локоны и со-
оужают высокие прически.

Бутоньерку можно получить в коридоре на втором этаже. Их раздает всем гостям бала ученица Елизавета Сарксян. Почти месяц она старательно клеила их из бумаги. Под цвет бутоньерки рекомендуется выбрать специальную карточку с надписью «Литературный бал 2019. Год театра в России». На ее обратной стороне можно прочесть доброе пожелание. Прямо передо мной такую карточку выбрала гостья бала Ирина Синенко. На Литературный бал в Петровск она приехала из села Озерки. На Ирине пышное красное платье, на плечи наброшен красивый платок. Она уже второй раз становится гостьей Литературного бала, в этом году – за достижения в муниципальном конкурсе по истории. Бал для Ирины – настоящее событие! Она приехала с кавалером, с которым будет танцевать. Но, жалуется Ирина, кавалер почему-то так застенчив, что прячется внизу в гардеробе, не решаясь влиться в местное общество. Впрочем, девушка шепотом признается, что ей и самой немного неловко и страшновато: бал есть бал, она волнуется и чувствует себя не слишком уверенно. Подобные сомнения не мучают уже знакомую нам Маргариту Фурман, которая выступает на балу в роли Марии Антоновны. Кокетливо обмахиваясь веером, дочь городничего светски улыбается и спрашивает меня, бывал ли я на балах раньше. Я не успеваю ответить: Мария Антоновна отвлекается и останавливает пробегающего мимо молодого человека с буйными вихрами. Оказывается, это и есть новый Хлестаков – Иван Коршунов. Его все никак не могли уговорить согласиться на эту роль. Вопрос решился после того, как Татьяна Сторожева поговорила с родителями Ивана. Они и повлияли на решение сына согласиться сыграть роль, в которой в разное время блистали Михаил Щепкин, Игорь Ильинский, Александр Калягин, Андрей Миронов. Увы, выясняется, что эти великие имена Ивану ничего не говорят.

«Эта роль – такая проблема!» – признается он мне, бессильно падая на ближайший стул и запуская пальцы в густую шевелюру. Ивана смущает, что играть сценки ему придется вместе с двумя школьными красавицами – Дианой Смирновой и Маргаритой Фурман. Они старше его на целых три класса! А ему предстоит объясняться каждой в любви, вставать на колени, целовать руки – да еще при полном зале зрителей, которые помнят, как прекрасно справлялся с ролью Хлестакова Илья Рубцов. Иван нервно смеется. Потом вдруг становится серьезным и с тоской сообщает, что ведь и сценарий-то поменяли! Илья представлял выигрышную сцену со знаменитой фразой Хлестакова «тридцать пять тысяч одних курьеров!». А Ивану придется сначала «соблазнить» Марию Антоновну, а потом переключаться на Анну Андреевну.

Я мучительно пытаюсь придумать, как поддержать то краснеющего, то бледнеющего парня, а Иван тем временем рассказывает, как ему, боксеру, во время подготовки к балу пришлось стараться не получить травм на тренировках. Ему так и сказали: попробуй только с синяком прийти! «Ну, появиться на публике в роли Хлестакова это все равно что на ринг выйти!» – стараюсь я подбодрить восьмиклассника. Иван грустно кивает, поправляет свою бутоньерку и, криво улынувшись, исчезает в толпе.

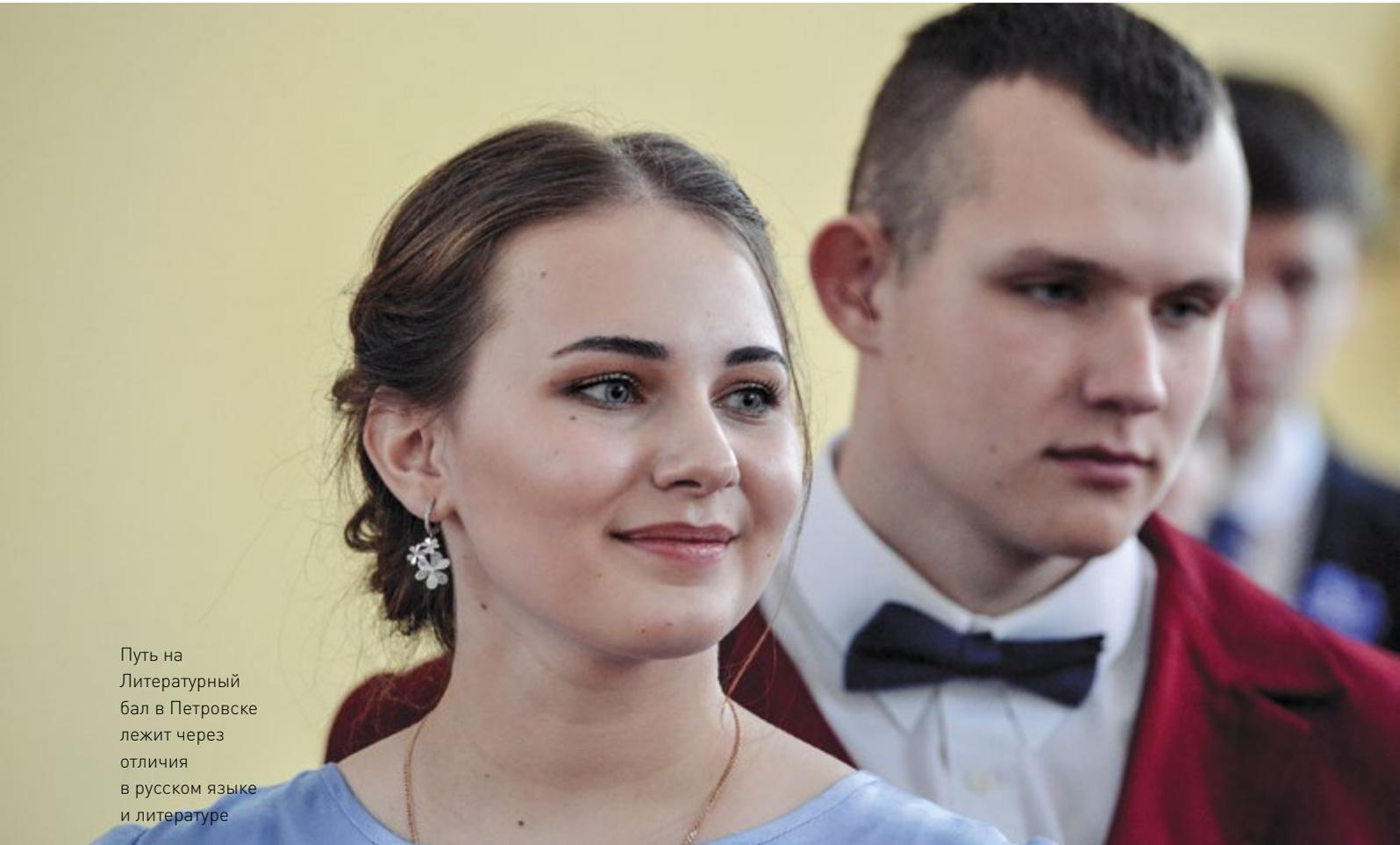
В таком же отчаянном положении я застаю городничего Сквозник-Дмухановского, встречающего гостей на широкой лестнице. В перерывах между «приливными волнами» приглашенных на бал учитель физкультуры Владимир Владимирович, наряженный в тесноватый мундир, шумно отдувается и крутит головой. Встречать гостей и раскланиваться с каждым – не такая уж легкая задача! Вообще-то, сообщает он, обычно ему поручают роль Деда Мороза на школьных новогодних праздниках. Городничего на предыдущих балах изображали старше-

классники, а тут... И как только он согласился? Но одно условие он все-таки поставил: танцевать он не будет! Ни за что! И вообще, комедию Гоголя он со школы не читал. Имел ли в виду Николай Васильевич Петровск или какой другой город – его мало волнует.

Про городничих он знает только то, что отец мужа Анны Керн двести лет назад был в Петровске городничим. Об этом Владимир Владимирович услышал случайно на репетиции бала от Дианы Смирновой. Зато вот про Смирнову он может сказать, что

Красавицами этот бал не обделен

Путь на
Литературный
бал в Петровске
лежит через
отличия
в русском языке
и литературе

девушка показывает хорошие результаты в легкой атлетике, отлично бегает на короткие дистанции. И если, как сплетничают, она пойдет в высшее военное учебное заведение, то армия страны только выиграет. В этот момент внизу лестницы показались новые гости, и Владимир Владимирович, извинившись, вновь превратился в Сквозник-Дмухановского...

В этом году гостей на балу больше обычного. Одних танцевальных пар более пятидесяти! Устроители теперь приглашают на праздник не только школьников, отличившихся в изящной словесности, но и тех, кто проявил хорошее знание истории, краеведения, обществознания. А также представителей всех городских школ Петровска, сотрудников музеев и библиотек. Так что сегодня коридоры школы №8 заполнены нарядной публикой: шуршат бальные платья, шелестят веера, блестят глаза...

Хозяйка бала
Диана Смирнова

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

Бал! Гремит музыка, актовый зал залит ярким светом. Кажется, все присутствующие смотрят на хозяйку бала – супругу городничего Анну Андреевну, точнее, Диану Смирнову. На ней белое платье, украшенное большим замысловатым цветком. На руках – длинные перчатки.

В этом зале все знают, что для Дианы это последний бал. Кто сможет заменить ее в следующем году? Ведь организация, репетиции танцев, списки гостей – всем ЭТИМ занималась Диана. Даже бальные наряды на большинстве гостей – тоже ее заслуга. Это она выхлопотала для бала 45 платьев из школы искусств и 30 – из районного Дома культуры. Раздали их заранее, причем каждая участница могла выбрать понравившийся наряд. Подготовка к балу началась еще в ноябре, у девочек было время подшить, обновить, приукрасить платья.

Кажется, все стараются не разочаровать хозяйку бала. Танцевальные пары не сбиваются с ритма, не путаются в фигурах, на ноги и на платья дам никто не наступает. На все вопросы викторин отвечают весело и точно. Как и обещали, завершается бал фарандолой, во время которой самое главное для танцоров – не разомкнуть живую цепочку. «Привезла» фарандолу в Петровск, кстати, Маргарита Фурман, увидев этот танец на Балу литературных героев в Доме Пашкова. «Надо приложить немало усилий, чтобы цепочка исполнителей танца не распалась!» – объясняет Татьяна Сторожева и прикладывает от волнения руки к груди. Она рассказывает, что фарандолу танцевали только один раз – на самом первом балу. И тогда цепочка, увы, разомкнулась... Но

в этот раз у гостей все получается чудесным образом. И Татьяна Юрьевна облегченно вздыхает: «Не распалась цепочка!» Мы с ней пробираемся к выходу. У двери я останавливаюсь и оглядываюсь: Диана Смирнова, хлопнув в ладоши, кричит: «Бал окончен! Дорогие гости! У выхода каждый из вас может взять записку с пожеланиями, которые обязательно сбудутся, если вы в них поверите!»

Гости постепенно расходятся. Со всех сторон слышны советы на то, что бал прошел как-то слишком быстро. Разгоряченные танцами участники никак не могут поверить, что праздник закончился.

Мимо нас проносится Хлестаков. Он все-таки забыл слова и не нашел ничего лучше, чем заменить одну из фраз Ивана Александровича строками из «Евгения Оне-

гина»: «Любви все возрасты покорны...» Но сценка зрителям все равно понравилась: нового Хлестакова приняли.

А Диана Смирнова от волнения и танцев все никак не может отдышаться. В глазах – слезы. Татьяна Юрьевна успокаивает ее: все прошло прекрасно! А сама с отчаянием оглядывается по сторонам: ведь Диана четыре года была центром притяжения Литературного бала. Кем ее заменить? Еще любясь на танцевальные фигуры, Татьяна Юрьевна призналась, что много раз уже думала о том, кого выбрать на роль новой хозяйки Литературного бала в Петровске. И ответа на этот вопрос у нее пока нет...

А в школьных коридорах гости тихонько переговаривались между собой о том, что Татьяна Юрьевна мечтает превратить уездный бал в губернский... ❀

Фарандола – это почти русский хоровод с французским акцентом

Подписывайтесь на журнал

РусскийМир.ru

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2

www.ruskiymir.ru